



NORWEGIAN JOURNAL OF DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL SCIENCE

№17/2018

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.5

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
 - Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
 - Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
 - Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
 - Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
 - Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
 - Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
 - Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
 - Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
 - Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
 - Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
 - Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
 - Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
 - Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
 - Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
 - Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
 - Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
 - Chan Jiang (Peking University, China)
- and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>

CONTENT

EARTH SCIENCES

<i>Krapivsky E., Makhno D., Shubin A.</i> THE SUBSTANTIATION OF THE TECHNOLOGY OF TRANSPORTATION OF HYDROCARBONS OF KOVYKTI DEPOSIT AS A LIQUEFUS MIXTURE IN A SINGLE PHASE STATE 3	<i>Stepanov A., Salimgareeva O.</i> SEPARATING AND CHARACTERIZING OF THE AMPHIPHILIC FRACTIONS OF HUMIC ACIDS 16
<i>Solovianov A.</i> THREAT OF PAST ENVIRONMENTAL LIABILITIES FOR ENVIRONMENT 6	<i>Chibilyova V., Chibilyov A.</i> NATURAL-ECOLOGICAL FRAMEWORK AS THE WAY OF TERRITORY MANAGEMENT: ANALYSIS OF DEFINITIONS 24

HISTORICAL SCIENCES

<i>Shahabutdinova A.</i> ECONOMIC AND LEGAL POSITION OF THE MUSLIM CLERGY OF DAGESTAN IN 20-30 YEARS OF XX CENTURY 27	<i>Bedelova G., Tynyshtykbay A.</i> SOME DATA ON THE PECULIARITIES OF THE ECONOMIC SYSTEM FORMATION OF JOCHI'S KHANATE 38
<i>Mukhammadiev M.</i> CENTRAL ASIA IN TRADE IN THE VI-XII CENTURY 29	<i>Altayev A., Utegenova I.</i> FEATURES OF THE ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION IN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA 41
<i>Karibayev B., Sadyk Zh.</i> THE RELATIONSHIPS BETWEEN THE CENTRAL ASIA AND THE SHAIBANID STATE IN TRANSOXIANA 34	

JURISPRUDENCE

<i>Akimova N.</i> CRIMINAL BEHAVIOR AS FORMATION SOURCE CRIMINAL SPHERE OF THE RUSSIAN SOCIETY 45	<i>Korma V.</i> CAUSALITY THEORY AS A SYSTEM OF CONCEPTS 52
<i>Guliyev F., Kokoyeva L.</i> THE MEDICAL INSURANCE AS PART OF OBLIGATORY STATE INSURANCE 48	<i>Golovkin B., Novikov O.</i> THE ROLE OF INSTITUTIONS OF CIVIL SOCIETY IN PREVENTION OF CORRUPTION 56

POLITICAL SCIENCES

<i>Krapivskiy E., Lee Donghee, Volkova A.</i> THE POTENTIAL OF THE KOREAN GAS MARKET IN THE NEW ENERGY POLICY FROM A LONG-TERM PERSPECTIVE 61	<i>Ryaboshapko O., Tishenko N., Chapurko T.</i> POLITICAL AND LEGAL PROBLEMS OF PARTICIPATION OF THE RUSSIAN YOUTH IN THE COMMUNICATIVE SPHERES OF THE STATE 65
---	--

EARTH SCIENCES**THE SUBSTANTIATION OF THE TECHNOLOGY OF TRANSPORTATION OF HYDROCARBONS OF KOVYKTI DEPOSIT AS A LIQUEFUS MIXTURE IN A SINGLE PHASE STATE****Krapivsky E.***Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor, Department of Oil and Gas Transportation and Storage, Oil and Gas Faculty, St. Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia***Makhno D.***Postgraduate at Department of Transport and Storage of Oil and Gas, Oil and Gas Faculty, St. Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia***Shubin A.***Student at Department of Transport and Storage of Oil and Gas, Oil and Gas Faculty, St. Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia***ОБОСНОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ТРАНСПОРТИРОВКИ УГЛЕВОДОРОДОВ КОВЫКТИНСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ В ВИДЕ СЖИЖЕННОЙ СМЕСИ В ОДНОФАЗНОМ СОСТОЯНИИ****Крапивский Е.И.***Доктор геолого-минералогических наук, Профессор, Кафедра транспорта и хранения нефти и газа, Нефтегазовый факультет, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия***Махно Д.А.***Аспирант Кафедры транспорта и хранения нефти и газа, Нефтегазовый факультет, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия***Шубин А.В.***Студент Кафедры транспорта и хранения нефти и газа, Нефтегазовый факультет, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия***Abstract**

The article substantiates the technology of pipeline transport of hydrocarbon resources of the Kovykta gas condensate field through one pipeline in a single-phase state in the form of a liquefied mixture of natural gas and gas condensate. The description of the technology, the conditions for its implementation and the optimal technical solutions for implementation are given.

Аннотация

В статье проводится обоснование технологии трубопроводного транспорта углеводородных ресурсов Ковыктинского газоконденсатного месторождения по одному трубопроводу в однофазном состоянии в виде сжиженной смеси природного газа и газового конденсата. Приводится описание технологии, условия ее осуществления и оптимальные технические решения для реализации.

Keywords: liquid gas condensate, low-temperature pipeline, natural gas, a mixture of liquefied hydrocarbons, single-phase state.

Ключевые слова: газовый конденсат, низкотемпературный трубопровод, природный газ, смесь сжиженных углеводородов, однофазное состояние.

Вводная часть

Ковыктинское газоконденсатное месторождение (ГКМ) - одно из крупнейших газовых месторождений в мире. Ковыктинское ГКМ было выявлено в результате сейсморазведочных работ еще в 1975-1976 гг. Официальная дата открытия - 1987 г. Месторождение расположено на севере Иркутской области, в 450 км к северо-востоку от г. Иркутск.

Геологически Ковыктинское ГКМ расположено на юге Сибирской платформы в пределах Ангара-Ленской ступени. Согласно нефтегеологическому районированию, данная территория относится к Ангаро-Ленской нефтегазоносной области (НГО) Лено-Тунгусской нефтегазоносной провин-

ции (НГП). Площадь Ангаро-Ленского прогиба составляет около 500 тыс км². Кристаллический фундамент прогиба состоит из метаморфизованных пород, относящихся к архей-протерозойскому возрасту. Фундамент прогиба раздроблен многочисленными разломами на несколько блоков, погруженных от обрамления в центральную часть участка, образуя Ангаро-Ленскую ступень.

Месторождение характеризуется антиклинальным типом ловушки и литологически экранированной залежью с глубиной залегания 2838-3388 м и высотой около 150 км. Продуктивными являются пласты П2 и П1 парфеновского горизонта с мощностью 14-33 и 38-54 м соответственно. [1,10]

Характеристика продукции скважин Ковыктинского месторождения [1]
(Characteristics of production of wells of the Kovykta field)

Площадь месторождения, км ²	7 499,5
Глубина залегания (по вертикали), м	2838-3388
Толщина продуктивного пласта, м	78
Эффективная толщина, м	29
Пористость песчаника, %	10-19
Газонасыщенность	0,6-0,9
Пластовое давление, МПа	25,7
Пластовая температура, °С	55
Содержание конденсата, г/м ³	67,0
Содержание СН ₄ в газе, моль/%	90,3
Запасы категории С1+С2 принятые на баланс ЦКЗ МПР РФ, трлн. м ³	2,13
Ожидаемый годовой уровень добычи газа, млрд. м ³ /год	30

Запасы месторождения по категориям С1+С2 составляют более 2,5 трлн м³ природного газа, 2,3 млрд м³ гелия и более 115 млн т газового конденсата. Доразведка северной части месторождения может обеспечить прирост запасов ориентировочно до 3 трлн м³ газа. Разведанный потенциал Ковыктинского месторождения может обеспечить добычу более 25 млрд м³/год газа в течение более 30 лет. В настоящее время месторождение находится в стадии опытно-промышленной эксплуатации.

Отметим ряд принципиальных положений, которые следует соблюдать при реализации стратегии развития нефтегазового комплекса на востоке России и обосновании позиции России по экспорту углеводородов в АТР:

- Экспорт природного газа без полного извлечения из него на российской территории углеводородов С₂-С₅ и гелия недопустим. Данное положение устанавливается в соответствии с программой развития газового производства в России.

- Цены поставок природного газа в страны АТР должны соответствовать ценам европейского рынка, либо несколько превышать их с учетом более высокой стоимости альтернативных поставок СПГ.

- При обосновании маршрутов транспорта газа необходим приоритет социально-экономиче-

скому развитию российских ресурсных и транзитных территорий. Данное положение основано на основных принципах Восточной газовой программы.

В качестве альтернативного проекта по реализации разработки Ковыктинского месторождения мы рассмотрели вариант транспортирования углеводородного сырья без подключения к газопроводу «Сила Сибири», а по отдельному, независимому, маршруту. Такой вариант имеет определенные преимущества по сравнению с основным вариантом:

- Независимая система транспортировки углеводородов в КНР;
- Реализация программы газификации транзитных областей России и развития газового хозяйства.

Описание технологии трубопроводной транспортировки углеводородов в сжиженном состоянии

Принципиальная схема подготовки смеси сжиженных углеводородов (природного газа и газового конденсата) для транспортирования по низкотемпературным трубопроводам в однофазном жидком состоянии представлена на рисунке 1.

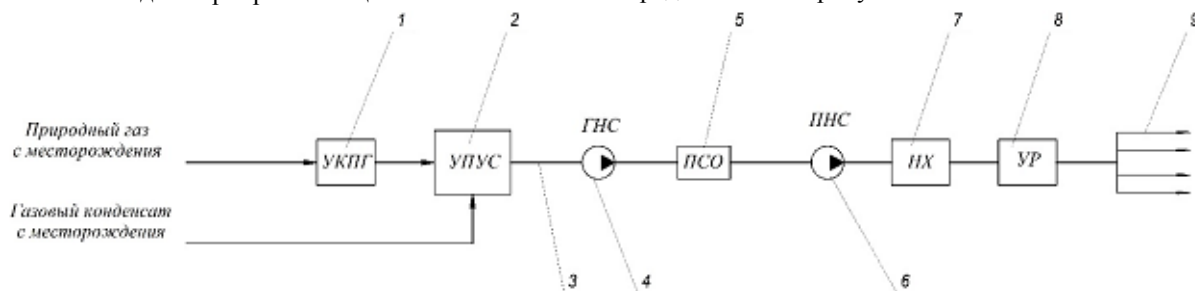


Рисунок 1. Принципиальная схема трубопроводного транспорта смеси сжиженных углеводородов:

1 - установка комплексной подготовки газа, 2 - установка получения углеводородной смеси, 3 - трубопровод, 4 - головная насосная станция, 5 - промежуточные станции охлаждения, 6 - промежуточные насосные станции, 7 - низкотемпературное хранилище, 8 - установка регазификации, 9 - подача газа потребителям [8]

(Schematic diagram of pipeline transport of a mixture of liquefied hydrocarbons:

1 - complex gas treatment unit, 2 - receiving unit hydrocarbon mixture, 3 - pipeline, 4 - head pumping station, 5 - intermediate cooling stations, 6 - intermediate pumping stations, 7 - low-temperature storage, 8 - regasification unit, 9 - feedgas to consumers)

Природный газ с газоконденсатного месторождения поступает на установку комплексной подготовки газа (УКПГ), где производится его очистка, осушка, и отделение от примесей [8]. Далее природный газ и газовый конденсат подаются на установку получения углеводородной смеси (УПУС), где происходит повышение давления одновременно с охлаждением газа и подача газового конденсата под высоким давлением до достижения необходимых параметров смеси сжиженных углеводородов (давление не более 12 МПа и температура в диапазоне $-40 \dots -50$ °C). Доля газа, которая не перешла в сжиженное состояние, поступает обратно, в нижнюю часть установки. Процесс повторяется до тех пор, пока весь объем газа и конденсата не перейдет в однофазное жидкое состояние при вышеуказанных температуре и давлении. Полученная смесь запускается в предварительно охлажденный трубопровод и транспортируется в таком состоянии.

Ключевым отличием описанной установки подготовки смеси сжиженных углеводородов от установки подготовки сжиженного природного газа (СПГ) является отсутствие финального цикла охлаждения - от -50 °C до -162 °C, что значительно снижает экономические затраты. [4,7]

Для поддержания температуры смеси в заданных границах трубопроводы предлагается покрыв-

ать специальной теплоизоляцией из пенополиуретана толщиной до 70 мм, а вдоль трассы размещать промежуточные станции охлаждения (ПСО). В конечной точке трубопровода размещаются низкотемпературное хранилище смеси (НХ) и установка регазификации (УР) сжиженной углеводородной смеси. На установке регазификации смесь разделяется на основные составляющие: газ, газовый конденсат, высокомолекулярные соединения. Далее газ подается в магистральный газопровод, а газовый конденсат транспортируется трубопроводным или альтернативным транспортом. [4,5,6]

На рисунке 2 представлены фазовые диаграммы P-T (давление – температура) и критические параметры смеси при различном содержании газового конденсата. Она показывает, что добавление 3 % газового конденсата по массе к добываемому природному газу приводит к тому, что критическая температура смеси повышается с минус 73 °C для типичного природного газа и с минус 50,8 °C для пластового газа Ковыктинского месторождения до минус 39,6 °C (критическое давление составляет 10,03 МПа). При добавлении 5 % критическая температура смещается до минус 37,1 °C при критическом давлении 10,45 МПа. При содержании газового конденсата 7 и 10 % критическая температура составляет минус 34,96 и минус 28,9 °C, а критическое давление – 10,81 и 11,72 МПа соответственно. [7]

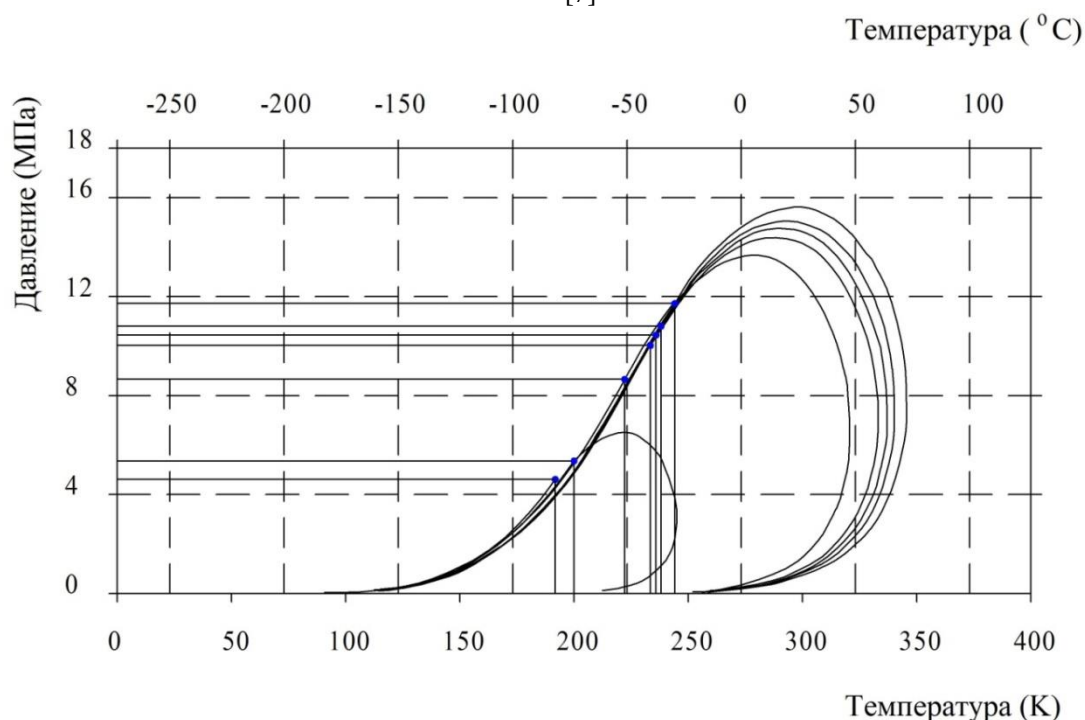


Рисунок 2. P-T диаграмма (давление – температура) различных индивидуальных веществ и смесей (в массовых процентах) [9]

(P-T diagram (pressure-temperature) of various individual substances and mixtures in weight percent)

Месторождение Ковыктинское является газоконденсатным. Массовое содержание нефти и газового конденсата достигает 3 - 10%. Это является благоприятным фактором для получения смеси природного газа, конденсата и нефти в однофазном состоянии.

Выводы

В статье проведено обоснование технологии трубопроводного транспорта природного газа и газового конденсата с Ковыктинского ГКМ в виде

сжиженной смеси в однофазном состоянии. Описаны технические решения, необходимые для реализации данной технологии, указаны преимущества технологии перед подготовкой и трубопроводным транспортом СПГ. Определены основные положения, которые следует соблюдать при реализации стратегии развития нефтегазового комплекса на востоке России и обосновании переговорной позиции России по экспорту углеводородов в АТР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Довгалева Ю. А., Коротаев Ю. П. Термобарический прогноз нефтегазоносности глубоко-залегающих подсолевых отложений Ковыктинского месторождения [Электронный ресурс]: «Нефть России» - Электрон. журн. – Москва: 1998 – 2016. – Режим доступа: <http://www.oilru.com/nr/87/1167>.
2. Независимый анализ путей транспортировки углеводородного сырья с Ковыктинского газоконденсатного месторождения / Каширцев В.А., Коржубаев А.Г., Садов А.П. и др. // М. - Иркутск – Нижний Новгород, 2007. – 162.
3. Обоснование инвестиций для Ковыктинского газоконденсатного месторождения [Электронный ресурс]: ИД «Бюджет» - Электрон. журн. – Москва: 2012 – 2016. – Режим доступа: <http://bujet.ru/article/183021.php>.
4. Крапивский Е.И. Научно-технический прогресс в морской транспортировке нефти и газа: Учебное пособие / Е.И. Крапивский. – СПб.: Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», 2013. – 159 с.
5. Крапивский Е.И., Миннегулова Г.С., Садыкова Р.М. Особенности строительства подземного низкотемпературного магистрального трубопровода смеси сжиженных углеводородных газов в условиях Крайнего Севера // Горный информационно-аналитический бюллетень. М.: МГГУ, 2013. № 12. С. 270 – 275.
6. Крапивский Е.И., Миннегулова Г.С. Исследование фазовых состояний смесей сжиженных углеводородов газоконденсатных месторождений п-ова Ямал при низких температурах // Газовая промышленность, 2014. № 11. С. 86 – 90.
7. Крапивский Е.И., Миннегулова Г.С. Особенности теплогидравлического расчета подземного низкотемпературного магистрального трубопровода смеси сжиженных углеводородов / Горный информационно-аналитический бюллетень. – М.: МГГУ, 2015. – № 6. – С. 332 – 338.
8. Миннегулова Г.С. Обоснование технологии транспортирования смеси сжиженных углеводородов газоконденсатных месторождений Крайнего Севера по низкотемпературным магистральным трубопроводам: дис ... канд. техн. наук: 25.00.19 / Миннегулова Гульнур Сагдатовна – СПб., 2015. – 128 с.
9. Писаревский В.М., Швец А.Н. Трубопроводный транспорт газоконденсатной смеси в сверхкритическом состоянии // Газовая промышленность. 2014. № 1. с. 87-90.
10. Ковыктинское газоконденсатное месторождение (Ковыкта) [Электронный ресурс]: «Neftegaz.RU»- Электрон. журн. 2000-2017. – Режим доступа: http://neftgaz.ru/tech_library/view/4189-Kovyktinskoe-gazokondensatnoe-mestorozhdenie-Kovyкта.
11. Changjun Li, Yang Peng, Jingya Dong, Lei Chen. Prediction of the dew point pressure for gas condensate using a modified Peng–Robinson equation of state and a four-coefficient molar distribution function // Journal of Natural Gas Science and Engineering, Vol. 27, Part 2, November 2015, P. 967-978.
12. Kh. Nasrifara, M. Moshfeghian. Vapor–liquid equilibria of LNG and gas condensate mixtures by the Nasrifara–Moshfeghian equation of state // Fluid Phase Equilibria, Vol. 200, Issue 1, 15 July 2002, P. 203-216.
13. Nefeli Novak, Vasiliki Louli, Stathis Skouras, Epaminondas Voutsas. Prediction of dew points and liquid dropouts of gas condensate mixtures // Fluid Phase Equilibria, Vol. 457, 15 February 2018, P. 62-73.

THREAT OF PAST ENVIRONMENTAL LIABILITIES FOR ENVIRONMENT

Solovianov A.

*Doctor of chemistry, professor, Deputy director,
All-Russian Scientific Research Institute of Environmental Protection*

ОПАСНОСТЬ ОБЪЕКТОВ НАКОПЛЕННОГО ВРЕДА ДЛЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Соловьянов А.А.

Доктор химических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Всероссийский научно-исследовательский институт охраны окружающей среды (Москва)

Abstract

Negative impact of past economic activity on the territory of the Russian Federation was described. Types of mining activity as the main sources of environmental pollutions in past environmental liabilities were described. Negative impact of landfills were described

Аннотация

Описаны негативные последствия прошлой экономической деятельности на территории Российской Федерации. Охарактеризованы виды горнопромышленного производства, являющиеся основными источниками загрязняющих веществ в объектах накопленного вреда окружающей среде. Охарактеризовано воздействие на окружающую среду полигонов по размещению твердых коммунальных отходов.

Keywords: past environmental liabilities, coal enrichment, diamonds enrichment, gold enrichment, enrichment of metal ores, enrichment of chemical ores, landfill

Ключевые слова: накопленный вред окружающей среде, обогащение угля, обогащение алмазов, обогащение горно-химического сырья, обогащение золота, обогащение руд цветных металлов, полигон по размещению твердых коммунальных отходов

1 Общая характеристика накопленного вреда окружающей среде на территории России

Среди различных видов негативного воздействия на окружающую среду значительную роль играет *промышленное загрязнение почв, грунтов и подпочвенных вод* [1-3]. Так, например, общая площадь сельскохозяйственных земель, загрязненных органическими и неорганическими веществами, составляет в Российской Федерации около 75 млн га, в том числе 60 млн га - за счет выбросов, сбросов загрязняющих веществ и размещения отходов производства. По данным аэрокосмических съемок, ареалы распространения загрязняющих веществ непосредственно вокруг промышленных комплексов России охватывают территорию в 18 млн га. Наибольший вклад в загрязнения вносят предприятия черной и цветной металлургии, горнодобывающие, химические и нефтехимические предприятия. В частности, площадь почвенного покрова, загрязненного цветными металлами и фтором, достигает в России 3,6 млн га, при этом чрезвычайно высокий уровень загрязнения степенью загрязнения обнаружен на площади более 0,25 млн га.

Содержание свинца на территории Иркутска, Свирска, Рудной Пристани, Черемхова, Каменска-Уральского Свердловской области в десять и более раз превышает [1-2] ПДК. Такое же превышение ПДК по меди обнаружено в Ревде Свердловской области, Ижевске, Санкт-Петербурге, Рязани, Нижнем Новгороде, Кирове, Томске, Рудной Пристани. Десятикратное превышение ПДК сразу по трем компонентам (меди, никелю и кобальту) зафиксировано в г. Мончегорске Мурманской области.

Фтором загрязнены [1-2] земли вокруг предприятий алюминиевой промышленности в г. Краснотурьинске Свердловской области, Братске, Новокузнецке, Волгограде, Красноярске. Концентрация фтора в этих районах больше фонового уровня в 4 - 10 раз, а содержание водорастворимого фтора в 10-30 раз превышает ПДК. По данным обследования территории вокруг Кандалакшского алюминиевого завода, содержание фтора в верхнем слое почвы превышает фоновый уровень в 3 раза на расстоянии до 20 км.

Значительное влияние на загрязнение почв оказывают [1-2] предприятия нефтехимической и нефтеперерабатывающей отраслей. Зона их активного загрязнения составляет 1-3 км от предприятий при общем распространении загрязнителей, в том числе попадающих в сельскохозяйственные культуры, на расстояние не менее 20 км.

По суммарному показателю загрязнения почв в городе и в радиусе 5 км от него к чрезвычайно опасным относятся Мончегорск, Ревда и Белово Кемеровской области.

Существенным источником загрязнения почв могут служить полигоны по размещению твердых бытовых отходов, отвалы и шламохранилища предприятий горнодобывающей, металлургической, нефтехимической, нефтеперерабатывающей промышленности.

Значительно загрязнены территории базирования частей армии, авиации и флота, занимающих в нашей стране 13 млн. га. Из территорий военных округов наибольшие концентрации загрязняющих веществ обнаружены в Уральском (гарнизон Шадринск), Забайкальском (Степь, Безречный, Домна) и Дальневосточном (Анастасиевка).

Наиболее распространенными загрязнителями почв и земель на объектах Вооруженных Сил являются [1-2] горюче-смазочные материалы (ГСМ). Очистке от них подлежит более 50 тыс. га. Значительная часть компонентов ГСМ просачивается в грунт из-за изношенности хранилищ и трубопроводов, при заправке авиационной техники. Под взлетными полосами некоторых аэродромов скопились «техногенные месторождения» основного авиационного топлива - керосина. Так, в подземной керосиновой линзе у г. Энгельса Саратовской области, расположенного на Волге, находится не менее 20 тыс. т топлива. В г. Ейске Краснодарского края на берегу Таганрогского залива аналогичная линза тянется к Азовскому морю.

Существенны масштабы загрязнения почв и земель за рубежом. Так, в Германии насчитывается 50 тыс. участков загрязненной земли, в Нидерландах - 100 тыс., Дании - до 10 тыс. Площадь загрязнения в Великобритании равна 200 тыс га. Значительным источником загрязнения территорий тяжелыми металлами являются заводы по сжиганию отходов, а также шламонакопители и хвостохранилища предприятий горнодобывающей и перерабатывающей промышленности. В США число объектов накопленного вреда окружающей среде (НВОС) превышает 240 тысяч.

Для ликвидации объектов, загрязняющих природные среды, во всех развитых странах разрабатываются [3] и реализуются специальные программы, которые могут федеральными, региональными или отраслевыми программами в зависимости от значимости задач и природно-климатических условий

территорий. Для повышения эффективности деятельности по устранению НВОС формируются целые разделы природоохранного законодательства, разрабатываются и внедряются технологии ремедиации почв и земель, очистки подпочвенных вод и донных осадков.

Масштабность проблем НВОС, которые предстоит решать Российской Федерации, требует [3] глубокого анализа имеющихся как в нашей стране, так и за рубежом подходов и технологических решений, чтобы выбрать из них наиболее эффективные и экономически приемлемые для наших природно-климатических и социально-экономических условий

2. Виды загрязняющих веществ в техногенных образованиях

К техногенным объектам, представляющим опасность для окружающей среды, относятся [3]:

1) отвалы пород и шламохранилища (хвостохранилища) — результаты деятельности предприятий горной промышленности, которые добывают, обогащают и перерабатывают различные полезные ископаемые (углеводороды, уголь, горючий сланец, железную и цветные руды, золото, уран, апатиты, фосфориты и др.);

2) золошлакоотвалы тепловых электростанций и котельных, сжигающих твердое и жидкое органическое топливо (уголь, сланец, торф, мазут);

3) металлургические шламы, образующиеся при плавлении руд черных и цветных металлов;

4) отходы предприятий агропромышленного комплекса — навоз крупного и среднего рогатого скота, помет разных птиц; склады с вышедшими из употребления или запрещенными к употреблению химикатами, например пестицидами (дихлордифенил-трихлорэтан, альдрин, дильдрин, эндрин, хлордан, мирекс, токсафен, гептахлор, гексахлорбензол). Многие из таких складов находятся в полуразрушенном состоянии, химикаты перемешаны и рассеяны по близлежащей территории;

5) отходы деятельности предприятий жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), в первую очередь полигоны твердых коммунальных отходов (ТКО) и хранилища иловых осадков, образующихся в биологических очистных сооружениях (БОС).

Среди перечисленных объектов прошлого (накопленного) экологического ущерба (вреда) самые большие территории занимают техногенные образования горнопромышленных предприятий.

По некоторым оценкам, в отвалах и шламохранилищах горнопромышленных производств на территории России накоплено [1-3] около 40 млрд тонн различных веществ и материалов. Отвалы вскрышных и вмещающих пород помимо относительно нейтральных материалов (песка, гравия, мела, ракушечника и др.) включают фрагменты добываемых полезных ископаемых, а также органические и неорганические вещества пластовых вод, содержащих практически всю таблицу Менделеева. При длительном хранении эти вещества могут химически трансформироваться, за счет ветроуноса загрязнять прилегающие территории, а при добыче

горючих материалов типа угля и сланца — сгорать с выделением разнообразных загрязняющих веществ, частично оседающих также вблизи техногенного образования.

Еще один вклад в загрязнение окружающей среды, в первую очередь почвы и подземных вод, дает [3] фильтрат, который образуется при вымывании различных веществ из отвалов водой атмосферных осадков.

Однако гораздо более серьезную угрозу представляют шламонакопители (хвостохранилища), образующиеся при обогащении добытых полезных ископаемых. Для отделения пустой породы используются разные технологии [4-8], наиболее распространены промывка, сепарация и флотация. Именно флотация приводит к самым сильным загрязнениям шламов и хвостов разнообразными химическими веществами.

Ниже даны примеры технологических процессов обогащения полезных ископаемых, приводящих к загрязнению пульпы и затем хвостов органическими и неорганическими веществами, а также самих этих веществ. Многие из них иностранного производства, поскольку отечественная химическая промышленность пока не может полностью обеспечить потребности разных отраслей экономики в химических веществах и препаратах, поэтому горнодобывающим предприятиям приходится их импортировать.

2.1. Обогащение угля

Особое место в комплексе технологических мероприятий занимает [4-5] обогащение угля в тяжелых средах, которыми служат тяжелые жидкости и минеральные суспензии.

В промышленном обогащении угля широко используется раствор хлористого кальция, представляющий собой отход производства бертолетовой соли либо соды. Для повышения плотности разделения добавляют водные растворы азотнокислого кальция, который получается при утилизации отходящих газов на заводах азотной промышленности. Стабильные растворы дает поташ (углекислый калий) — отход производства глинозема из нефелиновых руд. Таким образом, имеется обширный ассортимент неорганических солей, водные растворы которых можно использовать в качестве тяжелых сред для обогащения твердого топлива.

Пригодные для обогащения угля тяжелые органические жидкости по своим физико-химическим свойствам представляют собой галоидопродукты различных углеводородов. Йодистые соединения недостаточно стойки и очень дороги. Поэтому в обогатительной промышленности для исследования используют только полихлориды и полибромиды. В качестве основной жидкости берут четыреххлористый углерод. Для получения среды меньшей плотности к нему примешивают дихлорэтан или трихлорэтилен.

Тяжелые (минеральные) суспензии изготавливают из минералов и воды. Используют магнетит, пирит, барит, песок, глину, калашниковую пыль. Наиболее легко регенерируется магнетитовая суспензия.

пензия. В качестве сепараторов используют оборудование торговых марок Drewboy (Франция), Wedag (Германия), TESKA (Германия).

Наиболее эффективен [5] флотационный метод обогащения угля. При флотации легкосредним маслом в концентрат переходит 85 % фюзена. При флотации крезолом 85 % фюзена уходит в хвосты. Эффективны также ароматические соединения с гетероатомами в ряду $\text{CH}_3\text{--NH}_2\text{--OH}$. Добавка в технические реагенты нафталина и его производных улучшает селекцию в 1,2 раза.

Для флотации угля в качестве собирателей обычно применяют [5] вещества неполярного строения, которые содержат некоторое количество гетерополярных веществ и обладают большей или меньшей степенью пенообразования. К ним относятся продукты переработки самого угля или, точнее, каменноугольной смолы: масло легкое, среднее и антраценовое. Смола получается при коксовании угля на коксобензольных заводах. Применяют и другие продукты коксобензольного производства: фенолы (черная карболка), масло коксохимического производства, модифицированное формалином, реже сырой бензол.

Широко при флотации используют нефть и продукты ее переработки (керосин, соляровое масло, керосино-газойливая фракция). Используют также высшие спирты, неорганические соли (NaCl , CaCl_2).

Иногда для флотации труднообогащаемых углей применяют реагенты-модификаторы (сополимеры винилпиридина с алкилсульфоксидами). Самые лучшие флотационные свойства по отношению к высокосернистым углям и депрессирующие свойства по отношению к пиритизированным угольным поверхностям проявляют сложные эфиры фталевой кислоты и некоторые соли сульфокислот.

На территории Англии в качестве дисперсантов используют [4-5] гексаметафосфат, дубильную (таниновую) кислоту, кремнефтористый натрий; в качестве активаторов — сульфид натрия, в качестве собирателей — октиловый спирт, бензоларсоновую кислоту, бутиловый ксантогенат, в качестве неполярных масел — керосин, топливное масло, а в качестве пенообразователя — спиртоэфирную смесь.

2.2. Обогащение алмазов

Технология извлечения алмазов обычно включает [6]:

- дезинтеграцию исходного сырья и превращение его в рыхлую смесь для освобождения алмазов от связи с другими компонентами;
- получение первичных концентратов разделением рыхлой смеси на два продукта, в одном из которых, значительно меньшем по объему, сконцентрированы алмазы;
- извлечение алмазов из первичных концентратов.

Для доочистки поверхности алмазов используют [6] растворы кислот и щелочей. При обогащении алмазосодержащих руд и россыпей используют тяжелые жидкости — раствор Клеричи, концентрированный раствор комплексной соли М-45, сульфат

свинца, тетрабромэтан и др. Отделяют алмазы с помощью пенной сепарации и пленочной флотации с использованием нефтяного масла.

Для более эффективного разделения материал обрабатывают [6] реагентами-собирателями, а также регулируют ионный состав воды. В процессе флотации может применяться аэрофлот-25 (дитиофосфат) вместе с крезоловой кислотой в качестве вспенивателя и с керосином в качестве стабилизатора пены, а также жирно-кислотные масла и катионные собиратели.

При жировом методе алмазы выделяются, прилипая к поверхности, покрытой липким составом. В качестве такого покрытия используют смеси нефтепродуктов, включающие петролатум и товарные масла. Введение в состав покрытия модифицирующих добавок (низкомолекулярных веществ) увеличивает его адгезию к поверхности алмазов, обеспечивая высокую степень их сепарации.

2.3. Обогащение горно-химического сырья

К горно-химическому сырью относят апатитовые, фосфоритовые, калийные, серные руды и руды, содержащие мышьяк и бор. Апатитовые, фосфоритовые, калийные и серные руды используют в основном для получения минеральных удобрений.

Горно-химическое сырье имеет ряд особенностей [7].

Во-первых, их минеральный состав многообразнее, чем состав металлических полезных ископаемых. Во-вторых, структура и текстура этих руд очень сложны. В-третьих, физические и физико-химические свойства входящих в их состав минералов близки между собой. Все это затрудняет переработку горно-химического сырья и часто требует нетрадиционных методов обогащения, а при флотации — применения специальных реагентов.

Основной метод [7] обогащения апатитовых и фосфоритовых руд — флотация. Чаще всего для нее используют такие собиратели, как мыла дистиллированного таллового масла, его смеси с оксипропилированными высокомолекулярными спиртами, ацилированные аминокислоты (таллактамы), а также их смеси с гидроксамовыми кислотами и дифосфоновыми кислотами. В качестве регуляторов флотации также используют разнообразные соединения различной природы (жидкое стекло, триполифосфат, сульфит-спиртовая барда, лиозон, лифрин-П, лигносульфонаты и др.).

В разных странах флотацию апатита осуществляют [7] в щелочной среде, создаваемой содой с помощью жирно-кислотных собирателей и жидкого стекла. В ЮАР руды магматического происхождения обогащают флотацией с помощью нонилфенилтетрагликолиевого эфира. В Бразилии апатит отделяют от карбонатов и окислов железа с помощью каустического крахмала. В Финляндии для селективной флотации апатита применяют азотсодержащий саркозин. В таких странах, как США, Турция, Россия, Марокко, Индия, Швеция, Франция в качестве депрессоров фосфата используют фосфорную, дифосфоновую, серную, кремнефтористо-водород-

ную кислоты, комплекс сульфата алюминия с янтарной кислотой, хинализарин. Находят применение селективные собиратели: эфиры фосфорной кислоты, соли алкиламинопропионовых кислот и амфотерные реагенты.

Первичное обогащение фосфоритов обычно включает промывку и осуществляется с использованием флотации. При этом применяют реагенты, обычные для флотации других несulfидных руд. В качестве собирателей используют различные поверхностно-активные вещества с солидофильной полярной группой. Почти всегда данные реагенты применяют в сочетании с малорастворимыми в воде углеводородами.

В США для флотации фосфоритов долгое время применяли [7] такие анионные реагенты, как олеиновая кислота и непредельные жирные кислоты из растительных и животных жиров, затем сырое талловое масло. Известно использование с олеиновой кислотой трансформаторного масла, керосина, которые улучшают флокуляцию фосфата. При обогащении низкокачественных фосфоритов для флотации использовались sulfированное растительное и смазочное масла, жирные кислоты и дизельное топливо.

При флотации фосфоритовых руд Африки используют талловое масло в смеси с газойлем и мазутом.

За рубежом получены патенты на реагенты для флотации фосфоритов, представляющие собой различные сочетания жирных кислот и аполярных углеводородов, алкиларилсульфонатов, эфиров, спиртов и других поверхностно-активных веществ.

Флотация для целей обогащения сильвина (калийной соли) осуществляется ионогенными ПАВ, преимущественно катионоактивными, — первичными алифатическими аминами с длиной углеводородной цепи от C12 до C18. Применяются также: смесь первичных насыщенных аминов C14, C16, C18 или C16, C18, C20; нормальные одноосновные алифатические спирты с содержанием в молекуле 4–20 атомов углерода или смесь таких спиртов; смесь уксуснокислой соли первичных алкиламинов (C12–C18) и одноосновного спирта, например метилизобутилкарбинол; омыленное хлопковое масло; алкогольсульфаты с 8–12 атомами углерода типа $C_nH_{2n+1}SO_4Me$; сульфатоктадецил натрия; алкилзамещенные соли гаунидина; ацилпроизводные этилендиамина; сложные эфиры солянокислого глицина; сульфатпроизводные лауриновой кислоты или лауринового спирта; продукты реакции аминов с хлористой серой; хлорированные и аминированные углеводороды; полисахариды.

При флотационном обогащении сильвинитовой руды 70–75 % ее уходит в отвалы, причем технологические схемы предусматривают отделение глинистых примесей от солевых минералов. В результате получают [7] два вида отходов: галитовые, на 90–94 % представленные хлористым натрием, и глинисто-солевые — полидисперсные системы сложного минералогического состава.

2.4. Обогащение золота

Основные типы руд золота: золото-кварцевые, золото-сульфидные, золото-мышьяковые, золото-медные и золото-сурьмяные руды.

В рудной практике флотация — один из основных методов [8] извлечения золота. Обычно этот процесс происходит в щелочной среде. Более эффективной считается флотация в слабокислой среде с кремнефтористым натрием в сочетании собирателя с эмульгированным аполярным маслом и диметилфталатом.

Цианированием извлекают золото как из руд, так и из продуктов их переработки (хвостов, концентратов, промпродуктов, огарков и др.). При этом обычно используют растворы $NaCN$ и $Ca(CN)_2$, реже KCN , а в качестве защитной щелочи — известь.

Кроме цианидов для выщелачивания золота применяют и другие реагенты. Например, слабокислые растворы тиомочевина в присутствии небольших количеств окислителя.

В США практикуют [8] масляную агломерацию, когда на улавливающую поверхность наносят отходы нефтепереработки алифатического состава.

Для извлечения золота из коренных пород широко применяют [8] метод флотации, в котором собирателями золота являются ксантогенаты, дитиофосфаты, меркаптаны, соли жирных кислот. В число реагентов, в присутствии которых нередко осуществляется флотация свободного золота, входят цианид, сернистый натрий, щелочи, сульфит натрия, медный купорос, жидкое стекло, крахмал, полиакриламид.

Основной реагент, применяемый в промышленном масштабе при кучном выщелачивании, — цианид натрия. В результате образуется целый ряд высокотоксичных веществ, которые нейтрализуют с помощью хлорной извести, жидкого хлора, железного купороса, озона.

Не утратила [8] значения и амальгамация. За счет технических усовершенствований этот метод успешно применяется, например, на руднике Хоумстейк в Южной Дакоте (США).

2.5. Обогащение руд цветных металлов

Разнообразие руд цветных металлов обуславливает и многообразие химических веществ и материалов, используемых при их обогащении.

В нашей стране и за рубежом основные собиратели [8] при флотации сульфидов из руд цветных металлов — ксантогенаты и дитиофосфаты (аэрофлоты): этиловые, изопропиловые, изобутиловые и н-бутиловые.

Извлечение меди и молибдена в коллективном цикле флотации происходит [8] с использованием углеводородных масел. Эффективность процесса повышают добавки эфиров ксантогенатовых кислот (аллиловых эфиров бутилксантогеновой кислоты и амилксантогеновой кислоты).

Для улучшения результатов коллективной медно-цинковой, селективной медной и цинковой флотации из лиридных руд, медно-молибденовой флотации из медных порфировых руд, медной флотации при разделении медно-никелевого файнштейна в России используют диалкилтиокарбамат

(изопропилметилтиокарбамат, или реагент ИТК), за рубежом — Z-200 (изопропилэтилтиокарбамат).

При флотации золотосодержащих руд добавляют как бутиловый ксантогенат, так и более эффективный реагент ИР-70 (продукт взаимодействия тиомочевины и 1,3-ди-хлорбутана-2). Для обеспечения высокой степени селективности при извлечении серебра, золота, рения, висмута, сульфидов меди и молибдена используют реагент МИГ-4Э (этилвинилбутиловый эфир).

При извлечении барита и несulfидных минералов из хвостов сульфидной флотации кроме олеиновой кислоты и жирнокислотной фракции таллового масла с низким (не более 2–3 %) содержанием смоляных кислот могут использоваться дихлоркарбоновые кислоты фракции C17–C20. Эффективными собирателями барита являются алкилсульфаты на основе спиртов C16–C20 и аспарал-Ф (аналог аэрозоля-22). Доизвлечь окисленные минералы меди помогает [8] реагент ИМ-50 (смесь алкил-гидраксисовых кислот C7–C9).

В качестве пенообразователей на обогатительных фабриках в нашей стране применяют [8] в основном реагенты Т-80 (смесь спиртов пиранового и диоксанового ряда с некоторыми гликолями), ОПСБ (смесь монобутиловых эфиров полипропиленгликолей), МИБК (метилизобутилкарбинол). На отдельных предприятиях используют также циклогексанол, реагент Д-3 (диметилфталат), ТЭБ (триэтоксипутан) и другие реагенты на основе оксипропиленов.

Из новых пенообразователей, рекомендованных к внедрению при флотации медно-молибдено-

вых и медно-никелевых руд, наиболее перспективны реагенты ВГ-3 (из класса полигликолей) и МП (из класса пиразолов).

В качестве реагентов-депрессоров используют реагенты МФТК (тиокарбамат низкомолекулярных органических соединений) и ИМД-10 (продукт взаимодействия сернистого натрия с треххлористым фосфором).

Для разделения коллективных минеральных концентратов добавляют МФТК, ферроцианид калия, сульфида натрия, смеси сульфита и медного купороса, дицианодиаминоцинк, сульфит или тиосульфат натрия в сочетании с сернокислым или хлорным железом, различные сочетания извести, сульфида натрия, цинкового купороса и сульфоксидного соединения.

2.6. Опасность отходов обогащения

Для обогащения руд и минералов используют самые разные органические и неорганические вещества и соединения, а также их смеси. Многие из них представляют серьезную опасность для объектов живой природы и человека, так как, по крайней мере, часть их относится к веществам 1–3 класса опасности (Таблица 1). Вместе с отходами обогащения эти вещества и соединения и/или продукты их разложения сбрасываются в шламонакопители или хвостохранилища. В зависимости от длительности их нахождения в этих накопителях и/или природно-климатических условий они могут трансформироваться и мигрировать (например, испаряться или поступать в подземные воды). Полное их обезвреживание до момента, когда начнется реабилитация (ликвидация) объекта НВОС, вряд ли возможно.

Таблица 1

Класс опасности некоторых химических веществ, используемых в горнопромышленном производстве [9-11]

Процесс производства	Вещество	Класс опасности
Обогащение угля	четырёххлористый углерод	2
	дихлорэтан	2
	бензол	2
	фенол	2
	соляровое масло	3
	эфиры фталевой кислоты	2
	гексаметафосфат натрия	4
	фениларсоновая кислота	2
Обогащение алмазов	сульфат свинца	1
	тетрабромэтан	2
	крезиловая кислота	2
	нефтяное масло	3–4
Обогащение горно-химического сырья	дифосфоновые кислоты (тетранатриевая соль)	3
	серная кислота	2
	ортофосфорная кислота	2
	алкиларилсульфонаты	3–4
	алкиламины	2
	метилизобутилкарбинол	3

Обогащение золота	диметилфталат	4
	тиомочевина	2
	меркаптаны	2
	дитиофосфаты	2
	полиакриламид	4
	медный купорос	2
	цианид натрия	1
Обогащение руд цветных металлов	тиокарбаматы	Канцерогены
	изопропилметилтиокарбамат	3
	изопропилэтилтиокарбамат	3
	ферроцианид калия	3
	пиразолы	3
	тиосульфат натрия	3
	этилксантоген калия	3
	бутилксантоген калия	3
	алкилдитиофосфат цинка	3
	монобутиловых эфиры полипропиленгликолей	3
	сульфид натрия	2
	цинковый купорос	2
	хлорное железо	2

3. Накопители твердых коммунальных отходов

Как официально действующие полигоны по размещению твердых коммунальных отходов (ТКО), включенные в Государственный реестр объектов по размещению отходов (ГРОРО), так и не-санкционированные свалки являются накопителями приблизительно одних и тех же материалов (Таблица 2). Основную часть свалочной массы составляют органические материалы (пищевые от-

ходы, бумага, картон, отходы полимерной упаковки и пластических масс, остатки кожаных и резиновых изделий, древесные отходы), которые под действием микроорганизмов разлагаются (расщепляются) и превращаются в разнообразные твердые, жидкие и газообразные химические соединения. Особенно интенсивно процессы разложения ТКО протекают при повышенной влажности (60–90%), в нейтральной или слабощелочной среде.

Таблица 2

Морфологический состав твердых коммунальных отходов в разных климатических зонах [12-13]

Морфологический состав ТКО	Доля (по массе) видов ТКО в разных климатических зонах, %		
	средняя полоса	южная полоса	северная полоса
Пищевые отходы	35–45	40–49	32–39
Бумага, картон	32–35	22–30	26–35
Дерево	1–2	1–2	2–5
Черный металлолом	3–4	2–3	3–4
Цветной металлолом	0,5–1,5	0,5–1,5	0,5–1,5
Текстиль	3–5	3–5	4–6
Кости	1–2	1–2	1–2
Стекло	2–3	2–3	4–6
Кожа, резина	0,5–1	1	2–3
Камни, штукатурка	0,5–1	1	1–3
Пластмасса	3–4	3–6	3–4
Прочее	1–2	3–4	1–2
Отсев (менее 15 мм)	5–7	6–8	4–6

В газообразных продуктах разложения ТКО — свалочных газах, или биогазах, как правило, доминируют метан и диоксид углерода (углекислый газ). Можно также обнаружить в них органические и неорганические соединения, относящиеся к алканам,

циклоалканам, алкенам, циклоалкенам и ароматическим углеводородам (Таблица 3). При разложении ТКО образуется достаточно много галогенированных соединений.

Таблица 3

Состав свалочного газа [14]

Класс соединений	Соединение	Содержание в биогазе	Класс опасности
Алканы	Метан	44–66 %	4
	Этан	0,8–48,0 мг/м ³	4
	Пропан	1,4–13,0 мг/м ³	4
	Бутан	0,03–23,0 мг/м ³	4
	Пентан	0,0–12,0 мг/м ³	4
	Гексан	3,0–18,0 мг/м ³	4
	Гептан	3,0–8,0 мг/м ³	4
	Октан	0,05–75,0 мг/м ³	4
	Нонан	0,05–400,0 мг/м ³	4
	Декан (изодекан)	0,2–137,0 мг/м ³	4
	Ундекан	7,0–48,0 мг/м ³	–
	Додекан	2, 0–4, 0 мг/м ³	4
	Тридекан	0,2–1,0 мг/м ³	4
	2-метилпентан	0,02–1,5 мг/м ³	–
	3-метилпентан	0,02–1,5 мг/м ³	–
	2-метилгексан	0,04–16,0 мг/м ³	–
	3-метилгексан	0,04–13,0 мг/м ³	–
	2-метилгептан	0,05–2,5 мг/м ³	–
	3-метилгептан	0,05–2,5 мг/м ³	–
Цикло-алканы	Циклогексан	0,03–11,0 мг/м ³	4
	Бицикло-3.1.0-гексан 2.2 метил-5-метилэтил	12,0–153,0 мг/м ³	–
Алкены	Этен	0,7–31,0 мг/м ³	3
	Пропен	0,04–10,0 мг/м ³	3
	Бутен	1,0–21,0 мг/м ³	4
Цикло-алкены	Циклогексен	2,0–6,0 мг/м ³	–
	Бицикло-3.2.1-октан- 2.3-метил-4-метилен	15,0–350,0 мг/м ³	–
Аромати-ческие углеводороды	Бензол	0,03–7,0 мг/м ³	2
	Толуол	0,2–615,0 мг/м ³	3
	Диметилбензол	0,2–7,0 мг/м ³	3
	Изопропилбензол	0,0–32,0 мг/м ³	4
	1.3.5-метилбензол	10,0–25,0 мг/м ³	–
Галогенированные углеводороды	Дихлорметан	0,0–6,0 мг/м ³	4
	Трихлорметан	0,0–2,0 мг/м ³	2
	Тетрахлорметан	0,0–0,6 мг/м ³	2
	Хлорэтан	0,0–264,0 мг/м ³	4
	Дихлорэтан	0,0–294,0 мг/м ³	2
	Трихлорэтан	0,0–182,0 мг/м ³	–
	1.1.1-трихлорэтан	0,5–4,0 мг/м ³	4
	Дихлордифтор-метан	4,0–119,0 мг/м ³	4
	Трихлорфторметан	1,0–84,0 мг/м ³	4
	Хлорбензол	0,0–0,2	3
	Суммарное содержание хлора	25,0–40,0 мг/м ³	2
Неорганические вещества	Диоксид углерода	30–50 %	4
	Оксид углерода	0,03 %	4
	Аммиак	0,0–0,1 %	4
	Сероводород	200 мг/м ³	2

Основная часть выделяющихся газообразных химических соединений, например линейных, разветвленных и циклических алканов, относится к ве-

ществам 4-го класса опасности. Однако среди свалочного газа могут быть вещества 3-го (например, этен, пропен, диметилбензол, толуол) и даже 2-го

классов опасности (например, бензол, трихлорметан, дихлорметан, тетрахлорметан, сероводород). Особенно много опасных веществ может образоваться в ТКО с большим содержанием хлорсодержащих полимеров и пластиков — поливинилхлорида и поливинилиденхлорида. При несанкционированном размещении на полигоне ТКО люминисцентных ламп в свалочном газе могут появиться пары ртути.

Высокую химическую опасность для объектов окружающей среды и населения представляют также дренажные воды (фильтрат) полигонов (свалок). Образование дренажных вод происходит за счет инфильтрации через свалочное тело атмосферных осадков (основной источник образования фильтрата), а также влаги, изначально содержащейся в отдельных видах отходов и выделяющейся в результате биохимических процессов разложения ТКО.

В зависимости от влажности отходов и климатических условий объем фильтрата обычно составляет 25–50 % от массы складироваемых отходов. Существенное отличие фильтрата от других типов сточных вод — неравномерность его накопления в течение года за счет сезонных колебаний количе-

ства атмосферных осадков. Больше всего фильтрата образуется в паводковый и осенний периоды.

Химический и микробиологический составы фильтрата, его объем зависят от гидрогеологических, климатических и топографических условий в месте накопления ТКО, от морфологии отходов, способа складирования отходов и характера их предварительной обработки, а также от этапа жизненного цикла полигона и пр.

Для дренажных вод полигонов ТКО характерно высокое содержание органических и неорганических веществ (растворенных и взвешенных) — как тех, что изначально присутствовали в ТКО, так и компонентов их разложения. Фильтрат может также содержать большое количество биологически опасных компонентов, например патогенных микроорганизмов.

Фильтрат каждого накопителя отходов может содержать разные компоненты различных концентраций (Таблицы 4–6). Но общим для всех образцов фильтрата является присутствие в них органических веществ, биологически трудно окисляемых микроорганизмами, например хлорсодержащих соединений и аммонийных солей, вследствие чего фильтрат обладает весьма высокими показателями химического потребления кислорода (ХПК) и биологического потребления кислорода (БПК).

Таблица 4

Состав фильтрата одного из полигонов ТКО [15]

Вещество/ показатель/свойство	Содержание в фильтрате, мг/л	ПДК,* мг/л	Уровень превышения ПДК, раз
Мутность	330	23,0	14,3
ХПК (мг О ₂ /л)	1694	30,0	56,5
БПК (мг О ₂ /л)	1450	6,0	241,6
Хлориды	1278	350,0	3,6
Сульфаты	956	500,0	1,9
Фенолы	4,2	0,001	4200,0
Нефтепродукты	256	0,3	853,3
Азот аммония	625	1,0	625,0
Железо	10	0,3	30,3
Свинец	0,17	0,01	17,0
Хром VI	0,21	0,05	4,2
Никель	1,16	0,02	58,0
Бор	22,0	0,5	44,0

* ПДК — предельно допустимая концентрация вещества (в данном случае для хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования)

Таблица 5

Состав фильтрата одного из полигонов ТКО [16]

Вещество/ показатель/ свойство	Содержание в фильтрате, мг/л	ПДК,* или ОДУ**, мг/л	Превышение ПДК* или ОДУ**, раз
pH	7,6–8,6	6,5–8,5	
БПК ₅	1500	3,0–6,0 мг О ₂ /л	250–300
ХПК	1200–8700	15,0–30,0 мг О ₂ /л	40–600
Хлориды	1566–4431	350,0	4,5–13
Железо	до 22,5	0,3	до 75
Свинец	0,03–0,18	0,003	10–60
Кадмий	до 0,0065	0,001	до 6,5
Никель	до 0,42	0,1	до 4,2

Хром	до 0,11	0,005	до 22
Марганец	до 2,6	0,1	до 26
Литий	до 0,65	0,03	до 22
Нефтепродукты	0,5–9,92	0,1–0,3	2–100
Хлорорганические соединения	0,02–0,1	0,02	0,5–1
Высшие жирные кислоты (C ₁₄ –C ₁₈)	1,48	0,1	15

* ПДК — предельно допустимая концентрация вещества (в данном случае для хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования).

* ОДУ — ориентировочный допустимый уровень химического вещества в воде.

Содержание в фильтрате отдельных опасных веществ химических веществ, например фенола или нефтепродуктов, а также солей тяжелых металлов (марганца, хрома, свинца, кадмия, никеля и меди) может в десятки и даже сотни раз превышать их ПДК для водоемов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового назначения. Может наблюдаться многократное превышение ПДК производных щелочных и щелочноземельных металлов и некоторых органических соединений, имеющих класс опасности не выше 4.

Таким образом, на протяжении всего времени существования полигона ТКО фильтрат может быть источником загрязнения почвы, поверхностных и подземных вод.

Загрязнение может происходить и на начальной стадии эксплуатации полигона в течение 10–15 лет, и на постэксплуатационном этапе его существования (Таблица 6).

Таблица 6

Изменение состава фильтрата одного из полигонов ТКО во времени [17]

Вещество/показатель/свойство	Содержание в фильтрате, мг/л	
	«Молодой» полигон (кислотная фаза)	«Старый» полигон (метановая фаза)
pH	6,0–7,2	7,5–8,5
ХПК, мг O ₂ / мг/л	900–40000	450–9000
БПК ₅ мг O ₂ / мг/л	600–27000	20–700
Органические кислоты	1400–6900	5–1100
Галогенированные органические соединения	260–6200	195–3200
Аммонийный азот	27–5000	27–5000
Железо	3–500	4–125
Кальций	80–2300	50–1100
Магний	30–600	25–300
Марганец	1–32	0,3–12
SO ₄	35–950	25–250
Cl	300–12500	300–12500
Цинк	2,0–16,0	0,09–3,5

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году» // М.: Минприроды России; НИА-Природа, 2016. – 639 с.
2. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году» // М.: Минприроды России; НИА-Природа, 2017. – 760 с.
3. Соловьянов А.А., Чернин С.Я. Ликвидация накопленного вреда окружающей среде в Российской Федерации. // М.: ГК Газэнергострой, 2017 - 456 с.
4. Абрамов, А. А. Переработка, обогащение и комплексное использование твердых полезных ископаемых, т. 2 // М: Изд-во Моск. гос. горн. ун-та, 2004, -510 с.
5. Бочаров В. А., Игнаткина В. А. Технология обогащения полезных ископаемых, т. 2 // М: Изд. ИД «Руда и Металлы», 2007. - 408 с.
6. Верхотуров М. В. Обогащение алмазов // Красноярск: ГАЦМиЗ, 1995 - 128 с.
7. Брагина В. И. Технология обогащения горно-химического сырья // Красноярск: ГАЦМиЗ, 1995. - 195 с.
8. Абрамов А.А., Леонов С.Б. Обогащение руд цветных металлов // М: Недра, 1991
9. ГОСТ 12.1.007-76 Система стандартов безопасности труда (ССБТ). Вредные вещества. Классификация и общие требования безопасности (с Изменениями № 1, 2)
10. СанПиН 2.1.4.1074-01 Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Кон-

троль качества. Гигиенические требования к обеспечению безопасности систем горячего водоснабжения

11. ГН 2.1.6.1338-03 ГН 2.1.6.1338-03 Предельно допустимые концентрации (ПДК) загрязняющих веществ в атмосферном воздухе населенных мест

12. Соловьянов А. А. Утилизация отходов в свете требований Киотского протокола. // Твердые бытовые отходы, 2008, №4. – С. 14–21;

13. Соловьянов А. А. Биомасса и органические отходы: энергетические и экологические проблемы. // Охрана окружающей среды и природопользование, 2008, №2. – С. 24–31.

14. Разработка способа глубокой очистки биогазов полигонов твердых коммунальных отходов и получение экологически чистого энергоносителя. Государственный контракт № 02.515.11.5025 от 26

апреля 2007 г. Санкт-Петербургский государственный политехнический университет (http://incot.ru/www/docs/exh_acc/08_gp/05_s5/10_15.pdf)

15. Государственный Доклад о состоянии окружающей среды Чеченской Республики в 2010 году.

(<https://refdb.ru/look/1992983-p13.html>).

16. Патент RU 2401250

(<http://www.findpatent.ru/patent/240/2401250.html>)

17. Поворов А. А., Павлова В. Ф., Шиненкова Н. А. Инновационная технология очистки дренажных вод полигонов твердых бытовых отходов (ТБО) // Водоснабжение и канализация, 2014, № 5-6. - С. 96-103

(<http://zaobmt.com/index.php/articles/139-landfil-leachate.html>)

УДК 631.411.6

ФРАКЦИОНИРОВАНИЕ ГУМИНОВЫХ КИСЛОТ ПО СТЕПЕНИ АМФИФИЛЬНОСТИ И ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАКЦИЙ

Степанов А.А.

к.б.н., с.н.с., факультет почвоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Салимгареева О.А.

к.б.н., с.н.с., факультет почвоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

SEPARATING AND CHARACTERIZING OF THE AMPHIPHILIC FRACTIONS OF HUMIC ACIDS

Stepanov A.

PhD in Biology, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Soil Science Faculty

Salimgareeva O.

PhD in Biology, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Soil Science Faculty

Abstract

Humic substances derived from alluvial gley soil were fractionated by salting-cut with ammonium sulfate. Fractionated HS differed by their relative hydrophobicity. In order to understand the nature of this difference, the (elemental) composition and physico-chemical characteristics of the obtained fractions were defined. It is assumed that hydrophobic (hydrophilic) properties of HS are determined not only by the relative content of amphiphilic fragments in their molecules but also by their conformation.

Аннотация

Исследование амфифильных фракций ГК, полученных с помощью метода «дробного осаждения» показало, что амфифильные свойства ГК определяются не столько количеством и соотношением гидрофильных и гидрофобных компонентов в составе, сколько пространственной конфигурацией молекул и распределением заряда на их поверхности.

Keywords: humic acids, separating, hydrophobicity, hydrophilicity, amphiphilicity.

Ключевые слова: гуминовые кислоты, фракционирование, гидрофобность, гидрофильность, амфифильность.

«Гидрофобность», «гидрофильность» - термины коллоидной химии, имеющие широкое применение в теории и практике во многих областях науки. Они характеризуют молекулярную природу твердых тел, их способность к физико-химическому взаимодействию с водой, которое проявляется в явлениях смачивания и гидратации.

В почвоведении, как и в других естественных науках, изучению природных гидрофобно-гидрофильных систем всегда уделялось большое внимание (1,2-6,14). Особый интерес у исследователей

органического вещества почв (ОВ) вызывают амфифильные (т.е. гидрофобно-гидрофильные) свойства гуминовых кислот (ГК). «Качество» гумуса играет важную роль в процессах агрегации и слитизации почвы, миграции ОВ, образовании органо-минеральных соединений и др.

Целью данной работы явилось исследование амфифильных фракций ГК, полученных с помощью метода «дробного осаждения» - высаливания из раствора при возрастающей концентрации сульфата аммония (9,11). Механизм фракционирования заключается в следующем. В растворе частицы

гуминовых веществ (ГВ) – молекулы, ассоциаты – имеют гидрофильные и гидрофобные участки. Соприкосновение последних с водным растворителем приводит к упорядочиванию структуры воды. Такие упорядоченные структуры термодинамически неустойчивы, т.к. в подобной системе происходит значительное снижение энтропии по сравнению с системой «ГВ – свободные молекулы воды» (10). Если молекулы воды, экранирующие гидрофобные участки, захватываются ионами солей, то гидрофобные взаимодействия могут привести к агрегации частиц ГВ.

Для интерпретации результатов «дробного осаждения» ГК, как показателя их амфифильных свойств необходимы экспериментальные данные, подтверждающие различие высоленных фракций по степени гидрофобности. С этой целью были исследованы препараты ГВ, выделенные из пахотного горизонта луговой глеевой почвы (Приморский край, Приханкайская низменность). Процесс выделения и очистки препаратов заключался в следующем. Из образца почвы, после предварительного декальцирования, экстрагировали 0.1 н NaOH ГВ. Полученный раствор в процессе длительного центрифугирования при 25000 об/мин очищали от минеральных коллоидов и «дробным осаждением» разделяли на три фракции. I – ГВ, осаждаемые из раствора при 10%-ном насыщении сульфатом аммония; II – ГВ, осаждаемые из раствора при 100%-ном насыщении сульфатом аммония; III- ГВ, остающиеся в растворе при 100%-ном насыщении сульфатом аммония. Из полученных фракций выделяли ГК, которые были дважды переосаждены, очищены от растворимых солей в электродиализаторе и высушены при 35°С в вакуумном шкафу.

Для последующих анализов важно было иметь контрольный образец ГК – своеобразный «эталон» для оценки правильности полученных результатов и сравнения свойств высоленных фракций. Такой препарат (ГК_{общ}) выделяли из отдельной навески почвы по обычной методике (8). Кроме того, по методу Форсита был получен препарат фульвокислоты (ФК) – как предположительно наиболее гидрофильная фракция гумуса.

Часть общего количества препаратов была переведена в NH₄ – форму (2) и растворена в воде. В водных растворах гуматов определяли вязкость, поверхностное натяжение, краевой угол смачивания на гидрофобной поверхности.

Сравнительная характеристика амфифильных свойств исследуемых препаратов (табл.1) убедительно свидетельствует о наличии в составе ГК компонентов, различающихся по степени гидрофобности. Фракция I обладает явно выраженными гидрофобными свойствами: пониженной вязкостью раствора, меньшей степенью гидратации, большим сродством к гидрофобной поверхности. Фракции II и III, условно названные «ГК гидрофобные» (ГК_{фоб}) и «ГК гидрофильные» (ГК_{фил}) различаются по степени выраженности амфифильных свойств. Так, фракция II имеет краевой угол смачивания на полимерной пластине меньше 90° и сте-

пень гидратации 1.02 г воды на 1 г беззольного вещества. Для фракции III характерна большая степень гидратации, а краевой угол смачивания на гидрофобной поверхности – больше 90°. Фракция ФК, как и предполагалось, обладает явно выраженными гидрофильными свойствами. Ранее нами были получены сходные результаты для высоленных фракций ГК, выделенных из чернозема южного (5).

Таким образом, можно констатировать, что ГК, осаждающиеся при различных значениях насыщения раствора сульфатом аммония, различаются по степени выраженности гидрофобно-гидрофильных свойств. При низких концентрациях соли в растворе коагулируют фракции ГК с максимально выраженными гидрофобными свойствами. ГК, осаждающиеся при более высоких концентрациях сульфата аммония, а также остающиеся при этих условиях в растворенном состоянии, обладают по сравнению с первыми большей гидрофильностью.

Для выяснения природы амфифильных свойств ГВ были определены элементный состав и некоторые физико-химические характеристики препаратов. Низкозольные препараты фракций II и III представляют собой типичные ГК. Об этом свидетельствуют данные элементного состава (табл.2), характерный набор полос поглощения в ИК-спектрах, термозффекты на кривых ДТА (рис. 1,2).

ГК «гидрофильной» фракции (III) отличаются высокой степенью окисленности (табл. 3 - $\omega = +0.23$), доминированием карбоксильных групп в молекуле при общем высоком содержании кислых функциональных групп (около 600 мг-экв/ 100 г препарата), максимальным среди амфифильных фракций содержанием углеводов (19% от С_{гк} и около 78% от гидролизуемой части молекул), минимальным среди амфифильных фракций содержанием гидрофобных аминокислот (около 36% от общего содержания аминокислот и всего 7% от гидролизуемой части молекул). Меньшая, чем у «гидрофобных» ГК, степень бензоидности (α), а также данные термического анализа и гидролиза препаратов бн. НСІ свидетельствуют о наличии у ГК «гидрофильной» фракции более развитой и менее термостойкой периферийной части молекул.

ГК «гидрофобной» фракции (II) менее окислены (степень окисленности ($\omega = +0.03$)), более обуглерожены, содержание карбоксильных групп в них незначительно превышает содержание фенольных гидроксидов (примерно в 1.5 раза), содержание гидрофобных аминокислот достигает 16.2% от гидролизуемой части молекул (около 50% от суммарного содержания аминокислот), содержание углеводов примерно в 1.5-2 раза меньше, чем у «гидрофильных» ГК. Близость интенсивностей мультиплетных сигналов в спектре протонного магнитного резонанса (рис.3) при химическом сдвиге $\sigma=0.86$ ppm и $\sigma=1.28$ ppm указывают на наличие в молекулах «гидрофобных» ГК короткой (C₂-C₄) и разветвленной структуры радикалов, несущих CH₂ и CH₃ группы (например, фрагмент CH₃-CH₂-CH₂-O-). Данные термического анализа (в частности значения коэффициента Z), значения

степени бензоидности исследованных образцов, характер спектров комбинационного рассеяния (наличие интенсивной полосы поглощения при 1580-1590 см^{-1} , соответствующей валентным колебаниям $\text{C}=\text{C}$ связей – рис.4) указывают на то, что по сравнению с «гидрофильными» ГК молекулы «гидрофобных» ГК в большей степени обогащены ароматическими структурами. Прямое подтверждение этому – наличие в ароматической области ^1H -ЯМР спектра препарата «гидрофобной» фракции (рис.3) спин-спинового расщепления при химическом сдвиге $\sigma=6.67\text{--}7.70$ ppm, соответствующего фенольным кольцам с OH -группой в мета-положении. Данный факт может иметь два объяснения:

1) в молекулах «гидрофобных» ГК доминируют ароматические структуры (но это противоречит результатам проведенных анализов)

2) в поверхностном слое частиц (молекул, ассоциатов) наряду с короткими алифатическими цепочками содержатся отдельные ароматические фрагменты (бензоидные, фенольные).

Второе предположение следует признать более вероятным.

Таким образом, амфифильные свойства ГК определяются не столько количеством и соотношением гидрофильных и гидрофобных компонентов в составе молекул (в «гидрофобной» фракции ГК содержание гидрофобных аминокислот составило около 5% от массы препарата, а содержание ароматических структур около 22%), сколько пространственной конфигурацией молекул и распределением заряда на их поверхности. Наличие большого числа неполярных (гидрофобных) участков в поверхностном слое обуславливает гидрофобные свойства частиц (молекул и ассоциатов) ГК. Напротив, если поверхность частиц образована структурными фрагментами (различной природы) и функциональными группами, способными в определенных условиях приобретать заряд, то ГК будут проявлять гидрофильные свойства.

Высокая зольность препарата наиболее гидрофобной фракции I значительно затрудняет интерпретацию данных элементного состава и других показателей. Рассматривая всю совокупность полученных характеристик необходимо отметить следующее. Данная фракция представляет собой прочные органо-минеральные соединения (ОМС), которые в растворе проявляют свойства типичных лиофобных золей (6). Минеральная часть препарата представлена каолинитом и, возможно, некоторым количеством гидрослюд. Содержание гидрофобных аминокислот составляет около 19% от гидролизуемой части ОВ фракции. Кислые функциональные группы в «гидрофобных ОМС» на 2/3 представлены гидроксилами. На термограмме фракции I имеется всего один четко выраженный максимум (около 420°С). Возможно, здесь происходит наложение термоэффектов минеральных компонентов на экзотермический эффект ОВ, характерный для алифатических цепей. Другим объяснением может служить предположение о том, что в ОВ данной фракции содержится небольшое количество ароматических структур и эффекты от ароматических и

алифатических компонентов слабо отличаются друг от друга. Тогда в целом ОВ характеризуется повышенной устойчивостью к нагреванию.

Давно установленным фактом является сорбция ГВ на глинистых минералах. Известно также, что в свободном состоянии минералы обладают большей или меньшей водоудерживающей способностью, т.е. гидрофильностью. Можно предположить, что при сближении гидрофильные участки молекул гуминовых кислот или неспецифических соединений почвенного гумуса взаимодействуют с гидрофильными участками на поверхности минерала, а гидрофобные участки ориентируются наружу. В результате образуется очень прочный органо-минеральный комплекс, в целом гидрофобный, обладающий высокой водопрочностью. Гидрофобность комплекса обусловлена наличием в его поверхностном слое большого числа неполярных (гидрофобных) участков органической и неорганической природы. Подобный механизм предполагал в своё время А.Ф. Тюлин (12), исследовавший коагулирующее действие ОВ на глины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Владыченский С.А. Коллоидно-химические свойства почвенного гумуса. // Коллоидная химия. 1940. т.6. № 8. С.40-47.
2. Драгунов С.С., Богданов Т.А., Перассе Е.Э. Вязкость и поверхностное натяжение водных растворов гуматов // Коллоидная химия. 1946. т.8. № 6. С.51-56.
3. Золотарева Б.Н. Гидрофобные коллоиды и почвообразование. М.: Наука, 1982. 58 с.
4. Лактионов Н.И. Гумус, как природное коллоидное поверхностно-активное вещество. Харьков. 1978. 26 с.
5. Милановский Е.Ю., Шеин Е.В., Степанов А.А. Лиофильно-лиофобные свойства органического вещества и структура почвы // Почвоведение 1993. № 6. С.122-126.
6. Милановский Е.Ю. Амфифильные компоненты гумусовых кислот // Почвоведение 2000. №6. С.706-715.
7. Мусил Я., Ивакова О., Кун К. Современная биохимия в схемах. М.: Мир. 1984. 215 с.
8. Орлов Д.С., Гришина Л.А. Практикум по химии гумуса. М.: Изд-во МГУ, 1981. 272 с.
9. Пчелин В.А. Гидрофобные взаимодействия, их физическая природа и значение в коллоидной химии // Связанная вода в дисперсных системах. М.: Изд-во МГУ, 1974. С.103-126.
10. Практическая химия белка. Ред. Дарбе А.М. М.: Мир, 1989. 623 с.
11. Скоупс Р. Методы очистки белков. М.: Мир, 1989.
12. Тюлин А.Ф. О формах связи гуминовых веществ с минеральной частью почвенных коллоидов и их значение для понимания различных свойств почвенных коллоидов // Почвоведение. 1938. № 5. С.3-9
13. Черников В.А., Кончиц В.А. Исследования строения гуминовых кислот дериватографическим

методом. // Биологические науки. 1979. № 2. С. 28-36.

14. R. Blondeau, E. Kalinowski. Fractionation of humic substances by hydrophobic interaction chromatography. Journal of chromatography. 375. 1986. P. 585-589.

Таблица 1

Гидратация и краевые углы смачивания на гидрофобной поверхности (θ) фракций ГВ.		
Фракция	θ , град	Гидратация, г H ₂ O на 1г вещества
I (ОМС)	51° 9'	0,10
II (ГК _{фоб})	82°	1,02
III (ГК _{фил})	102° 4'	1,46
ГК _{общ}	89° 4'	1,26
ФК	106° 3'	2,99

Таблица 2

Элементный состав фракций ГВ.

Фракция	Зола, %	Содержание, массовые %				Содержание атомные %				Атомные Отношения		
		C	H	O	N	C	H	O	N	H/C	O/C	C/N
I (ОМС)	39.4	38.7	4.1	51.4	5.8	29.6	37.3	29.3	3.8	1.26	0.98	7.8
II (ГК _{фоб})	1.7	55.5	4.3	35.5	4.7	40.3	37.5	19.3	2.9	0.93	0.48	13.9
III (ГК _{фил})	1.3	53.7	3.9	38.3	4.1	40.4	35.3	21.7	2.6	0.87	0.53	15.7
ГК _{общ}	1.7	54.4	4.0	37.4	4.2	40.7	35.6	21.0	2.7	0.87	0.51	15.1
ФК	3.0	42.2	3.8	49.2	4.8	32.8	35.0	29.0	3.2	1.06	0.88	10.3

Таблица 3

Степень окисленности (ω), степень бензоидности (α), термический коэффициент (Z), Е-величины и коэффициенты цветности фракций ГВ.

Фракция	ω	α	Z^*	0.0001%ГК $E_{465, 1\text{ см}}$	$\frac{E_{465}}{E_{640}}$
I (ОМС)	нет	нет	1.30	0.026	2.7
II (ГК _{фоб})	+0.03	22.3	0.52	0.087	4.2
III (ГК _{фил})	+0.23	18.5	0.59	0.082	4.3
ГК _{общ}	+0.17	19.2	0.57	0.090	4.1
ФК	+0.41	нет	0.95	0.016	8.8

*Z – термический коэффициент, равный отношению потери массы в низкотемпературной (200-400° C) и среднетемпературной (400-600° C) областях (13).

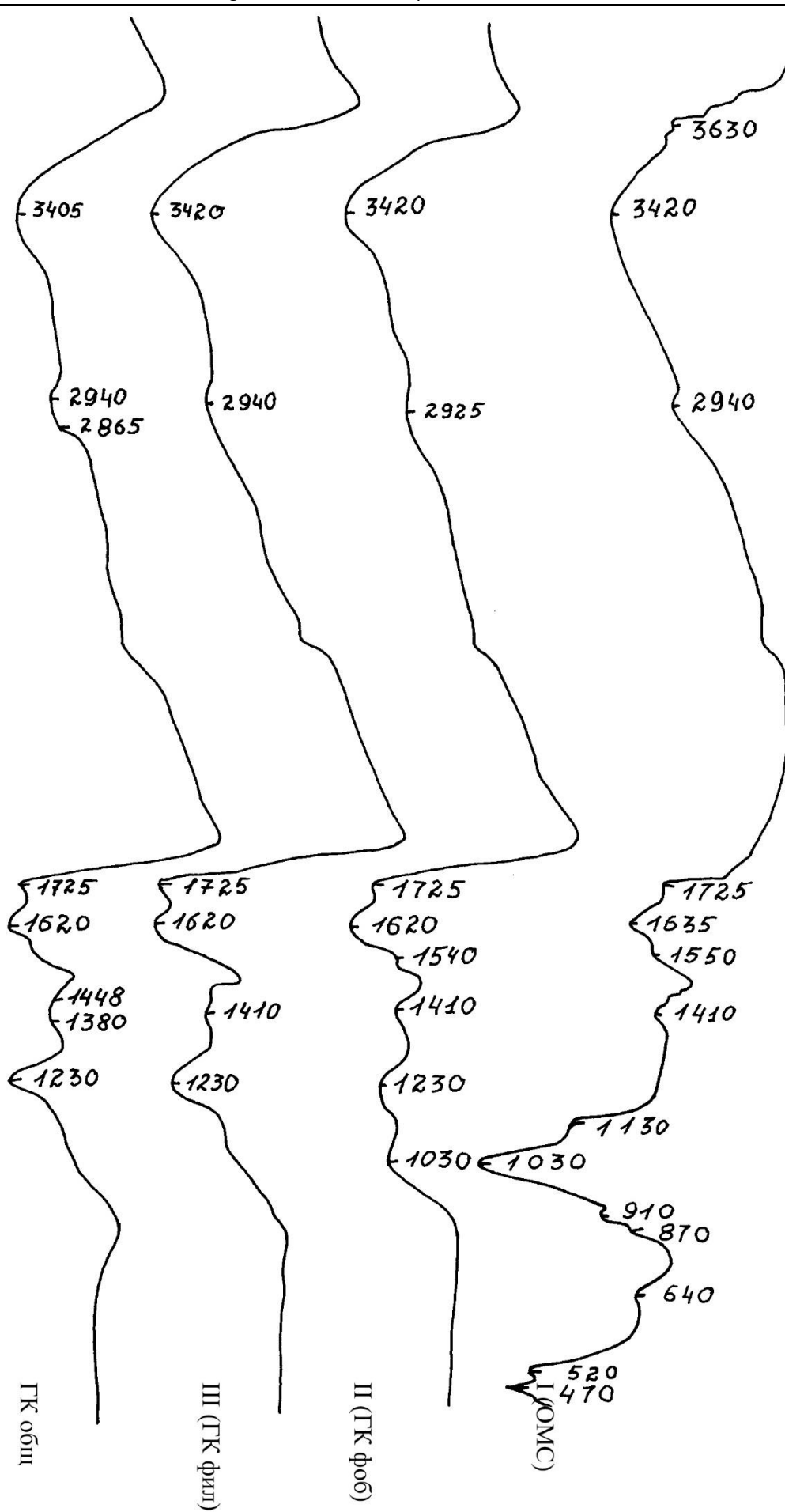
Подписи к рисункам:

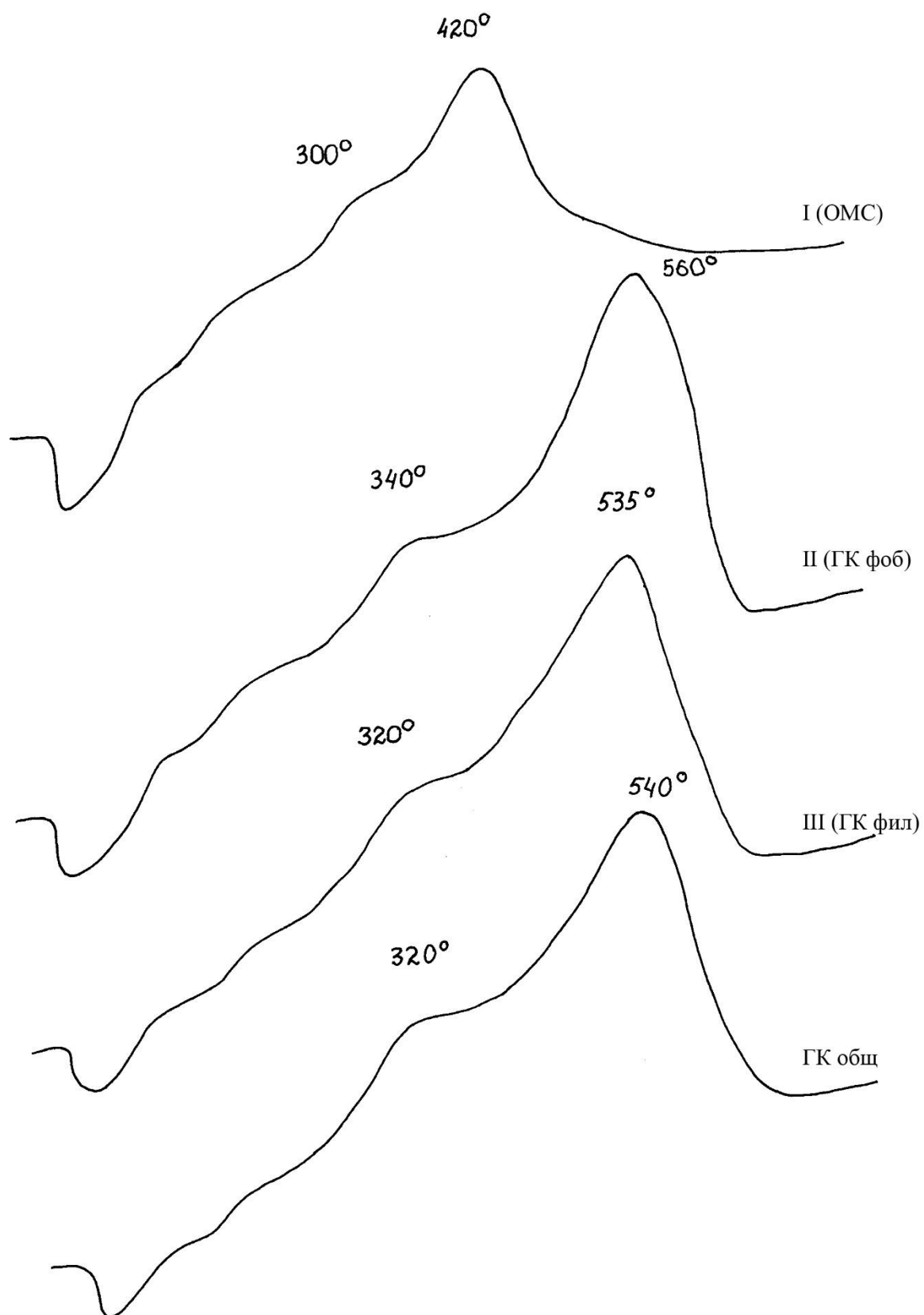
Рис.1. ИК-спектры фракций ГВ.

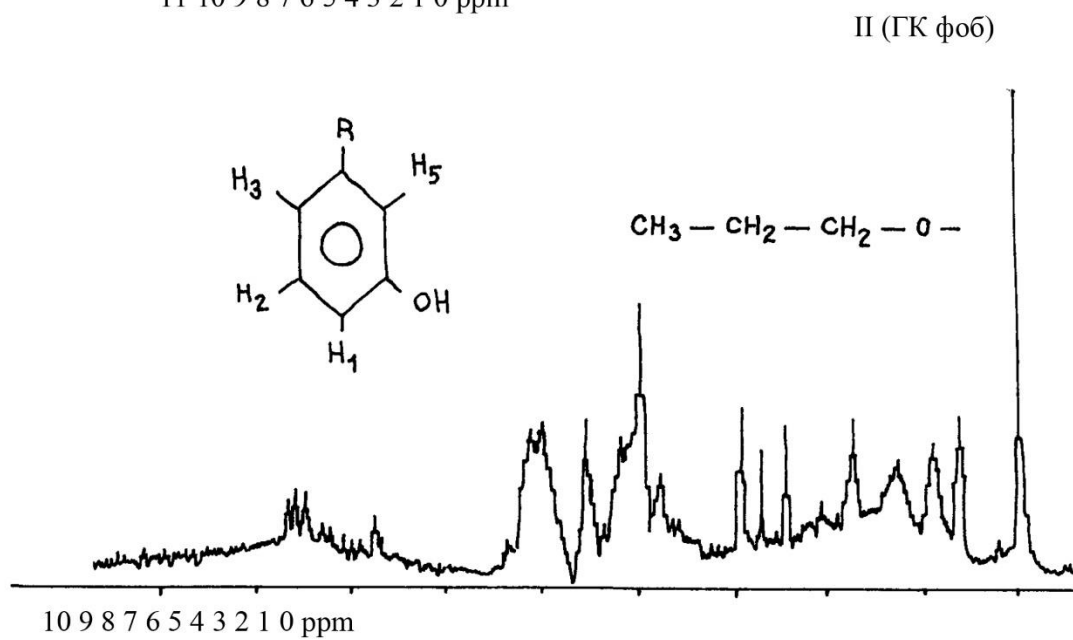
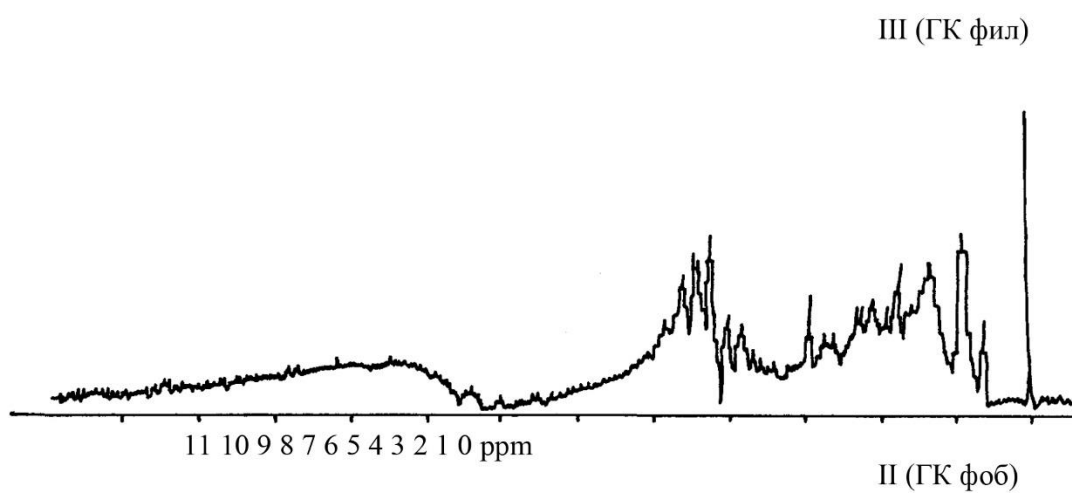
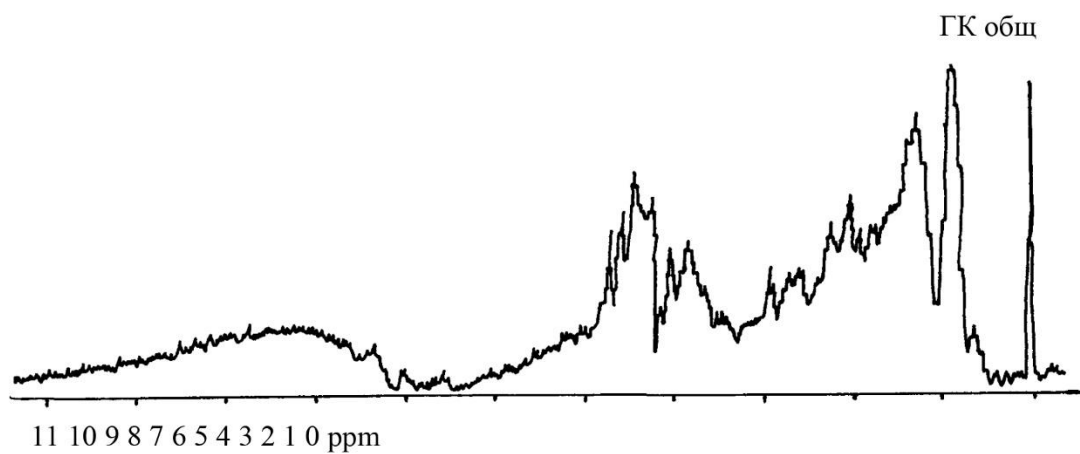
Рис.2. Термограммы фракций ГВ.

Рис.3. ¹H-ЯМР спектры фракций ГВ.

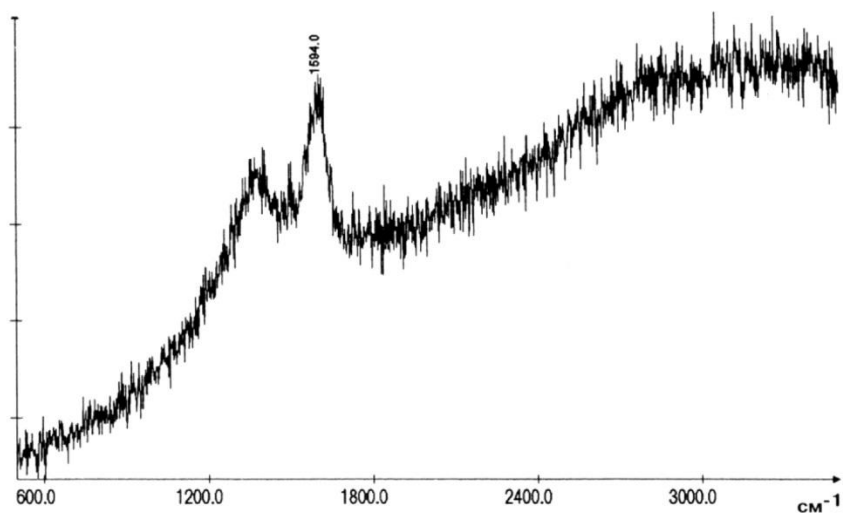
Рис.4. Спектры комбинационного рассеивания фракций ГВ.



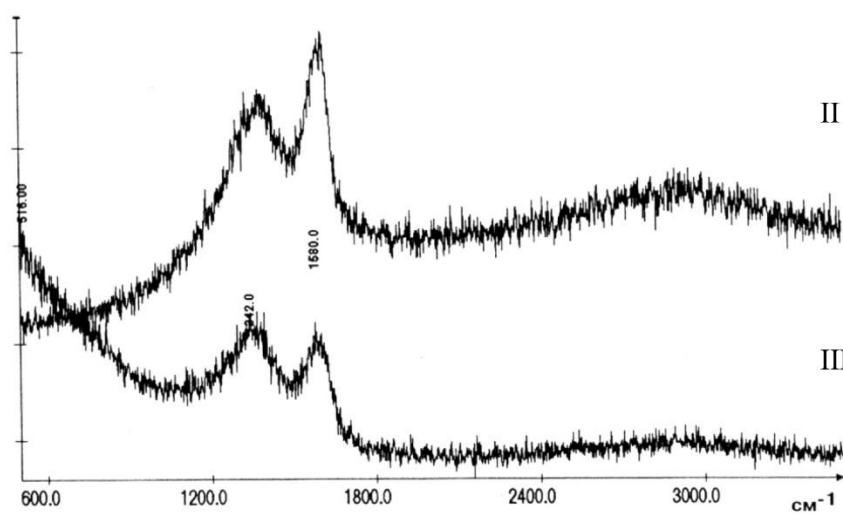




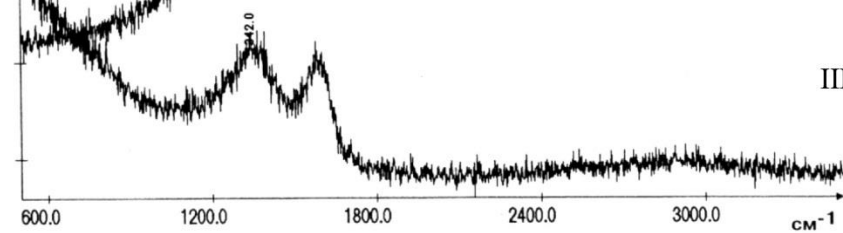
ГК общ



II (ГК фоб)



III (ГК фил)



**NATURAL-ECOLOGICAL FRAMEWORK AS THE WAY OF TERRITORY MANAGEMENT:
ANALYSIS OF DEFINITIONS****Chibilyova V.***candidate of geography, senior research officer,
Institute of Steppe UB RAS, Orenburg, Russia***Chibilyov A.***junior research officer, Institute of Steppe UB RAS,
Orenburg, Russia***ПРИРОДНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КАРКАС КАК СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЕЙ:
АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ****Чибилёва В.П.***кандидат географических наук,
старший научный сотрудник Института
степи УрО РАН, г.Оренбург, РФ***Чибилёв А.А.***младший научный сотрудник Института
степи УрО РАН, г.Оренбург, РФ***Abstract**

The ecological (natural-ecological) framework formation is the most effective way to support environmental stability in a territory and to protect landscape and biological diversity in natural complexes. Various viewpoints are examined concerning such often used definitions as natural-ecological framework, ecological framework, natural framework, and their meanings. The definition set in the field of framework concepts forming and development is given.

Аннотация

Для поддержания экологической стабильности территории и сохранения ландшафтного и биологического разнообразия природных комплексов, наиболее эффективным способом является создание экологических (природно-экологических) каркасов. Рассматриваются различные точки зрения на определения и значения часто употребляемых терминов: природно-экологический, экологический, природный каркасы. Представлен понятийно-терминологический аппарат в области формирования и развития концепций каркасов

Keywords: natural area of preferential protection, natural-ecological framework, ecological framework, functional elements of a framework, ecological network.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, природно-экологический каркас, экологический каркас, функциональные элементы каркаса, экологическая сеть

Для поддержания экологического баланса территории на локальном, региональном, макрорегиональном и глобальном уровнях наиболее эффективным способом является создание экологических (природно-экологических) каркасов.

Имеется большое количество вариантов термина «каркас»: природный, экологический, природно-экологический, ландшафтно-экологический, природоохранный и т.д., в зависимости от того какой смысл вкладывает исследователь.

Мы придерживаемся термина «природно-экологический каркас», во-первых, в Оренбургской области сохранилась возможность использовать для формирования каркаса экосистемы естественного происхождения, поэтому в названии подчеркиваем его природную сущность; во-вторых каркасы – природный и экологический дополняют друг друга в создании организованной эффективно функционирующей структуры современных ландшафтов с единой системой управления. Под термином «природно-экологический каркас» мы понимаем «совокупность основных средоформирующих и средорегулирующих экосистем (природных комплексов),

обеспечивающих устойчивое развитие территории» [6].

Разработанная Б.Б. Родоманом концепция «поляризованного ландшафта», на наш взгляд, представляет идеальный «природно-экологический каркас» пространственной взаимосвязи урбанизированных и охраняемых природных территорий с целью сохранения биосферы и рекреационных ресурсов. При этом особую важность в пространственной структуре оптимизированного ландшафта приобретают буферные участки, отделяющие зоны интенсивного использования от зон экологического равновесия.

Модель «природно-экологического каркаса» проектируется в виде ячеек линейно-сетевого пространства, охватывающее всю заданную территорию. В итоге, на фоне природных и природно-антропогенных земель будут переплетаться три линейно-сетевых пространства [4]: - для хозяйственной деятельности людей, сферы обслуживания и обрабатывающей промышленности; - для естественного природного ландшафта; - для рекреационной деятельности.

Многие исследователи определяют экологический каркас как систему природных комплексов особой экологической ответственности, одновременно выделяют природный каркас территории [5], считая что формирование и поддержание природного каркаса возможно только в рамках развития экологического каркаса. Концепцию экологического каркаса территории другие ученые-исследователи понимают как пространственно-организованную инфраструктуру, способную поддерживать экологическую стабильность территории при общности ее экосистем с индивидуальным характером природопользования для каждого участка, что способствует предотвращению потери биоразнообразия и деградации ландшафтов.

Считается, что экологический каркас, по своей сути это способ управления природопользованием, способствующий созданию основы стабильного социально-экономического развития общества и усовершенствованию технологий природопользования.

Под экологическим каркасом понимается «система экологически взаимосвязанных природных территорий, характеризующаяся следующими признаками: способностью обеспечивать экологическое равновесие для данной территории; защищенностью природоохранными мерами, соответствующими предельно допустимой антропогенной нагрузке на природу; ограничениями на виды и интенсивность ресурсного природопользования»[1].

Согласно определению, экологический каркас просто призван обеспечить максимально эффективную экологическую стабильность территории путем поддержания гибкой системы дифференцированного природопользования, тем самым увеличивая экономическую отдачу регулируемого щадящего хозяйственного использования земель.

Исходя из определений и понятий экологического и природного каркасов мы отмечаем, что они взаимодополняют друг друга, являясь инструментами управления как экономического и социального развития территорий, так и природопользованием. В совокупности могут считаться базовыми элементами устойчивого развития территорий. Итак, основой природно-экологического каркаса является взаимосвязанная сеть природных и природно-антропогенных территорий [1,4,5,6].

В построении экологического и природного каркасов наблюдается общий набор основных функциональных элементов различных иерархических уровней [6,7]:

- ключевые территории – ядра (главный системообразующий элемент) сравнительно крупные по площади ООПТ, способные сохранять естественность и целостность экосистемы – заповедники, заповедные участки национальных и природных парков, а в ряде случаев заказники и даже памятники природы. Они выполняют средовоспроизводящую, природоохранную, информационную функции сохраняющие генофонд этих территорий. Это чаще всего типичные, ценные или уникальные геосистемы, биота которых представлена естественными

и полустественными типами экосистем на различных сукцессионных стадиях, что и позволяет им выполнять средообразующую функцию.

Важнейшей из этих функций является поддержание экологического баланса территории и регулирование всех ее параметров, что соотносится с идеей и задачами формирования природного и экологического каркасов территории.

- экологические коридоры, (второй элемент каркаса) которые связывают ядра в единую геоэкологическую систему, состоящую из линейных непрерывных структур-осей экологической активности или небольших территорий (долины рек, вереницы озер, это могут быть цепочки небольших агломераций ООПТ). Экокоридоры обеспечивают свободный биотический обмен существующих ООПТ области, а также расселение или миграцию видов между ключевыми территориями. Наиболее адекватно выполняют функцию коридоров водоохранные леса, сохранившиеся участки естественной растительности (древесной и кустарниковой), искусственные лесные защитные полосы и т.п. Режим этих территорий регулируется законами и отраслевыми нормативными документами, а также природоохранным законодательством некоторых субъектов федерации. Транзитные территории формируют устойчивые экологические, генетические, популяционные, миграционные и геохимические связи.

- многофункциональные буферные (переходные) территории или охранные зоны - вокруг ключевых территорий и экологических коридоров, защищающих от неблагоприятных внешних факторов (к ним близки по назначению зоны геостабилизации), на которых организовано рациональное природопользование и созданы условия для восстановления природных ресурсов. Несмотря на то, что буферные или охранные зоны не изымаются полностью из хозяйственного использования, они благодаря специальному режиму землепользования играют средозащитную роль по отношению к ядрам и экологическим коридорам каркаса.

Также в состав экологического каркаса включают (с целью их восстановления) различные виды нарушенных земель, составляющих его реставрационный фонд.

- восстановленные (реставрационные) антропогенно-природные и полуприродные территории регулируемой хозяйственной деятельности. При проведении работ по экологической реставрации, они будут способствовать увеличению сети, создавая новые местообитания. Пастбищно-сенокосные угодия этих территорий отличаются высоким биоразнообразием

Мы, методологически опираясь на парадигму геопространства, рассматриваем природно-экологический каркас в качестве более широкого понятия в сравнении с системой ООПТ. Отмечаем, что *важными особенностями экологического и природно-экологического каркасов являются такие, как системная взаимосвязь территорий, индивидуальный режим природопользования, юридическая*

статусность ядер каркаса, неустойчивое равновесие системы в целом.

Анализ разрабатываемых отечественных каркасных концепций показывает, что экологический каркас (природно-экологический или ландшафтно-экологический) неоднороден и состоит из локальных каркасов, которые и определяют устойчивое развитие территории. На фоне природно-экологического каркаса формируются каркасы другого типа, например, *демоэкономический, историко-культурный, эколого-рекреационный* создаваемые в процессе антропогенного освоения территории.

Определение элементов локальных каркасов напрямую зависит от степени изученности природных, социальных и экономических процессов, происходящих в данном регионе. Все они взаимосвязаны, элементы одного каркаса могут быть составной частью другого. Например, историко-культурный каркас или социально-инфраструктурный как и эколого-рекреационный всегда будет ориентирован на природную основу и при адаптивном характере изменений будут формироваться устойчивые природно-рекреационные и культурные системы образующие собой *опорный туристско-рекреационный каркас*. Сумма природных и культурных факторов активно влияет на характер развития и пространственную организацию всех территориальных подсистем – расселенческих, хозяйственных, инженерно-технических.

Например, построение историко-культурного каркаса пересекается с целью формирования природно-экологического каркаса. Культурные центры (узлы историко-культурного каркаса) тяготеют к узлам природно-экологического каркаса, а дорожная сеть, которая связывает исторические центры как правило, сопровождает линейные формы природно-экологического каркаса [4,6]. Получается, что при пространственном совмещении узлов каркасов возникает возможность выявить зоны конфликтного сосуществования природной и социокультурной сред, разработать особый охранный статус для территорий, наиболее ценных как в природном, так и в историко-культурном отношении с целью комплексного сохранения природного и историко-культурного наследия.

Многие исследователи противопоставляют природно-экологический и историко-культурный каркасы в связи с различием выполняемых ими функций и отмечают недопустимость их пространственного совмещения [5]. М.Е. Кулешова считает целесообразным выявление зон взаимодействия различных каркасов, основанные не на противодействии, а на взаимодействии «природного и антропогенного начал ландшафтного покрова Земли» [3]. Для того чтобы предотвратить нарушение баланса между природной и культурной составляющими и при этом сохранить узлы природно-экологического

каркаса необходимо ужесточение охранных режимов ООПТ и усиление контроля за его соблюдением. В работах некоторых исследователей, например, А. И. Чистобаева и соавторов рассматривается функционально-планировочная структура территории, где выделяется три вида каркасов: урбанизированный, природно-экологический и историко-культурный.

Итак, изучение территориальной структуры пространства тесно связано с каркасным подходом, с построением каркаса как взаимосвязанной системы и наличия в нем функциональных структур [3;4;6]: ареалов (однотипных, представленных одним компонентом и разнородных, являющихся сочетанием компонентов); линейных образований (протяженных, линейно выраженных природного и антропогенного происхождения); узлов (небольших ареалов, с постоянными и периодическими пересечениями ряда компонентов и пространственных образований, прежде всего линейных); сетей (образуемых пересечением ряда линейных образований и узловых); районов (интегральных образований, состоящих из сочетаний разнородных ареалов и наложенных на них сетей и характеризующихся определенной целостностью).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Геоэкологические подходы к проектированию природно-технических геосистем. – М.: ИГАН СССР, 1985. – С. 145–153.
2. Каваляускас П. Системное проектирование сети особо охраняемых территорий // Геоэкологические подходы к проектированию природотехнических геосистем. – М.: ИГАН СССР, 1985. – С. 181.
3. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с., ил.
4. Родман Б. Б. Поляризованная биосфера: сб. ст. – Смоленск.: Ойкумена, 2002. – 336 с.
5. Соболев Н.А. Предложения к концепции охраны и использования природных территорий // Охрана дикой природы – 1999. - №3. - С. 20-24.
6. Чибилёва В.П. Разработка модели природно-экологического каркаса регионального и макрорегионального уровня на примере Оренбургской области / В.П. Чибилёва // Проблемы геоэкологии и степеведения. – Екатеринбург, 2010. – Т. II. Развитие научной школы в Институте степи УрО РАН. – С. 285-294.
7. Чибилёва В.П., Чибилёв Ант.А. Разработка системы управления устойчивым природопользованием южных районов Оренбургской области / Международная научно-практическая конференция «Рациональное природопользование: традиции и инновации». – Москва: МГУ, 2012. С. 57-60.

HISTORICAL SCIENCES**ECONOMIC AND LEGAL POSITION OF THE MUSLIM CLERGY OF DAGESTAN IN 20-30 YEARS OF XX CENTURY.****Shahabudinova A.***graduate student**Dagestan state pedagogical University,**Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation***ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА ДАГЕСТАНА В 20-30 ГОДЫ XX ВЕКА.****Шихабудинова А.М.***магистрант**Дагестанский государственный педагогический университет,**г.Махачкала, Республика Дагестан, РФ***Abstract**

The article deals with the economic and legal situation of the Muslim clergy of Dagestan in 20-30 years of XX century. The authors concluded that during the period under review, the authorities took measures to restrict the civil rights of Muslim clergy and subsequently oust them from public and political life. It is concluded that in the first half of the 20-ies the practice of work of clerics on a part-time basis in the Soviet authorities and schools became widespread. The authorities did not Express their interest in helping the clergy, the Republican budget did not allow such a huge staff of Sharia judges to be maintained.

Аннотация

В статье рассматривается экономическое и правовое положение мусульманского духовенства Дагестана в 20-30 годы XX века. Авторы пришли к выводу, что в рассматриваемый период властью были приняты меры, ограничивающие гражданские права мусульманского духовенства, а затем и вытеснявшие его из общественно-политической жизни. Сделан вывод о том, что широкое распространение в первой половине 20-х гг. получила практика работы духовных лиц по совместительству в советских органах власти и школах. Власть не высказала своей заинтересованности в оказании помощи духовенству, республиканский бюджет не позволял содержать такой огромный штат шариатских судей.

Keywords: Republic, clergy, religious activity, Soviet power, new economic policy, taxes, authorities.**Ключевые слова:** республика, духовенство, религиозная деятельность, советская власть, новая экономическая политика, налоги, органы власти.

В 20 - 30-х годы в Дагестане численность мусульманского духовенства была значительно выше, чем в других республиках Северного Кавказа. Мусульманское духовенство в Дагестане Н. Самурский назвал «духовной интеллигенцией» нации, сыгравшей роль «судьи, народного учителя, полководца, борца за свободу и независимость, носителя образования, владельца государственных средств и председателя Комитета взаимопомощи, в руках которого находится идеология, культура, быт, экономика и вся организация общественной жизни.»[9, с. 145-146].

Ряд советских и партийных чиновников предлагали склонить духовенство в гражданской войне на стороне большевиков, тем более что многие представители духовенства в Дагестане не только помогали устанавливать Советское правительство, но и были настроены по отношению к нему достаточно лояльно, пока не начались активные антирелигиозные гонения. Эту тактику сотрудничества духовенства с советской властью исследователи объявили «оппортунистической», отождествляя таких священнослужителей с « левыми» и «прогрессивными».[5, с. 28].

Наиболее лояльные Советской власти представители духовенства пытались -соединить ислам с коммунизмом, призывая мусульман жить в согласии с Советами, осуществляя свою власть по Корану. Ряд ученых дали свою интерпретацию Корана и попытались адаптировать некоторые хадисы к событиям, проводимым советской властью. Другие пытались на основе религиозных трудов некоторых авторов доказать совместимость религии и науки.[6, с. 28].

В Советском Дагестане новую власть поддерживали видные ученые Абусуфьян-кади Акаев (Казановский), Каев Али, Магомед-кади Дибиров. Абусуфьян-кади Акаев (Казановский) в своих трудах не только оправдывал преобразования новой власти, но и оправдывал их по мере необходимости и отвечал требованиям времени. Шейх Али Хаджи Акушинский призвал своих последователей уважать коммунистов, объясняя свою позицию тем, что шейхи и коммунисты хотят называть людей, пусть и по-разному.[7,с.39].

Сотрудничество духовенства с властями Дагестана способствовало и объявлению мусульман-

ских праздников Курбан- Байрам как национальных праздников. Решение Президиума Дагестанского обкома РКП (б) принято 9 июля 1924 года [8, с. 132]. и праздновали они до начала 30-х годов.

По мере укрепления Советской власти и усиления антирелигиозных преследований некоторые священнослужители по всей стране пытались адаптироваться к меняющейся социально-экономической и общественно-политической ситуации. Такое духовенство считалось «новым духовенством», настроенным на обновление.

Несмотря на известные обещания высшего политического руководства страны уважать местные обычаи и шариат, в период Советизации Дагестана стратегический курс правящей партии был направлен на полное вытеснение духовенства из общественно-политической жизни общества.

До конца 20 - х годов некоторые руководители Республики были склонны объяснять сложность Советизации Дагестана сохранением патриархально-родового уклада жизни мусульман и авторитетом духовенства. [1, с. 44].

Дагестанская областная конференция РКП (б) обсудила 28 ноября 1929 года знаменитый указ Народных Комиссаров РСФСР «О свободе совести», посчитала, что проводить его в Республике преждевременно, из-за общей религиозности масс и огромного влияния мусульманского духовенства. Заместитель народного комиссара национальностей РСФСР Н. Нариманов раскритиковал позицию Обкома РКП (б) как неверную и потребовал немедленного выполнения указа. [7, с. 39].

Столь резкое изменение настроения центральных рабочих было продиктовано желанием ускорить их Советизацию. Поэтому большевики считали необходимым установить строгий контроль за религиозной и общественной деятельностью духовенства и урегулировать его правовой статус законодательством о культах.

В связи с переходом на новую экономическую политику в РСФСР были установлены всевозможные налоги и местные сборы для служителей культа. Служители культа, занимающиеся сельским хозяйством, помимо налога на доходы и имущество, должны были платить единый сельскохозяйственный налог. По мнению некоторых исследователей, местные власти часто преувеличивают доходы, получаемые муллой за выполнение религиозной службы и введение других налогов и сборов. [7, с. 39].

Доход мусульманского духовенства работниками Дагестанского обкома ВКП(б) в 1927 году оценивался в десятки тысяч рублей в год. Налоги, взимаемые государством с религиозных деятелей, намного превышают их доходы. Они формировались из различных исламских учреждений: от обязательной милостыни- закят, васият (завещание мечетям движимого и недвижимого имущества), от праздничных сборов и пожертвований, от платы за обучение в школах, от вакуфов и т.д. [7, с. 39].

Налогообложение духовенства рассматривалось населением как давление Советской власти и вызывало слепое сопротивление. Поэтому местные

чиновники и сами активисты до середины 30-х годов часто игнорировали Советское налоговое законодательство, не желая конфликтовать с населением.

В связи с ужесточением налогового законодательства в 30-е годы многие служители культа едва ли могли содержать свои семьи, поэтому некоторые не только занимались традиционным крестьянским хозяйством, но и были вынуждены торговать и зарабатывать другими ремеслами.

Новая экономическая политика Советского государства в 1921-1929 гг. допускала такое разнообразие хозяйственной деятельности и использование наемного труда. [4, с. 104].

В 1920 году Республиканское правительство пообещало профинансировать их услуги и объявило об установлении заработной платы, но не выплачивало, а в 1922 году отменило это решение, лишив тем самым их материальных стимулов. [1, с. 30].

Параллельно происходило увеличение налоговой нагрузки на духовенство и ликвидация институтов ислама в конце 1920-х годов. Некоторые активисты, под влиянием антирелигиозного преследования и атеистической пропаганды, заявили о своем отказе платить мулле содержание, что было связано с решением сельской кампании. Такие случаи в конце 1920-х годов имели место в отдельных поселениях и носили исключительный характер. Как правило, такие крестьянские активисты подвергались всеобщему осуждению. [1, с. 44].

В середине 20-х годов доходы шейха Али-Хаджи Акушинского оценивались в среднем 500 рублей в месяц. По другим данным, годовой доход Шейха Али Хаджи составил около 9500 рублей. [8, с. 93].

По материалам следствия 1928 года, к конфискации имущества Шейх-уль-Ислам имел пашню в 100 мер зерна, 1,5 десятины сенокоса, 4 лошади, 3 кобылы, 6 коров, несколько волов, 2 буйвола, и др. [3, с. 187].

При жизни Шейха Али Хаджи продолжали оказывать всевозможные почести не только жителям десятков сел, но и местным и региональным властям. Акушинцы проложили путь от базара до дома Шейха речным булыжником, чтобы в любую погоду гости могли дойти до него пешком. Шейха чествовали и в других населенных пунктах, например, в Кумыкских селах Карабудахкент и Каякент. Как правило, путешествия Шейха, в нескольких вагонах сопровождала группа муридов.

Состоятельным считался Шейх Хаджи Мухаммед эфенди Рамазанов (Али) из Южного Дагестана. Согласно анкете, составленной областным управлением ОГПУ, у него было три собственных дома в селах Штул, Касумкент и Юхари-сталь, а также несколько садов и 50 голов крупного рогатого скота, что позволило Шейху содержать трех жен. [2, с. 27].

Трудности во время выборных кампаний испытывали советские работники и других районов республики. В некоторые сельские Советы этого района к середине 1920-х гг. не вошел ни один ба-

трак или бедняк. Привычно горцы продолжали выбирать своих представителей не по классовому признаку, как того добивались власти, а в первую очередь по нравственным критериям. [2,с.27].

Некоторые местные и районные чиновники обвиняли духовенство в стремлении провести своих людей в Советы и в попытке захватить власть. Своё бессилие в организации советской работы чиновники объясняли их «вредительством». В 1926 году во время выборов Кумторкалинского сельского совета и его председателя, джамаат раскололся, а районные власти в этом обвинили местное духовенство и кулаков как сговорившихся против советской власти. [7,с.46].

Обвинения в подстрекательстве населения против мероприятий советской власти в адрес духовенства стали звучать из уст чиновников чаще в конце 20-х-30-е гг. Это было связано с трудностями советского строительства и начавшимися сталинскими репрессиями против «врагов народа» и «контрреволюционеров». Духовенство, в свою очередь, обвиняло советскую власть в стремлении на корню уничтожить шариат, заменив его советскими законами, а мусульман превратить в «гяуров». [2,с.27].

На взаимоотношениях местных властей и духовенства сильно сказывались жалобы населения на безобразия чиновников и волокиту. Такие примеры часто приводятся в докладах партийных работников и в донесениях агентов ОГПУ в начале 20-х годов. Советские работники ряда населённых пунктов часто пьянствовали и дискредитировали власть, а за взятки представителей духовенства восстанавливали в гражданских правах. В среде духовенства высказывались соображения о том, что пришедшие к власти бедняки, избранные в советские органы власти, никакой пользы обществу не принесут. [1,с.30].

Нередко духовенство запрещало землякам участвовать в торжествах, посвящённых советским праздникам. Советские праздники игнорировались духовенством в тех населённых пунктах, где местные чиновники не пользовались авторитетом и не могли найти с ними компромисс. Первоначальные

ограничения религиозной деятельности служителей культа коснулись тех обрядов, которые были связаны с нанесением телесных повреждений.

Таким образом, социально-экономическое и правовое положение мусульманского духовенства в 20-30-е гг. в Советском Дагестане контролировалось государством. В 30-е гг. ограничения распространились и на такие традиционные обряды, как намазы. После закрытия мечетей намазы духовенством проводились в частных домах. Совсем скоро, в конце 30-х гг. все традиционные религиозные праздники и обряды сотрудниками ОГПУ преподносились как «патриархально-клерикальные». После введения ограничений, особенно опасной стала деятельность духовенства в 1930-е гг. в плоскостной части республики и в городах, где контроль властей и борьба с инакомыслием были наиболее действенными. Некоторые представители духовенства открыто выражали своё недовольство усилившимися религиозными ограничениями и гонениями на духовенство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абдуллаев Г.М. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М., 1987.
2. Адухов М.Д., Муцалханов М.С., Махмудов Х.М. Дагестан в 30-50-е годы: некоторые проблемы политического, социально-экономического и культурного развития. Махачкала, 2001.
3. Даниялов Г.Д. Строительство социализма в Дагестане. 1918-1937 гг. М., 1988.
4. История Дагестана. М., Т.2. 2005.
5. Какагасанов Г.И. Религиозные мусульманские (примечетские) школы Дагестана. // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001.
6. Калганов А., Светлов П., Сайфутдинов Ш. На путях к атеизму. Казань, 1967.
7. Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917-1991 гг.). Махачкала, 2009.
8. Скачко А. Дагестан. Махачкала, 1931.
9. Ханбабаев К.М. Нажмутдин Самурский. Махачкала, 2003.

CENTRAL ASIA IN TRADE IN THE VI-XII CENTURY

Mukhammadiev M.

*PhD in History, Senior Lecturer of the Department of Economics and Innovation
Kazan Cooperative Institute of the Russian University of Cooperation*

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ТОРГОВЛЕ В VI-XII ВЕКА

Мухаммадиев М.Э.

*Канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры Экономики и инноватики
Казанского кооперативного института Российского университета кооперации*

Abstract

This article is one of the attempts to comprehensively study the internal and external trade of the states of Central Asia, the relationship in this area with such countries as Ancient Rus, Byzantium, Volga Bulgaria, the Khazar Kaganate, with countries of the East and West (Scandinavian countries) economic processes taking place in these regions.

Аннотация

Данная статья представляет собой одну из попыток комплексного изучения внутренних и внешней торговли государств Средней Азии, взаимоотношения в этой сфере с такими странами как Древняя Русь, Византия, Волжская Булгария, Хазарский Каганат, со странами Востока и Запада (странами Скандинавии) с исследованием социально-экономических процессов, протекавших в этих регионах.

Keywords: ancient and medieval trade, international trade, economic ties, silk road, weaving, gardening, weapons manufacturing, glassmaking, precious stones, pottery, mining, Arab travelers, Samanids, Central Asian cities, Ancient Rus, Scandinavia, Itil, The Volga Bulgaria, the Khazar Khaganate.

Ключевые слова: древняя и средневековая торговля, международная торговля, экономические связи, шелковый путь, ткачество, садоводство, оружейное производство, стеклоделие, драгоценные камни, гончарное ремесло, горная промышленность, арабские путешественники, саманиды, города Средней Азии, Древняя Русь, Итиль, Волжская Булгария, Хазарский Каганат.

В древности и средневековой Средней Азии в VI–XII века торговые отношения не происходили изолированно в своем развитии. Уже в VI в. появилось шелководство, которое получило свое распространение из Восточного Туркестана (Хотанский оазис). Гератской, Мервской областей, округов Нишапура, Ниса и др. [34, С.49].

Высокого развития достигло собственное изготовление тканей. В первую очередь, было развито шелко- и хлопчаткачество, которые, как и производство шерстяных тканей, базировались на местном сырье [20, С. 86; 25, С.56; 7, С.66-78; 19, С.88-116].

Можно отметить центры ткачества в Мавераннахре: селение Зиндана близ Бухары, Ведар близ Самарканда и Дарзанги в долине Сурхандарьи.

Абу Бакр Мухаммад Наршахи писал о большом ткацком предприятии «Байт-ут-тироз» в Бухаре и в Нишапуре в IX в., где выделялись ткани и ковры. Продукция этого предприятия имела спрос за пределами Средней Азии, куда и вывозилась [5, С.128]. Обо все этом нам известно по данным Абу Абдаллах Ал-Мукаддаси [1, С.51]. Бухара производила много «мягких», а Фергана «белых» тканей. В Нишапуре производили высокосортные хлопчатобумажные и шелковые ткани, которые известны были в IX–XII вв. за пределами страны.

Несомненно, особое место занимало садоводство. По данным арабских путешественников из Самаркандского Согда вывозились поражающие иноземцев персики, которые были «так велики как гусиные яйца, цвет их походил на золотой, их называли также золотыми персиками» [41]. Предметом экспорта являлись также белые и желтые вишни. Культивировались абрикосы, яблоки, груши, айва, вишня, алыча, слива, гранаты, инжир, орехи, миндаль. Много плодовых садов отмечено в Согде, Уструшане, Чаче, Фергане, Хуттале, в округе Нисы; в Гератской области производились в большом количестве изюм, фисташки и другие сладости. Средняя Азия вообще славилась среди стран Востока изобилием фруктов, их высоким качеством и множеством сортов.

Географы и путешественники отмечают, что в Средней Азии существовало огромное количество гужевых животных – лошадей, мулов, ослов и верблюдов. Высоко ценились кони Согда. Целые табуны их перегонялись в Китай и другие страны Востока и Запада из Самарканда, Бухары, Кеша и

Майбурга. Есть основания полагать, что посольство, в котором находился Ибн Фадлан, пригнало 3000 голов лошадей именно из среднеазиатских владений. В некоторых равнинных местностях использовали верблюды, которых специально выращивали для организации купеческих караванов.

Оружейное производство в эпоху непрерывных войн в средневековье занимало одно из ведущих мест. Население для защиты или участия в войнах вооружалось простыми и сложносоставными луками и стрелами с крупными железными трехперыми наконечниками, булавами, мечами, у них были превосходные «балхские кольчуги» [8, С.139-144; 24, 168-174]. Последними вооружались войска соседних стран (к примеру, китайские).

Высокого совершенства достигло стеклоделие. Мастера «умели из камней плавить разноцветные стекла, посему добывали руду в горах и в столице произвели опыт отливания», – сообщают китайские хроники. «Опыт удался, и стекло блеском своим превосходило стекла, привозимые из западных стран» [16, С.113–118; 3, С.48; 3, С.3–17]. Производство стекла и стеклянных изделий занимало одно из важных мест в ремесле IX–XII вв. В Средней Азии в это время получило распространение остекление световых проемов. Оконное стекло использовали для декоративных нужд в общественных монументальных постройках и богатых жилых домах. Оно оставалось предметом роскоши, недоступным для большинства населения [2, С.103-107; 4, С.3–17]. Торговцы стеклом в Средней Азии гордились этим.

При раскопках найдено много различных изделий согдийских мастеров – золотые серьги с овальным медальоном из красной шпинели, украшенные бирюзой и жемчугом, бронзовые, золотые и серебряные перстни с вставками из драгоценных и полудрагоценных камней, бусы – сверкающие, переливающие всеми цветами радуги. Правители Самарканда, Кеша, Майбурга посылали к иностранным дворам в подарок драгоценные камни и изделия из них. В быту знать широко употребляла чаши и кубки из золота и серебра [11, С.3-10; 12, С.29–36].

Из других ремесел отметим гончарное: производство керамической посуды от крошечных свистильников с длинными носиками (лишь в Адженатеш их найдено свыше 350) до громадных хранилищ [38, С.3-10; 11, С.115].

Большой объем ремесленного производства, особенно городского, способствовал широкому развитию как внутренней, так и внешней торговли. Дехкане и торговцы составляли, по-видимому, основное население среднеазиатских городов [39]. Об «искусности» согдийцев-торговцев сообщают многие источники. Большой размах имела среднеазиатско-византийская торговля и торговля с Китаем. Из Согда и Тахаристана вывозились оружие, драгоценные камни (особенно из Бадахшана), породистые кони, шелковые ткани, из Тахаристана – ценные лекарства, одно из которых помогало при лечении ран и кровотечений. Целебная сила этого лекарства была известна за пределами Средней Азии [29, С.174–179].

В X–XI вв. Хорезму принадлежала ведущая роль во внешней торговле Средней Азии. Купцы из Хорезма славились своим профессиональным для того времени подходом в торговле на всем Востоке. Вся среднеазиатская торговля в X в. практически оказалась в руках хорезмийских купцов. Они вывозили ткани и оружие, ввозили меха, рабов и др. Торговые связи хорезмских купцов были как с Хазарией, Волжской Булгарией, Киевской Русью, Скандинавией, Китаем, Индией, Хорасаном, Гурганом и Восточной Европой, так и с кочевниками Приаралья, Дешт-и Кипчака и Семиречья.

Таким образом, в X–XI вв. в Средней Азии наблюдался интенсивный рост городов и ремесленного производства, связанный с дальнейшим развитием социальных и экономических отношений на Среднем Востоке.

Торговля способствовала широкой колониационной деятельности согдийцев. Особенно много выходцев из Согда поселилось в Семиречье. Так живший здесь народ в XI в. Махмуд Кашгарский называет «согдан» и пишет, что это «народ, поселившийся в Бомасгуш, они из того Согда, который между Бухарой и Самаркандом, только они приняли одежду и нравы тюрок» [22, С.115; 9, С.14; 6, С.13, С.65, С.46, С.18]. После завоевания Средней Азии тюрками взаимоотношения между ними и согдийцами, уже существовавшие раньше, становятся более тесными. Согдийцы – торговцы, ремесленники, проповедники, воины, полководцы, ученые – играли значительную роль в истории Центральной Азии и оказали влияние на все стороны ее культуры.

В IX–X вв. продолжает развиваться горная промышленность. В Вахшских горах были копи «бадахшанских гранатов» и разных сортов лалов (шпинели) [14, С.120–142], богатые серебряные и золотые рудники. В Карране, Рушане, Шугране разрабатывались рубиновые и ляпис-лазуревые копи, а также серебряные рудники [2]. Археологические исследования выявили крупную рудодобывающую провинцию X–XII вв. в Восточном и Западном Памире, в долинах рек Базар Дара, Западный Пшарт и других местах [13, С.103–108].

В Уструшане, в округе Минк и близ города Марсманда, в большом количестве добывалась железная руда, которая в основном обрабатывалась на месте: в верхнезерафшанской части Уструшаны – в

Зеравшане. В рудниках Буттала – добывались золото, серебро, купорос, железо, медь, нашатырь, оникс. В округе Асбара (Исфара) находились большие каменноугольные копи. Здесь была «гора из черных камней, которые горят как (древесный) уголь; пепел служит для белия одежды» [42]. Три ослиные ноши этого угля (примерно 12–15 пудов) стоили один дирхем. (Для сравнения: «повозка дров дерева «таг» ... стоит каких-нибудь два дирхема», – писал Ибн Фадлан в своем дорожнике, проезжая степи кочевников) [35, С. 8–72].

Первым крупным центром бумажного производства был Самарканд. Бумага славилась не только в самой Средней Азии и на Ближнем Востоке, но и в странах Запада [40, 21].

В Средней Азии базары имелись в каждом крупном или мелком городе, а также в большинстве крупных селений. Базары выступали центром торговой жизни. Базары в больших городах находились в нескольких местах – в шахристанах и рабадах. Базары в городах, расположенных на главных внутренних и внешних торговых магистралях, имели большее значение, чем другие. Это рынки Бухары, Самарканда, Бинката, Хадистана, Термеза, Балха, Герата, Нишапура и других городов. На рынках указанных городов находилось огромное количество разнообразных товаров. С этих базаров расходились по всем направлениям – как внутри страны, так и из нее – изделия местных ремесленников и товары, привезенные из других мест. Географ аль-Истахри, побывавший в Самарканде, писал, что «Самарканд – рынок Мавераннахра и место стечения купцов, большая часть товаров Мавераннахра попадает в Самарканд, а затем расходится по другим областям» [44]. По данным Истахри и Ибн Хаукаля, становится известно описание базара Нишапура, который находился в пределах рабада. Они отмечают, что особенно оживленными были базары большая и малая Мураба. Нишапурские рынки были снабжены всеми удобствами для приезжих купцов. На базарах были помещения и караван-сарай, в которых останавливались торговцы со своими товарами. Караван-сарай по размерам и по своей оживленности соответствовали целому рынку другого города. Нишапурские рынки имели бесчисленные лавки и мастерские. Удельный вес во внутренней и международной торговли Пайкенда был велик. Купцы Пайкенда вели, кроме внутренней торговли в своем округе, торговлю с Китаем и «морскую торговлю» с прикаспийскими городами [29, С.174–179]. В отличие от Пайкендских базаров, главный базар Нисы располагался рядами по определенному виду производства и торговли. В них торговали редкими и ценными вещами. В Нисе размещались караван-сарай и гостиницы для проходящих торговых караванов.

Не исключено, что в некоторых городах были и ярмарочные центры. Уструшанский город Марсманда, как крупный центр железорудных работ и металлического производства, был известен своими крупными ярмарками. Ярмарки были многолюдными и общеизвестными, их посещали

торговые люди из отдаленных стран. По сообщениям некоторых источников, обороты достигали очень крупной, хотя и явно преувеличенной суммы (100 тысяч динаров) [36]. Отсюда вывозили изготовленное на месте превосходное оружие, которое высоко ценили в других регионах и даже за пределами страны. Несомненно, в качестве вторых потребителей выступали кочевые народы, которые окружали северные районы Средней Азии. Может быть, кочевники получали товары и не в большом объеме, но их влияние в торговле имело определенное значение в экономике Средней Азии. Для населения городов и оазисов поступление от кочевников в большом количестве лошадей, убойного скота, шерсти, сырой кожи, молочных продуктов являлось удовлетворением хозяйственных потребностей. Здесь же продавали невольников – гуламов [29, С.81-86]. Известно, что торговые пути из стран Центральной Азии проходили через степи кочевников, и не исключено, что товары вывозились и из земледельческих районов Средней Азии купцами непосредственно в глубь территории кочевников.

О вывозе товаров, как на внутренний, так и внешний рынок, имеются сообщения географов-путешественников [43]. На основании их свидетельств можно нарисовать яркую картину специализации отдельных городов и местностей Средней Азии. Из Бухары вывозились на продажу «тонкие ткани, ткани для настилки полов на постоянных дворах, табаристанские и ушумунские ткани, ковры, молитвенные коврики, медные фонари, лошадиные подпруги, жир, овечьи шкуры, масло, мясо и дыни; из Кармиши – салфетки; из Дубасни и Ведара – ведарийские одноцветные ткани. Не остался в стороне и Арбинджан, откуда вывозили зимние плащи из красной шерсти, молитвенные коврики, кожи, крепкую коноплю, серу, оловянные сосуды. Выше было сказано, что город Самарканд славился, как и Бухара, своими тканями, поэтому экспорт товаров состоял из парчи (вывозились в основном тюряками), серебристых тканей (симгуна), красных тканей (мумарджала), тканей полотняных (синизи), большого количества шелка и шелковых тканей, палаток, бумаги, стекла, больших медных котлов, изящных кубков, стрел, удилов, ремней, легиновых и простых орехов. Джизак славился своими шерстяными изделиями, поэтому вывозимые товары состояли из шерсти и шерстяной одежды. Бесспорно, что оружие вывозили из Минка и Марсманда. Из Ферганы и Исфиджаба, как и из окраинных районов Средней Азии, везли тюркских рабов, белые ткани, предметы вооружения, мечи, медь, железо и другие товары.

Из Уструшаны и Ферганы вывозили нашатырь, который поступал не только в страны мусульманского Востока, но и, вероятно, уже к X в. в Европу. Нашатырь, видимо, был в цене, и знали про него во многих местах. Позже нашатырь в европейских странах называли «татарской солью» [27, С.342].

Если сравнить VIII–IX вв. с X–XII вв., то ассортимент товаров существенно изменился. В раннее средневековье и до IX в. преобладали главным

образом предметы роскоши – ювелирные изделия из золота и серебра и драгоценных камней, дорогое оружие, драгоценная посуда, стекло, высокосортные ткани и пр., то во второй указанный выше период все чаще начали встречаться предметы первой необходимости – продовольственные товары, сырье для ремесленного производства и ремесленная продукция.

По сообщениям Ибн Фадлана и других арабских географов стало известно, что Итиль и Булгар являлись главными перевалочными пунктами, через которые осуществлялась торговля Средней Азии с Русскими княжествами [17; 35, С.8-72; 45, С.255-270]. То, что везли в Итиль и Булгар, то и можно было видеть на рынках Руси. В главные города Хазарии и Булгарии вывозили из Средней Азии рис, сухофрукты, хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани, серебряные дирхемы (которые находились в обращении как товар). Во времена расцвета эпохи Саманидов было вывезено много серебра из Средней Азии в Восточную Европу. Об этом свидетельствуют письменные и археологические источники. Из Руси, из Булгар и из Хазарского каганата в Среднюю Азию ввозились меха, воск, кора, скот, рабы. Найденные саманидские монеты в различных районах современной России (вплоть до Москвы и Новгорода), да и не только в России, но и в странах Балтийского моря (Финляндия, Скандинавские страны – Швеция, Норвегия) свидетельствуют об интенсивности торговых связей Средней Азии с этими странами. Монеты, выпускаемые в «Руднике Шаша», доходили на Западе до таких отдаленных стран, как Финляндия, Дания и Армения [18, 26, 27, 29, 28, 37, 46, 47, 15]. В низовьях Волги были обнаружены саманидские бухарские медные фельсы середины X в.. Торговые связи Средней Азии и Древней Руси были не только в указываемый период, но и ранее – об этом свидетельствует, найденная на территории Москвы тахиридская монета [25].

В XI–XII в. хорезмийское государство добилося значительных успехов в области культуры и хозяйственного развития. Хорезм являлся, по сути дела, опорой восточной мусульманской цивилизации в евразийских степях, связующим звеном славяно-булгаро-хазарского, тюркского кочевого и средневекового культурных миров [23; 33, С.84].

Торговля, как внутренняя, так и внешняя дополняли друг друга. Великий шелковый путь не обходит Среднюю Азию, а втягивает ее в свою орбиту. В IX–X вв. достигает своего апогея караванная торговля со странами Восточной Европы, начинают действовать новые торговые пути. Образуется Древнерусское государство, купцы которого уже дали о себе знать в Волжской Булгарии – в Булгаре, в Хазарском Каганате – в Итиле и в Средней Азии – в Бухаре, Самарканде, Гургандже и не только.

Иными словами, можно сделать вывод, что, несмотря на происходящие на территории Средней Азии политические изменения, хозяйственная жизнь продолжалась. Не прекращался и товарообмен, в том числе международный, и в его орбиту

даже попадали новые страны и народы, где торговля оставалась как одной из важных основ их жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абу Абдаллах Ал-Мукаддаси. Наилучшее распределение для познания стран. – М., Директ-Медиа, 2010. – 112 С.;
2. Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад аль-Истахри. Книга путей и стран [Электронный ресурс]. – http://www.ruistor.ru/istochniki_vos_020.html
3. Абдуразаков А.А., Безбородов Ш.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. – Ташкент, изд-во Академии наук УССР, 1963. – 246 С.
4. Абдуразаков А.А. Сырьевые ресурсы раннесредневекового стеклоделия Средней Азии // Исследование минерального и растительного сырья Узбекистана. – Ташкент, 1962. – С.3–17.
5. Абу Бакр Мухаммад Наршахи. «История Бухары». – Ташкент, 1897. – 128 С.
6. Афрасиаб. – Ташкент, 1969–1975. – Вып.1–4. – С.13, 65, 46, 18.
7. Беленицкий А.М., Бентович И.Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества // Советская археология. – 1961. – №2. – С.66–78;
8. Беленицкий А.М. Глава «О железе» минералогического трактата Бируни // Краткие сообщения института истории материальной культуры АН СССР. – М; Л., 1950. – Вып. 33. – С.139–144;
9. Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн-Хаукаля. – М., 1978. – С.14;
10. Брусенко Л.Г. Раскопки квартала гончаров X–XI вв. на городище Афрасиаб // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент, 1969. – Вып.8. – С.115–123.
11. Бубнова М.А. Из истории металлургии серебра в Средней Азии // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. – Душанбе, 1961. – Вып. 1(24). – С.3–10;
12. Бубнова М.А. Извлечение серебра купелированием в Средней Азии в IX–X вв. // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. – Душанбе, 1962. – Вып. 1(28). – С.29–36.
13. Бубнова М.А. Изучение памятников, связанных с горным промыслом, на территории Таджикистана в 1970 г. // Археологические работы в Таджикистане. – М., 1973. – Вып.10. – С.103–108.
14. Бубнова М.А. Рудник Кух-и-лал (к истории бадахшанских лалов) // Материальная культура Таджикистана. – Душанбе, 1971. – Вып.2. – С.120–142.
15. Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX — начала XIII веков. – Казань, 1995;
16. Веселовский Н.И. Заметки о стеклянном производстве в Средней Азии // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – СПб., 1894. – Вып. 8. – С.113–118;
17. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских : (с половины VII в. до конца X в. по Р. X.) / собр., пер. и объясн. А. Я. Гаркави. – СПб., 1870. – IX, –308 С.
18. Григорьев В.В. О куфических монетах, находимых в России и Прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории // Россия и Азия, сборник исследований и статей по истории этнографии и географии, написанных в разное время В.В.Григорьевым – СПб., 1876;
19. Иерусалимская А.А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. – Л., 1972. – С.88–116.
20. Иностранцев К.А. Из истории старинных тканей // Записки Восточного отделения русского археологического общества. – СПб., 1901. – Т. 13. – С.86.;
21. История Народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. – Москва. Наука. 1986. С. 222, 226–228.
22. История Самарканда. – Ташкент, 1969. – Т.1. – С.115;
23. История Узбекистана. Государство Хорезмшахов накануне монгольского завоевания. [Электронный ресурс]. <http://works.doklad.ru/view/S90ctJAkn5w/10.html> (дата обращения: 21.05.2017).
24. Князев П.И. Разведочно-археологические работы в квартале металлургов древнего Термеза // Труды АН Узбекской ССР. Серия 1. История, археология. Термезская археологическая комплексная экспедиция. – Ташкент, 1945. – Т.2. – С.168–174.
25. Крачковская В.А. О средневековых текстильных изделиях в Средней Азии (Мервские ткани IX–X вв.). // Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов. – Ташкент, 1958. – С.56;
26. Марков А.К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). – СПб., 1910;
27. Мец Адам. Мусульманский ренессанс. – М., Издательство ВиМ, 1996. – С.473.
28. Монетное обращение на территории Восточной Европы с 833 г. до начала X в. [Электронный ресурс]. – http://lib.sale/numizmatika_1268/monetnoe-obraschenie-territorii-vostochnoy-66945.html (дата обращения: 29.05.2017).

29. Мухаммед Гамал Эль Дин. О саманидском дирхеме из древней Казани // Археологическое изучение Булгарских городов. – Казань, 1999. – С.39-40.
30. Мухаметшин Д.Г. Об арабском дирхеме из раскопа XIII в. // Археологическое изучение Булгарских городов. – Казань, 1999. – С.38;
31. Мухаммадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. –Казань, 1990;
32. Негматов Н.Н. Государство саманидов. – Душанбе, 1977. – С.174–179.
33. Негматов Н.Н. Экономика Хорасана и Мавераннахра в IX–X вв. // Государство Саманидов. – Душанбе, 1966. – С.84.
34. Петровский Н.П. Заметки по гидрографии Туркестанского края // Известия Императорского Российского географического общества. – СПб., 1898. – Т. 34. – С. 490–94;
35. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). – М. – С. 8–72;
36. Рахимов Н.Т., Штарк С.. Отчет о работах Таджикско-Германской экспедиции в 2007 году. // Археологические работы в Таджикистане Вып. XXXIII. /Под общей ред. М.М. Масова. - Душанбе, 2009. - С. 211.
37. Савельев П.С. Мухамеданская нумизматика в отношении русской истории. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X, XI веков в России и Прибалтийских странах, объясненная историческими свидетельствами о торговле Северо-Востока Европы в эпоху основания и утверждения русского государства. – СПб., 1846;
38. Сайко Э. В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VII–XII вв. – Душанбе, 1966, – 211 с.
39. СРЕДНЯЯ АЗИЯ В III–XIII вв. (до монгольского завоевания). [Электронный ресурс]. - <http://gumilevica.kulichki.net/HE2/he2306.htm> (дата обращения: 20.06.2017).
40. Терентьев-Катанский А.П. С Востока на Запад. Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии 8-13 веков. Серия: Культуры Народов Востока. — М., Наука. Главная редакция восточной литературы. 1990. С. 37, 9-10, 20-22, 31-32, 34.
41. Товары, шедшие по Шелковому пути [Электронный ресурс]. - <https://www.kazedu.kz/referat/13636/8> (дата обращения: 24.06.2017).
42. Туркистан в эпоху монгольского нашествия том 1 - Бартольд В.В. Библиотека Истории [Электронный ресурс]. - <http://history-library.com/index.php?id1=3&category=istoriya-turkistan&author=bartold-vv&book=1963&page=100> (дата обращения: 29.06.2017).
43. Хвольсон Д.А. Извѣстия о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Абу-Али Ахмеда Бенъ Омаръ Ибнъ-Даста, неизвестнаго доселе арабскаго писателя начала X века / Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестнаго доселе арабскаго писателя начала X века. – СПб., 1869. – 199 С.
44. Шелк и Великий шелковый путь. Уточнения. Заметки географа. [Электронный ресурс]. - <http://www.proza.ru/2011/01/08/450> (дата обращения: 29.06.2017).
45. Якубовский А.Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Булгар в IX–XVI вв. // Советская археология. – 1948. – №10. – С.255–270.
46. Якубовский А.Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. / Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. –Л., 1932. – Ч.1.;
47. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. – М., 1956;

THE RELATIONSHIPS BETWEEN THE CENTRAL ASIA AND THE SHAI BANID STATE IN TRANSOXIANA

Karibayev B.

Doctor of History, Professor

Sadyk Zh.

master student, 2-nd year

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

In this article, the author examines the activities and policies of Khaknazar Khan, who ruled in the 40-80's. XVI century, at the time of the revival of the Kazakh Khanate and the personal human qualities of the Khan, the problems of Khaknazar Khan's relationship between the rulers of Maverannahr in the 70s of the mentioned century are also considered. At this time, the political situation of Maverannahr was complicated, the process of power struggle divided into two political groups - the Baba Sultan group in Tashkent and the Abdallah Khan group in Bukhara. In the interests of the Kazakh people, Khaknazar Khan supported the ruler of Bukhara. He died during the struggle with Baba Sultan.

Keywords: Central Asia, Kazakh khanate, Khaknazar khan, Transoxiana, dynasty of shaibanids, Abdallah khan.

INTRODUCTION

In the middle of the XV century the Kazakh Khanate, as a state of the ethnic origin of the Kazakh ethnoses, lived up to the first quarter of the XIX century and had two great stages in its history. The first period is - an united stage, that is a period of one centrally managed system of control, the second - disunity, that is, the time when several khans lived and didn't obey to each other in the territory of Kazakh land.

The unified period of the Kazakh Khanate is during from the middle of the 15th century to the beginning of the 18th century. It is known that, after the death of Tauke Khan started the second phase - the period of disintegration. During the first 250 years of the Kazakh Khanate in all ruled the seventeen Khans. In the 15th century there were three khans (Kerey Khan, Zhanibek Khan and Buryndyk Khan), in the 17th century - five khans, and in the 16th century - nine khans. Only a few of the nine khans of the 16th century are mentioned in the history of Kazakhs. They are Kasim Khan, Khaknazar Khan and Tauekel Khan.

These mentioned khans have a special role in the history of the country. In the second decade of the 16th century, Khasym khan son of famous Zhanibek Khan raised the banner of the Kazakh state to the whole world and his son Khaknazar Khan in the middle and the second half of the 16th century remained as the combiner of the Kazakh people.

In this article, we set out to define the personality of Khaknazar Khan and the politics he carried out in the 70s of the 16th century on the basis of written data and historiographical materials.

METHODOLOGY

During the discovery of the personality of Khaknazar Khan and his policy in the 70s of the XVI century with the rulers of Transoxiana, we used the basic principles and research methods used in the study of historical issues. When considering the ancestors of Khaknazar Khan, especially Kazakh ancestors, the principles of continuity was taken into consideration. During the application of these principles, it was shown that Khaknazar Khan's ancestors had remained in the Cumania territory.

To identify the historical nature of Khaknazar Khan, the data of medieval authors are compiled by the works of Kadyrgali Zhalayr's "Chronicle Collection", Hafiz Tanish's "Sharaf-Rame-i shahi", "Bahr al-asrar fi manakib al-ahar" by Mahmud bin Uali, Mashhur Jusip Koybeyuly's historiographical materials of research, the data from the Russian data describing the events of the end of the XVI century, as well as experts V. Velyaminov-Zernov, A. Isin, V. Trepavlov were used. Recent findings, new data and one of the newest materials are one of the scientific approaches - as a result of comparisons, new stories have been reached.

MAIN PART

One of the first researchers of the history of the Kazakh Khanate, V.V. Velyaminov-Zernov, considers that, Khaknazar Khan is the main person in the history of the Khanate's "renaissance" [1, 333]. This historic

value, which was given in the 60s of the 19th century, has not lost its significance until today. In addition, Khaknazar Khan is known as the ruler, who ruled the country for a long time in the history of the unified Kazakh Khanate.

There is no monograph research, which related to history of Khaknazar Khan in history science still. The academic volumes of various periods of the history of Kazakhstan in the chapters of the history of the Kazakh Khanate are studied in close connection with each other about his life and during of the reign. [2,153-157; 3,123-126; 4,285-288; 5,396-403]. Also in the last century, it has been described less in a dozen textbooks devoted to the history of Kazakhstan by some authors. On the contrary, books and articles of researchers of this period have a much information about Khaknazar Khan [6, 283-289; 7,185-190; 8, 9,]. In connection with celebration of the 550th anniversary of the Kazakh Khanate in 2015, separate articles devoted to Khaknazar Khan were published in several collections [10,69-72; 11,37-42]. Let consider data of the relationship between the Kazakh state of Khaknazar Khan and the Shaibanid state in Transoxiana, which based on medieval sources and historiography.

During the rule of Khaknazar Khan the southern and south-eastern direction was one of the main directions of the policy of the Kazakh Khanate. The lands and cities along middle and lower streams of the Syrdarya River has had an important role for the Kazakh Khanate. From the economic point of view, the winter pastures and wintering settlements of the nomadic Kazakh tribes were found on the left bank of the Syr Darya, and natural summer pastures were located in the northern part of the Cumania. The nomadic tribes of the Cumania used to use for commercial life all round of Tobol and Syrdarya. It is well-known, that before the Kazakh Khanate and during the Kazakh Khanate cuman rulers were fighting against the rulers of Transoxiana for the Syr-Darya. This struggle continued during the reign of Khaknazar Khan.

From the middle of the XVI century started the political crisis in the Transoxiana of shaibanid dynasty like in the Kazakh society after the Kassym Khan. Let's briefly review the political crisis in Transoxiana. In 1539, after the death of Shibanik Uladallah Khan (1533-1539), Abdullah I (1539-1540) was sitting in the throne. Six months later, he died and at the same time in Bukhara - Abdulaziz Khan(1540-1550), in Samarkand - Abd al-Latif Khan(1540-1551) came to power [12,327]. Thus, the Shibanid rulers had a long history of political crisis. In 1552 when Nauryz - Akhmed Khan (Barak Khan)(1552-1556) - son of the Suiunishkozha khan came to power in Tashkent and the race for power between the sultans even more intensified. In theory, the race for power was between in two Shibanid groups - the Shibanids of Tashkent and andidzhans, which headed by Abdallah II.

In 1556 Nauryz-Ahmad khan passed away. From that point onward, Khaknazar Khan has been taking

concrete action from the political situation in Transoxiana. From 1556 to 1558, Khaknazar Khan threatened Tashkent for three years and threatened to deport the region. This is reported by an English trader, Jenkinson, who visited Bukhara at the end of 1558 [1,332]. Khaknazar Khan was not able to get Tashkent in those years, though his attempt was the first active foreign policy of the Kazakh Khanate against the Shibanid family in Transoxiana after the "time of weakening".

Khaknazar Khan was active in relations with the Nogai in the 60s and 70s of the XVI century, but by the end of the 70s revived the south direction. During those years, the Abdallah II in Transoxiana became the strongest political power and gradually began to subdue the Shibanids' possessions. In 1557, he conquered Bukhara and raised his father Eskendyr in 1560/1561 in Bukhara. In 1573 he conquered Balkh, in 1574 - Hisar, and in 1578 - Samarkand [13,274]. The next city was Tashkent, where it is planted as the governor of Derbis Sultan, the eldest son of Nauryz-Akhmed Khan. Shortly after, the third son of Nauryz-Akhmed Khan, Baba Sultan, killed his brother Derbis Sultan and opposed to Abdallah II Khan. The policy and actions of Khaknazar Khan's life over the last few years are among these two Shiban rulers.

Haknazar Khan supports geopolitical Bukhara ruler in the disputes between Baba Sultan II and Abdallah Khan. After all, Tashkent's intensification was threatening the cities of Syrdarya and pasturelands. At any time by the decree of the ruler of the khanate, the Kazakh tribes of the area came to rob and plunder. Therefore, it was profitable for Haknazar Khan to enter into an alliance with a distant protector than to teach the adjacent enemy. To that end, an "oath of alliance" was made between Khaknazar Khan and Abdallah II.

In 1579 another tension began between the rulers of Tashkent and Bukhara, and Abdallah II Khan went to Tashkent. At that time Khaknazar Khan and Tarim Sultany, Sultans Sultan, Dostay Sultans and other Kazakh sultans were on the Talas River. Several Sultan of Baba sultan are being taken to Kazakhs [14,246]. The Baba Sultan can't produce anything when he intends to set fire to the allies in various ways. On the river Keles, Khaknazar Khan's ambassador to the Abdallah II Khan conveyed the message of the Kazakh khan. It states: "We are still loyal to the former" oath of alliance "made by the khan", says [14,247]. Bukhara Khan thanked the Kazakhs and introduced four settlements in the Turkestan district and asked to return the people of the Baba Sultan, who was captured by the Kazakhs.

The Baba Sultan uses some of the most arrogant ways to maintain his authority. Sometimes it means that he is subordinate to the khan of Bukhara, or he is opposed to him. He gives false information to Bukhara about politics of Kazakh rulers. Finally, in April 1580, at a meeting near the bank of the Sharapkhana River, he killed Zhalym and his two sons and two sons of Khaknazar Khan without regret [14, 254], and sent the most reliable people for the death of Haknazar Khan. Thus, Khaknazar Khan died at the end of April 1580. In the events of June 10, 1580, the name of the Shygay khan began to be named [14,256]. More than 20 years

after the death of Haknazar Khan, Kadyrgali Zhalayr wrote about this incident: "... Khaknazar was killed during the conflicts among them [15,121].

Khaknazar Khan has been in power for more than 40 years and is opening way to the revival of the history of the Kazakh Khanate. His goal was to bring the territory of the Kazakh Khanate to the same level as his father, Kassym Khan. It can be said that he has done his best to achieve this goal. The history formed him as a great statesman, a strong organizer, a masterful diplomat, a glorious commander.

In the 60s and 70s of the XVI century, it was the first to introduce the Kazakh Khanate to the strongest states, such as the Crimean Khanate, the Siberian Khanate, the Nogai Orda and the Moscow Principality, which were established on the territory of the Golden Horde. Thus, Khaknazar Khan became one of the most influential and famous figures of those years.

According to the oral literature, the Kazakhs divided into three parts was formed by Khaknazar Khan [1,335]. Although all the historians use this information, they do not refer to its significance. Let's express our opinion below.

There are many legends about the appearance of the faces in the Kazakh society, and there are many opinions. We will not discuss every legend. "Zhuz" - from arabic "dzhuz", it means "part", "branch" and its emergence connected with kazakh history in XVI century.

In the XVI century the territory of the Kazakh Khanate was the most widely spread and gained power, when headed by Khan Khan. At the same time, the laws of the Kassym Khan, which was born, were not limited to the legal side, but also to the massive number of million people living in the area, mainly nomadic livestock farming, which was used for the most effective management of political and administrative is a collection of laws. The death of Kasim Khan does not allow these laws to go deeper into life. And in the later period of "temporary weakening" the foundations of political and administrative reform of Kasim Khan begin to appear. In the "last years of temporary weakening" Akhmed Khan in the western part of the Kazakh land, in the central part - Togim Khan, Zhetysu - Budaqghan khans power [15,122; 16,306]. Ahmed Khan - in the war with the Nogai, Toghim khan is killed in the battle near the border. With the death of the khan, the country remains. Khaknazar was forced to unite the land that had sprung into the khan. And in the years that he was in power, he gradually began to realize his reputation. Thus, Kassym Khan began to use the political-administrative system in order to regulate the vast territory. Thus, the hundredth system was formed as a major administrative unit, established in accordance with the principle of "land and land" in the Kazakh Khanate. Thus, we believe that such sincerity lies under the legend that the Kazakhs appeared under the rule of Khaknazar Khan. And its first appearance on paper is in the beginning of the XVII century [4, 258].

Some information about the descendants of Haknazar Khan.

There are four sons of Khaknazar Khan. In 1580, Two sons were killed by Baba sultan [17,254], their

names unknown. From them were the two sons, who named Munfytay Sultan and Din-Muhammaed Sultan [17,79]. No information about their descendants. Kadyrgali Zhalayr writes: "In these days his sons lose power" [15,121].

All the researchers in the domestic historiography give a positive assessment to the historical reality and personality of Khaknazar Khan. The collector of folklore, ethnographer, historian Mashkhur Zhusip Kopeyevich (1858-1931) in his works "Kazakh khans" and "Kazakh bottom" gives the estimation of Khaknazar Khan to "keen, heroic khan". He writes that Haknazar khan is the work of the Russian authors - Aknazar Khan. Below we will listen to K. Kugeyuly's comments about Khaknazar Khan.

According to the first Kazakh version, "... Aknazar Khan became the son of Khan Aknazar, who defeated the Uzbek khan Aknazar and conquered Nogai Khan Migration and conquered it by Russians. At that time, the Russian Prince set up a fourth ambassador to Ivan Aknazar, to trade a caravan, Aknazar has brought the Kazakhs back to restored Kassym Khan "[18,18; 19206], "In the Kazakh khans" (1), "... After Kassym Khan's death, the children were thrilled with the throne, the Nogai Uzbek, the Kalmyk - three of them were enemies from three sides, and the belly of Kassym Khan Aknazar was raised by the khan and Aknazar was called a "keen, heroic khan", and the Uzbek khan shibanillah rattled and Nogay khan protected Kushim Khan and left the house, and then the Russian envoy to the fourth Ivan Aknazar sent an envoy, saying, "Let's fight, Aknazar Khan is the Kazakh khan at the time of Kassym Khan a] [e] take the field, "as it will reinforce [18,126-127; 19,259].

The well-known historian TI Sultanov summarizes the historical essence of Khaknazar Khan as follows: "Khaknazar was a great political figure like his father. ... He truly was a clever and skillful ruler, who was able to combine the requirements of the daily life of the Great Steppe nomadic with the state's policy. He was able to perceive political situations very well and effectively used his time. "[7,188].

CONCLUSION

Consequently, we come to the following conclusions by summarizing the above points about the historical person and personality of one of the famous Kazakh khans of the sixteenth century - Khaknazar Khan.

Khaknazar Khan was the ruler of the state policy in the life of his people, rebuilding the flag of the Kazakh state, whose flag had fallen in the years of "temporary weakening". Due to the political situation in the territory of the Muerennakhr, the efforts of the Kazakh Khanate to actively pursue its policy in that region. The long-term foreign policy of the Kazakh people is the basis for the end of the ethnic territory.

REFERENCES:

1. Velyaminov-Zernov VV. *Isledovanie o Kasimovskikh caryah i carevichah*. Ch.2. – SPb., 1864.- 498 s. [Velyaminov-Zernov V.V. The investigation of Kasimov's tsars and princes. Part 2. -SPb., 1864.- 498 p.]
2. *Istoriya Kazahskoi SSR s drevneishih vremen do nashih dnei*. -3-e izd.; pererabot. – Almaty, 2011.- 670 s. [The history of the Kazakh SSR from ancient times to our days. - 3rd ed.; processing. - Almaty, 2011. - 670 pp.]
3. *Kazakh SSR tarihy erte zamannan osy kunge deiin*. Ondelip, tolyktyrylgan ekinshi basyluy. 1 tom. Almaty, 1949. [History of the Kazakh SSR from ancient to modern times. The second edition was edited and replenished in Volume 1. Almaty, 1949.]
4. *Kazak SSR tarihy (kone zamannan bugingi kunge deiin)*. Bas tomdyk. II tom. Almaty: Kazakh SSR-inin "Gylym" baspasy, 1983. – 440 b. [History of the Kazakh SSR (from ancient times to the present). Five volumes. Volume II. Almaty: publishing house "Science" of the Kazakh SSR, 1983 - 440 p.]
5. *Kazakhstan tarihy (kone zamannan bugingi kunge deiin)*. Bes tomdyk. II tom. – Almaty: "Atamura", 2010. – 640 bet. [History of Kazakhstan (from antiquity to the present). Five volumes. Volume II. - Almaty: "Atamura", 2010. - 640 pages.]
6. Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. *Kazakhstan letopis' treh tysyacheletii*. Alma-Ata "Rauan". 1992. [Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. *Kazakhstan is a record of three millennia*. Alma-Ata "Rauan". 1992.]
7. Sultanov T.I. *Podnyatye na beloy koshme. Potomki Chingiz-Hana*. – Almaty: Daik-Press, 2001. – 276 s. – (Kazakhstanskije vostokovednye issledovaniya). [Sultanov T.I. *Raised on a white wrack. Descendants of Genghis Khan*. - Almaty: Dyke-Press, 2001. - 276 p. - (Kazakhstan Oriental Studies).]
8. Isin A. *Kazhskoe Hanstvo i Nogaiskaya Orda vo vtoroi polovine XV-XVI v.v.*- Semipalatinsk, - 2002. [Isin A. *Kazakh Khanate and Nogai Horde in the second half of XV-XVI centuries* - Semipalatinsk, - 2002.]
9. Abuseitova M.H. *Hak-Nazar han zhane XVI gasyrdyn ekinshi zharty syndagy memlekettin nygayuy*.//Egemen Kazakhstan.-1998.11 karasha.-3 b. [Abuseitova M.X. *The Khan and the strengthening of the state in the second half of the XVI century* .// *Egemen Kazakhstan*.- 1998.11 November-3 p.]
10. Talas Omarbekov. *Uly dalanyn dara tulgalary. Kazakh handary*. – Almaty, "Eksklyuziv KA", 2015.- 180 b. [Talas Omarbekov. *Individual figures of the Great Steppe. Kazakh khans*. - Almaty, "Exclusive CA", 2015. - 180 p.]
11. *Kazakh Handary*. Enciklopediyalyk anyktamalyk zhinak. Zhauapty redaktorlar: t.g.d., professor Kozha M., professor Tursyn H.M. – Almaty: "Kazgurt" baspasy. – 2015zh. – 224 b. [Kazakh khans. Encyclopedic reference collection. Corresponding editors: Prof. Kozha M., Professor Tursun HM - Almaty: "Kazygurt" publishing house. - January 2015 - 224 p.]
12. Klyastorny S.G., Sultanov T.I. *Gosudarstva i narody Evraziiskih stepei. Drevnost' i srednevekovie*. - SPB., Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004: 2-e izd., isprav. I dop. – 368 s. – (Orientalia). [Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. *States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the Middle Ages*. - St. Petersburg., Petersburg Oriental Studies, 2004: 2 nd ed., Corrected. and additional. - 368 sec. - (Orientalia).]

13. Gafurov B.G. Tadjiki. kn. II. – Dushanbe: Irfon, 1989. [Gafurov B.G. Tajikistan. book. II. - Dushanbe: Irfon, 1989.]
14. Materialy po istorii Kazakhskikh hanstv XV-XVIII vekov (Izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochinenii) / Sost.: S.K. Ibragimov, N.N. Mingulov, K.A. Pishulina, V.P. Yudin. – Alma-Ata, 1969. – 652 s. [Materials on the history of the Kazakh Khanates of the XV-XVIII centuries (Extracts from Persian and Turkic writings) / Comp: SK Ibrahymov, N.N. Mingulov, KA Pishchulina, V.P. Yudin. - Alma-Ata, 1969. - 652 p.]
15. K.Zhalaiyr. Shezhireler zhinagy. Almaty: Kazakhstan, 1997. – 128 bet. [K.Zhalyryr. Collection of chronicles. Almaty: Kazakhstan, 1997. - page 128.]
16. Muhammed Haydar Dulati. Tarih-i Rashidi. (Hak zholyndagylar tarihy). – Almaty, 2003. 616 b. [Mohammed Haidar Dulati. History-i Rashidi. (The History of the True Way). - Almaty, 2003. - 616 p.]
17. Abuseitova M.H. Kazakhskoe hanstvo vo vtoroi polovine XVI veka. – Alma-Ata: Nauka, 1985. – 104 s. [Abuseitova M.H. Kazakh Khanate in the second half of the XVI century. - Alma-Ata: Science, 1985. - 104 p.]
18. Mashhur Zhusip Kopeiuly. Kazakh tarihy. 1-kitap. <http://kitap.kz>. [Mashkhur Zhusip Kopeevich. History of Kazakhs. 1st book .<http://kitap.kz>.]
19. Zhusipova L.K. XV-XVIII Kazakh handygy. Pavlodar: Kerekku, 2015. – 375 bet. [Zhusupova LK XV-XVIII Kazakh khanate. Pavlodar: Kerekku, 2015. - 375 p.]

SOME DATA ON THE PECULIARITIES OF THE ECONOMIC SYSTEM FORMATION OF JOCHI'S KHANATE

Bedelova G.

Associate professor of Al-Farabi Kazakh National University

Tynyshtykbay A.

2-nd year MA student of Al-Farabi Kazakh National University

Abstract

The article reviews the fact that because of the close political, diplomatic and trade relationships which the Golden Horde had with many medieval countries, there are some data on it in Arabic, Persian, Kipchak, Chinese, Russian, Italian, Latin, and some other languages. In addition, the Khan's decrees and archaeological data, which are the documentary evidence of the authenticity of the historical record, are noted. The article also mentions the archaeological excavations conducted on the territory of the Golden Horde. As a result of these excavations many artifacts that testify to various aspects of trade and economic relations have been discovered. These artifacts include trading instruments, imported and exported goods. The material data found will help to determine the true nature of the narrative data.

Keywords: political, diplomatic and trade relationships, the Golden Horde

Because of the close political, diplomatic and trade relationships which the Golden Horde had with many medieval countries, there are some data reserved in Arabic, Persian, Kipchak, Chinese, Russian, Italian, Latin, and some other languages. Besides it is worth to mention that there are Khan's decrees and archaeological artifacts, which are the documentary evidence of the authenticity of the historical records. In fact, Khan's decrees acted as trade agreements. That is why, the information contained there is true. As a result of these excavations many artifacts that testify to various aspects of trade and economic relations have been discovered. . These artifacts include trading instruments, imported and exported goods (ceramics, glassware, expensive jewelry, silk). The material data found will help to determine the true nature of the narrative data.

Khan's decrees. Khan's decrees is a collection of documents of national importance in the Golden Horde. This set of documents includes information about trade agreements, discounts on foreign merchants, free access to trade routes, solutions for ascertain economic disagreements. In Khan's decrees, only the decree issued by Tokhtamys Khan to the Polish King Yagailo on May 20, 1393 is reserved in original [1]. Other documents are reserved only in translation into other

languages. To date, there are dozens of Khan's decrees in Latin, Italian and Russian [2]. Among them there are a lot of decrees, including a decree issued by the Uzbek khan to the Venetian merchants in Azak (9 October 1332), a decree issued by Zhanibek Khan to Venetian merchants in Azak (September 30, 1342), Taidulla's missive and fees list to Venetian doge Giovanni Dolfino (March 4, 1359), a decree issued by Zhanibek Khan to Venetian merchants which is reserved in translated version (into Venetian dialect) (December 26, 1347), the Old Crimea's (Solkhata's) ruler Ramadan's letter to the Venetian doge Giovanni Gradenigo (March 4, 1356), a decree issued by Berdibek Khan to Venetian merchants (September 13, 1358), Temür Qutluğ's notice to Venetian merchants (September 20, 1358), the Old Crimea's ruler Cherkes-bek's borough charter to Genoan merchants in Kaffa (November 27, 1380) and Ilyas-bek's borough charter (February 24, 1381) [3], a decree issued by Mengü-Timur to the Grand Duke Yaroslav Yaroslavovich in Russian (1270). Unfortunately, the original Kipchak versions of these documents were not reserved[4]. The abovementioned documents give valuable information on the Golden Horde's trade system. Khan's decrees given to the Venetian merchants are stored at the Venice State archives in the collection

of "the Golden Horde's documents of the XIV century". The Khan's decrees were given to another Italian trade republic – Genoan merchants, as well. However, they were not reserved to nowadays. Additionally, the documents showing the Golden Horde's trade relations with Venice and Genoa are stored in the Venice Senate fund (Senato, Misti), Venice State archives and Genoa archives. Moreover, professor of the Giessen University K. Kheller mentioned that there were decrees on the Golden Horde's trade relations with Poland and Lithuania [5]. Overall, Khan's decrees are widely known for researchers in historical science. Many scientists have studied them, and are still studying. There is information on these documents in Grigoriev A.P. and Grigoriyeva V.P.'s translation and analysis in Russian [3] and in Vashari I.'s research articles [4; 48].

The "Codex Cumanicus" dictionary. It is an important documentary evidence on the international trade and economic relations of the Golden Horde. "Codex Cumanicus" – is a Latin word, meaning "book of the "Cumans" ", "collection about the Kipchaks". This dictionary consists of two parts. The first part of the book contains a Latin-Persian-Greek words written in three columns. This dictionary indicates that the Golden Horde had relations with Genoa, Venice and colonies in the North Black Sea region. The dictionary lists words and phrases as well as commercial and geographical names during the trading period. Therefore, "Codex Cumanicus" is specifically written for the merchants of the Italian trade republic in the Black Sea region, in order to help for create trade relations with the Golden Horde and Iran. During the strengthening of the Golden Horde, Kipchak has become a dominant and an international language in the main regions. At the time, merchants from Asia, travelers, ambassadors, people from European countries and others who travelled to and around Desht-i Qipchaq, communicated in Kipchak language. The genuine article of "Codex Cumanicus" is now stored in the library of the Patriarchal Cathedral Basilica of Saint Mark in Venice, Italy. Julius Heinrich Klaproth was the first to translate the first part of this work, to be more precise, Latin-Persian-Cuman dictionary into French. Furthermore, he made a separate book from one of the Parisian publishers in 1828. Famous orientalist G. Kun translated the two complete chapters of the manuscript into a Latin language in 1880 and published it in Budapest. In 1884, this book was published in the German language in St. Petersburg. It was V. Radlov who translated it into German. Danish scientist K. Gronbech published the original manuscripts as a separate book in 1936. [6].

It is worth mentioning the works of such authors as Ibn-Al-Asir, Rukn ad-Din Bejbarys, al-Ayni, al-Omarî, Ibn Battuta, Ibn Khaldun. In al-Omarî's book "Masalik al-absar fi mamalik al-amsar" (The ways of looking through the countries) there is information on Egypt's trade relations, historical and geographical data. Especially, the information given by Arabian traveller and merchant Ibn Battuta is worth mentioning. He tells about many of his journeys in his book "A inscription to spectators about the wonders of cities and travels" (Tukhfat an-Nuzar fi garib al-amsar ua adjaib

al-asfar). There he wrote about the Golden Horde's political and economic life. He spent 25 years of his life travelling (1325-1349) and went over 150,000 miles. He visited Egypt, Palestine, Syria, Iraq, India, Bengal, Ceylon, China, Afghanistan and Central Africa. There is valuable data in the parts where he described his route from the Crimea to the Volga through the south Russian steppe. These lands were under the control of the Golden Horde at that time. The merchant traveled from Astrakhan to Constantinople, then returned to the Golden Horde, in the Khan's capital city - Saray, crossed the Volga, and travelled through Ustyurt, Khorezm, Bukhara and Afghanistan [7]. His work provides valuable information on international trade routes, the Golden Horde's economic history and trade centers.

Persian- Hu'legin (Il-khanate's) data. The data that is worth mentioning in this case are such historic encyclopedic books of several Persian authors as "Jami' al-Tawarikh" (1300-1311) by Rashid-al-Din Hamadani, which is based on the Jvayni's "Tarikh-I Jahan-gusha", information collected from the works of famous historians and scholars of the time, and "Tarikh e Gozideh" (1329-1330) by Hamdallah Qazvini. In his book "Tarikh-I Jahan-gusha" (The History of the World Conqueror) Jvayni described the trade and economic policy carried out by the Mongolian Khan's in the occupied territories [8]. The first chapter of "Jami' al-Tawarikh" (1300-1311) by Rashid-al-Din was called "Tarikhi Gazani" (Gazan's history). The history of Mongol Empire and its Khanates beginning from the formation till the 1304 was written there. In the first part of the book there is information on the trade field. In addition, the relations of the Golden Horde with Iran were described. However, the country of Il-Khanate had been at war with the Golden Horde for a long time. That is why many of Persian authors had viewed the Golden Horde as an antagonistic country and described many historic events, especially the relations of two Mongol Khanates, on the basis of the formal concept of the government policy and Khans' policy. Accordingly, the Il-Khanate's supreme position authors reported only the official versions of the events.

Western authors' data. In this case, the works of Plano Carpini and William of Rubruck [10], Marco Polo [11], Ruy González de Clavijo [12], Giosafat Barbaro [13] and Johann Schiltberger [14] are need to be noted. Most of the works by these authors are among the source fundamental facts about the Eastern countries for the Europeans. It also provides important information about the Golden Horde's economic history. The importance of this data is that the information contained therein is specifically written and personally checked by the authors themselves. Moreover, the authors have specifically mentioned what they have heard from other people. If to explain the existence of such accurate and truthful information, it is that that the basis of Plano Carpini and William of Rubruck's journey to the Golden Horde was to collect information about the Mongolians, their military power, the economic situation of the empire, and the plan of the Mongol invasion. Their book was written as a specific report,

not as a historical or literary work, because after arrival Plano Carpini and William of Rubruck had to make a report to Pope Innocent IV and to the French king Louis IX respectively. That is why, despite some weaknesses, the works of Plano Carpini and William of Rubruck are referred as actual data. In addition, the book «La Pratica della Mercatura» («The trade practice») (1338) by Florentine author Francesco Balducci Pegolotti, who was European contemporary of the Golden Horde's international trade relations, is distinguished by its uniqueness. As an expert in the international trade of the time, the author estimated Tana as an important trading center of Jochi's Khanate and emphasized its significance along the medieval trade route beginning in China. Pegolotti's work has accumulated about a hundred years of experience with the Italian merchants from Yuan in China; he gave helpful advice to merchants, which in turn helped him to make their trip easier. Thanks to his work, it was easy to identify the distances between Eurasian trading cities. If the merchants travel from Venice and Genoa to China with goods, they should first of all go to Urgench with textile goods. He says that merchants should sell them for silver there and then go to China. He also recommends a hiring a Cuman-speaking interpreter or worker of Turkic origin. [15]

The Byzantine authors' data. Such Byzantine authors as Georgius Pachymeres (1242-1308), who was the historian for the emperor Michael VIII Palaiologos and Nichifor Gregoras (1295-1359) dedicated several pages of their works to the Golden Horde's history, that was the northern neighbor of the empire. Georgius Pachymeres, an official historian of Michael VIII Palaiologos, described specific facts about the slave trade between the Golden Horde and Egypt. The other Byzantine historian Nichifor Gregoras, gave important information on the Palaiologos' relations with the Mongols and Egyptians. In his works, Nichifor Gregoras described people living in Desht-i Qipchak as lots of different nations living in the north, and emphasized the specific relations between the Golden Horde and Egypt [16]. Both authors mentioned the slave trade between the Golden Horde and Egypt in their works.

Archaeological and numismatic data. Due to the fact that the cities where the main political and economic centers of the Golden Horde were functioning were located on the territory of former Soviet republics, Soviet researchers have made great progress in archaeological research. Due to the beginning of large-scale archeological expeditions in the Volga in the 60s of the XX century, thematic research on the history of the Golden Horde has undergone significant changes. At that time the continuity of the nomadic and city culture, the historical geography of the Golden Horde, the peculiarity of the public structures, archaeological and numismatic materials were systematized. This tradition continues Nowadays this tradition has found its continuation among Russian, Kazakhstani and others archaeologists' research. Therefore, archeological artifacts and data are very diverse. It is worth mentioning the research of medieval specialists such as A.V. Tereshchenko [17], F.V. Ballod [18], G.A.

Fedorov-Davydov [19], K.M. Baypakov [20], L.N. Nedashkovsky [21]. Numismatic data on the history of the foreign trade relations of the Golden Horde is also distinguished by abundance of information according to the subject matter of the topic. The large-scale archaeological research that has been carried out so far shows that there was a great progress in the Golden Horde's numismatics. Despite the fact that dozens of new types of coins and the Golden Horde's dirhams, made in the Bulgarian mint at the time of the great Khan's Möngke and Ariq Böke, are not dated, they provide empirical evidence of the relations between Karakorum and Saray. Along with proof of the validity of the Golden Horde's international trade records, they can also provide additional facts. Numismatic studies of the Golden Horde period have also evolved in the historical science of Kazakhstan. As a result it was discovered that the the XI century cities Jent, Barshikent (Barshyn) were located in the trading zones in Volga adapted to the Golden Horde's cities. Two coins of the XIV century found in Jent proves the fact that the city had trade relations with Turkestan and was undergoing its highest prosperity period at the time [22].

REFERENCES:

1. Berezin I.N. Yarlyk khana Zolotoy Ordy Tokhtamysh khana k polskomu korolyu Yagaylu 1850. – 72 s.
2. Arslanov A.M. Torgovo-ekonomicheskiye svyazi Ulusa Dzhuchi ... Diss.. k. ist. n. 2015. S. 5.
3. Grigoryev A.P. Kolleksiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii.... 2002. - S. 219.
4. Vashari I. Zhalovannye gramoty Dzhuchiyeva Ulusa dannyye italianskim gorodam Kafa i Tana.... 2001. – S. 194.
5. Kheller K. Zolotaya Orda i torgovlya s Zapadom.... 2001. - S. 119.
6. Qazaq adebiyetinin tarikhy. On tom dyk. T. 3. 2008. 18-19 bb.
7. Qazaqstan tarikhy. 1996. 44 b.
8. Dzhuveyni Ata-Melik Chingiz-khan. Istoriya zavoyevatelya mira. zapisannaya Ala- ad-Dinom Ata-Melikom Dzhuveyni.... 2004.
9. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisey. M.-L.. 1952.
10. Puteshestviya v vostochnyye strany Plano Karpini i Giloma de Rubruka.... 1993. – 248 s.
11. Kniga Marko Polo 1997. - S. 190-380.
12. Klavikho Rui Gonsales de. Dnevnik puteshestviya v Samarkand ko dvoru Timura (1403 - 1406).... 1990. — 216 s.
13. Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-rossiyskikh svyazey v KhVI v.... 1971. – 276 s.
14. Iogann Shiltberger. Puteshestviye po Evrope. Azii i Afrike s 1394 goda po 1427.... 1984. – 185s.
15. Kalan E. Zolotaya Orda (Ulus Dzhuchi) i strany Vostoka ... diss.. k. ist. n. 2012. S. 8.
16. Uspenskiy F.I. Vizantiyskiye istoriki o mongolakh i egipetskikh mamlyukov 1926. – T. 24. - S. 6
17. Tereshchenko A.V. Arkheologicheskiye poiski v razvalinakh Saraya.... 1850 – S. 368–402.

18. Ballof F.V. Staryy i Novyy Saray – stolitsy Zolotoy Ordyy. – Kazan. 1923 (pereizdaniye: TA. – 1998. – № 1–2) – S. 14–32.

19. Fedorov-Davydov G.A. Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordyy. – M.: Izd-vo MGU. 1973.

20. Baypakov K.M. Srednevekovyye goroda Kazakhstana na Velikom shelkovom puti. – Almaty. 1998.

21. Nedashkovskiy L.F. Zolotoordynskiye goroda Nizhnego Povolzhia i ikh okruga. – M.: Vostochnaya literatura. 2010.

22. Qazaqstan tarikhy. I tom. 1996. 27-b. Burnasheva P. 3. Neizvestnyy mednyy chekan Dzhenda.... A.. 1993. 80-86-6.; Burnasheva R.Z.. Yusupova S.M. Novyye dannyye po denezhnomu obrashcheniyu syrdarinskikh gorodov zolotoordynskogo perioda.... № 5. 45-50-b. Burnasheva R. 3.. Yusupova S. M. Monetnyye nakhodki s gorodishcha Kostobe (Zhambylskaya obl.).... 1993. № 5.77-80-b.

FEATURES OF THE ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION IN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

Altayev A.

doctor of historical sciences, professor, Al-Farabi Kazah National University, Almaty, Kazakhstan

Utegenova I.

master student of history, Al-Farabi Kazah National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The article comprises the range of the issues related to the ethnic composition of populations in countries of Central Asia in modern period. An analysis of large amount of statistical data shows the dynamics of changes in the number and proportion of the titular and largest ethnic groups of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan between 1989 and 2017.

Keywords: Central Asia, ethnic structure, multi-ethnic composition, ethnic homogeneity, title ethnoses, repatriation

Central Asia is a vast and complex region, which is designated by the proposal of the President of the Republic of Kazakhstan, five former Soviet republics - Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan and Tajikistan. In the ethnic sense, the first four countries are Turkic, and the latter refers to the Iranian group.

The population of the region has historically evolved as a multi-ethnic and multi-confessional. At the same time, due to a number of political and socio-

economic factors, Asian and European components were present in its composition, the ratio of which had different variations in a specific country profile. After gaining independence, the ethnic composition of the population of Central Asia underwent a radical transformation.

Today, the population potential of the CARs is growing rapidly, since its total number from 1991 to 2017 increased from 50,995,000 to 70,167,203 people.

Table 1

Population of Central Asian countries in 1991-2017. [1]

	1991	2017	Growth in thousand people	Increase in %
Kazakhstan	16 793 000	18 074 100	1 281 100	7,1
Kyrgyzstan	4 422 000	5 529 000	1 107 000	20,01
Tajikistan	5 358 000	8 965 827	3 607 827	40,2
Turkmenistan	3 714 000	5 477 176	1 763 176	32,2
Uzbekistan	20 708 000	32 121 100	11 413 100	35,5
Total	50 995 000	70 167 203	19 172 203	27,3

For the period 1991-2017 years. the total population of Central Asia increased by 19,172,203. or 27.3%. The largest growth rates are in Tajikistan and Uzbekistan- 40.2 and 35.2%, respectively. At the same time, Uzbekistan with the highest population in 1991 has further consolidated its position, in 2017, the share in the region reached 45.8%, or almost half.

Turkmenistan and Kyrgyzstan showed an increase in population by 32.2 and 20.01%, their population increased by 1,763,176 and 1,107,000 people, respectively. The lowest growth rates were shown by Kazakhstan - only 7,1% or 1,281,100 people. It retained the

second place in terms of its population, today its share is 25.8%, which is almost half that of the leader, Uzbekistan.

The growth of the population in all the states of the CAR without exception was due to the increase in the title ethnic groups. Today, the most numerous ethnic group in the region is Uzbeks, in second place Kazakhs, on the third – Tajiks, followed by Kirghiz and Turkmen. In the population of Central Asian countries there are more or less these five ethnic groups.

Table 2

Number and relative density of titular ethnic groups in the population of the CAR countries [2]

Countries	Kazakhs		Kyrgyz		Tajiks		Turkmens		Uzbeks	
	Thousand	%	Thousand	%	Thousand	%	Thousand	%	Thousand	%
Kazakhstan	11748179	66,48	23274	0,15	44738	0,25	-	-	548841	3,11
Kyrgyzstan	35087	0,57	4 492 667	72,98	53 848	0,87	2128	0,034	898 363	14,60
Tajikistan	595	0,01	60715	0,80	6373834	84,26	15171	0,20	1054726	13,94
Turkmenistan	138000	2,70	1000	0,02	4900	0,10	4011000	78,57	479000	9,38
Uzbekistan	830400	2,5	274400	0,9	1544700	4,8	192000	0,6	24858159	82,9
Total in the region	12752261	18,2	4852056	6,9	8022020	11,4	4220299	6,01	27 839 089	39,75

The largest number in the region is the Uzbek ethnos – 27,839,089 people, which is 39.7% of the total population of the CAR. 24,858,159 of them live in Uzbekistan, which is 82.9% of the population of the republic. Uzbeks are settled in all CAR countries, the largest number of them is in Tajikistan and Kyrgyzstan – 1,054,726 and 898,363 people, or 13.9 and 14.6%, respectively.

In Turkmenistan, Uzbeks are the second largest ethnic group – 479,000, which exceeds 9%. In Kazakhstan, in 2016, Uzbeks took the third place in number and density, ahead of the Ukrainians who had previously been in this position. Uzbeks today represent the most numerous and widely dispersed throughout the Central Asian region ethnos.

Kazakhs – the second largest ethnic group in the CAR – 12,752,261 people or 18.2%, most of them – 11,748,179 live in their country. Today the Kazakhs have regained their predominance in the population structure, their share has reached 66.48%.

The largest Kazakh diaspora is represented in Uzbekistan – 830,400 or 2.5%. The number of the Kazakh population in this country is declining and quite rapidly due to the processes of repatriation to Kazakhstan. So, since 2004 their specific declined from 4.05 to 2.5% (-1.55%).

In Turkmenistan, the share of Kazakhs is 2.7% and continues to decrease, according to some sources it is already less than 1%. The number and proportion of the Kazakh population in Kyrgyzstan is low, 0.57% and very low in Tajikistan – 0.01%.

Thus, the Kazakhs are mainly concentrated in the territory of Kazakhstan, and their earlier larger number and share in other Central Asian countries is declining rapidly due to the unstable situation in them and the policy of repatriating the oralmans – ethnic Kazakhs in Kazakhstan.

Tajikistan is the third largest ethnic group, accounting for 11.4% of the total population of the region. The overwhelming majority – 6,373,834 people live in the territory of their country, where they make up 84.26% of the total number of Tajikistan. The largest Tajik diaspora is located in Uzbekistan – 1,544,700 people or 4.8% 0.87% of Tajiks are represented in Kyrgyzstan, 0.25% in Kazakhstan and just 0.1% in Turkmenistan. The fourth largest ethnic group in Kyrgyzstan is 6.9% of the total population of the CAR. 4,492,667 people live in Kyrgyzstan, the number and relative density of them in other countries of the region is low –

from 0.02% in Turkmenistan to 0.9% in Uzbekistan. The fifth place is occupied by Turkmens with a share of the population of 6.01%. At the same time, out of their total number in the entire region, 4,220,299 people – 4,011,000 or 99.2% are resettled in Turkmenistan itself. In Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan, this ethnic group is represented by 0.62, 0.20 and 0.034%, and there is no data for Kazakhstan.

After considering the number and proportion of the title ethnic groups of the Central Asian countries, let us turn to the peculiarities of their ethnic composition.

Kazakhstan. The most multi-ethnic country in the region, according to some sources, about 130 ethnoses live in it. As of 01.01.2016, Kazakhs constitute the majority of the population – 66.48%. The second largest ethnic group is Russian – 20.61%, in third place – Uzbeks with 3.11%, followed by Ukrainians (1.64%), Uighurs (1.45%), Tatars (1.15%) and others [3].

In 2016, in comparison with 1989, when the last All-Union Census was carried out, the number of Kazakhs increased from 6,534,616 [4] to 11,748,179. The share of Kazakhs increased from 39.69% to 66.48% – almost 1.7 times. The increase was due to both an increase in natural growth, but mainly due to the immigration of oralmans.

The share of Russians during this period declined from 37.82% to 20.61%. There was a serious decrease in the number and share of other European ethnoses: Ukrainians – from 5.44% to 1.64%, Germans – from 5.82 to 1.03%, Belarusians – from 1.11 to 0.33%, Poles – from 0.32% to 0.18%.

The reasons for a such abrupt decline in the number and proportion of European ethnic groups was the activation of emigration in the mid-1990s, which declined at the beginning of the 21st century. Nevertheless, Kazakhstan remains the only country in Central Asia in which the number and proportion of the European, primarily Russian, ethnicity is high. Entire regions with a predominance of the Russian-Slav population are preserved. Thus, in the Kostanay region out of 883,640 people, the Russians make up 367,335 people, and together with the Ukrainians – 443,356, while the Kazakhs – 350,905.

Eastern and Asian ethnic groups have demonstrated positive trends. Thus, Uzbeks showed the largest growth rates and specific weight, whose share increased from 2.02% to 3.11%. The share of Uighurs increased from 1.13% to 1.45%, Dungan from 0.18 to

0.37%, Turks from 0.30 to 0.62%, Tajiks from 0.17 to 0.25%, Kurds - from 0.15 to 0.25%, Kyrgyz - from 0.08 to 0.15%.

Thus, at this stage, the Kazakhs returned the numerical advantage that was lost during the Soviet period. The Russian and European populations show a decline, while the eastern, primarily Turkic, and Asian ethnic groups increase the number and proportion.

Kyrgyzstan is also a multiethnic country with almost the same ethnic representation of Kazakhstan - about 100 nationalities. However, the large-scale migration of Russian, Slavic and European ethnoses led to a significant decrease in their representation in the country and the predominance of the indigenous Kirghiz and some other Turkic and Asian ethnic groups.

By 2016, the Kirghiz population increased to 4,393,057, their share was 72.98%. The second place is occupied by Uzbeks, whose number in 2016 was 898,363 people or 14.6%.

Russians settled down in third place, their number in 2016 decreased to 356,637 people or 5.8%. Compared to 1989, the reduction is more than 2.5 times in absolute figures and almost 3.6 times in terms of shares. The fourth position is taken by the Dungans, which showed growth from 0.87 to 1.12%. [5]. On the fifth line, the Uighurs, slightly increased their share from 0.86 to 0.91%.

In general, Kyrgyzstan, while maintaining a small representation of non-indigenous ethnic groups, which for the time being ensures its multinationality, demonstrates the trend towards a monoethnic composition typical for other Central Asian countries, with the exception of Kazakhstan.

Uzbekistan still retains a relative multi-ethnicity. But the bulk of the population is Uzbeks, whose share in the total population is systematically increasing. Between 1991 and 2017, the number and proportion of Uzbeks increased from 14,995,300 people (72.8%) to 26 917 700 people (83.8%). The second place is occupied by Tajiks, whose number increased from 9,807,000 to 1,544,700 people, that is, more than 1.5 times. The third line is occupied by Kazakhs, whose number as of 01.01.2017 was 803,400 people. Compared to 1991, it was decrease of 41,900 people.

The Russians, who in 1991 ranked second in number - 1,593,800 people and accounted for 7.7% of the total population, declined to 750,000 by 2017, and their share fell to 2.3%. Today they are on the fourth position.

Karakalpaks came in fifth place, the number of which increased from 431 900 to 708 800 people from 1991 to 2017, more than 1.6 times [6].

The reasons are a large-scale migration outflow of Russian and other Slavic, and European ethnic groups. Migration balance of the country for 25 years has a negative meaning. The decrease in the number and proportion is characteristic of all European ethnic groups. The growth of numbers is primarily due to the high natural growth of Uzbeks, the most numerous people in Central Asia.

The ethnic composition of Tajikistan has undergone significant changes as a result of the migration outflow of the Russian-speaking population. So, if in

1989 there were 388,481 Russians living in the republic, making up 7.63%, according to the 2010 census their number was reduced to 34,838 (0.46%), that is, more than 11 times [7].

In 2010, in the country, Tajiks together with indigenous ethnic minorities - Pamiri and Yagnobians - comprised 6,373,834 people or 83.4%. The Uzbeks settled down in second place - 926.3 thousand or 12.2%, and 1054.7 thousand, or 13.9%, with people close to them (lakays, kots, durmen, katagans, barbos, etc.).

The third place is occupied by Kirghiz - 60.7 thousand or 0.8%, followed by Russians - 34.8 thousand or 0.5%, in fifth place Turkmen - 15.1 thousand or 0.2%.

If before 1990 Tajikistan was three-national - Tajik-Uzbek-Russian, today it is actually a two-national-Tajik Tajiks. At the same time, the share of Uzbeks decreased from 23% in 1989 to less than 13.94% in 2010.

The definition of the ethnic composition of Turkmenistan is very difficult, since after the 1995 census, the data of the new 2012 census were never published, nor, in general, official annual data.

According to estimates, the number of Turkmen from 1989 to 2010 increased from 2,536,606 (72.01%) to 4,011,000 (78.5%).

The second largest Uzbeks in this period slightly increased their share from 9.01 to 9.38%. The share of Kazakhs increased slightly from 2.49 to 2.70%, Azerbaijanis from 0.95 to 1.02%, Tatars from 1.11 to 1.19%, Kurds from 0.12 to 0.14% [8].

All other ethnic groups showed a tendency to reduce. In particular, it affected to Russians, according to the 1989 census, ranking second in terms of numbers and specific weight (9.48%) [9], in 2010 it dropped to 3.23%, or almost three times.

In the ethnic composition of Turkmenistan, Balochi (one of the ethnic groups in Iran and Afghanistan), since 1926, was in fifth place in terms of numbers. However, this people also touched on the reduction, which in the period 1989-2010 in absolute figures - 428 people and in the proportion of 0.09%. The ethnic composition of Turkmenistan is rapidly moving towards homogeneity, according to different estimates, the share of Turkmen is 83 to 91%.

Thus, the ethnic composition of the population of Central Asian countries is becoming increasingly mono-national, the number of titular ethnic groups is growing rapidly. Uzbekistan, Turkmenistan and Tajikistan increased the share of indigenous population to 83 and more percent.

At the same time, the number and share of the European component decreased substantially. Kyrgyzstan is on the way to ethnic homogeneity, the share of Kyrgyz is already over 72%. Only Kazakhstan at this stage can be classified as a multi-ethnic state, in which a relatively high representation of European ethnic groups - Russians, Ukrainians, Germans, Poles, etc.

REFERENCES:

1. Table comp. by author: Sources: Population on 01/01/2017. The website of the Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan // <http://www.stat.gov.kz>, the site of the

National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic; Demographic situation in the Republic of Uzbekistan 2017. // The site of the State Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. // <http://stat.uz/en/>; The website of the Statistical Agency under the President of the Republic of Tajikistan // <http://www.stat.tj/ru/>; The site of the State Statistics Committee of the Republic of Turkmenistan // <http://www.stat.gov.tm/en/main/info/turkmenistan/>

2. Table comp. by author: Sources: Population on 01/01/2017. Website of the Committee on Statistics of the Republic of Kazakhstan // <http://www.stat.gov.kz>, Demographic Yearbook of the Kyrgyz Republic: 2012-2016. Natsstatkom Kyrgyz. Rep., 2017, 322c.; The population of the Republic of Tajikistan as of January 1, 2016 is 25 years of state independence. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, 2016, 49 p. <http://www.stat.tj/ru/>, Republic of Tajikistan, 2017, C.8., The site of the State Statistics Committee of the Republic of Turkmenistan <http://www.stat.gov.tm/en/main/info/turkmenistan/>; Demographic situation in the Republic of Uzbekistan 2017. The site of the State Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. // <http://stat.uz/en/>

3. Demographic Yearbook. Stat. Yearbook. Astana, 2017, 478 pp., P.15.

4. All-Union Census of the USSR 1989. Kazakh SSR. Distribution of the population by nationality and mother tongue. Table 9 with. // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=5

5. Demographic Yearbook of the Kyrgyz Republic: 2012-2016. Natsstatkom Kyrgyz. Rep., 2017, 322 p.

6. Demographic situation in the Republic of Uzbekistan 2017. The site of the State Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. // <http://stat.uz/en/>

7. M. Nagzibekova. Features of the development of the Russian language in Tajikistan. // <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/pre-view/sh40/pdf/15-sh40.pdf>

8. National composition of the population of Turkmenistan according to JoshuaProject estimates

9. The national composition of the population of Turkmenistan for the 1989 All-Union Census. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=7

CRIMINAL BEHAVIOR AS FORMATION SOURCE CRIMINAL SPHERE OF THE RUSSIAN SOCIETY**Akimova N.**

*Associate Professor, Chair of Criminal Law & Criminal Science,
Russian State University of Justice,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Moscow*

КРИМИНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ СФЕРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**Акимова Н.В.**

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного университета юстиции,
кандидат юридических наук, доцент
Москва*

Abstract

In article the material the basis of the criminal sphere - criminal behavior is covered. The author shows its specifics, gives criteria of the assessment by society of the different manifestations of deviance recognized by crimes.

Аннотация

В статье рассматривается материальная основа криминальной сферы – криминальное поведение. Автор показывает его специфику, приводит критерии оценки обществом различных проявлений девиантного, признаваемых преступлениями.

Keywords: Criminal sphere, criminal behavior, social conflict, crime, penal statute, criminalization, public sense of justice.

Ключевые слова: Криминальная сфера, криминальное поведение, социальный конфликт, преступление, уголовный закон, криминализация, общественное правосознание.

Несмотря на то, что преступность существовала во все времена, она никогда еще не оказывала столь существенного влияния на развитие общества, как в настоящее время, когда криминализация социального пространства приобрела поистине угрожающие масштабы, охватив практически все сферы современного общества. По мнению специалистов, в сложившейся ситуации уже вполне уместно вести речь о формировании «криминальной сферы» современного общества. Изучение данного феномена становится все более актуальным для отечественной науки.

По нашему мнению, одним из препятствий на пути формирования эффективной политики по декриминализации общественных отношений является отсутствие четко разработанного понятийного аппарата. В частности, следует отметить, что, несмотря на частое употребление и относительную устойчивость выражения «криминальная сфера», в настоящее время оно не имеет ни доктринального, ни официального юридического толкования.

В большинстве случаев криминальная сфера отождествляется с преступностью. Так, Н. П. Водько считает, что термин «криминальная сфера» будучи синонимом термина «организованная преступность» означает «синдикат, картель, преступ-

ная конфедерация» [2, с.15]. Л. Деллоу рассматривает криминальную сферу через связь организованной преступности и организованной преступной деятельности [3, с.21].

Нам представляется, что ограничивать и упрощать содержание криминальной сферы общества исключительно преступностью недопустимо, поскольку однобокость в рассмотрении данной проблемы ведет к ее примитивизации и недооценке, а пренебрежение к ней, отрицание ее как особой, сложной, отлаженной, организационно-структурированной сферы общества приводит к созданию дополнительных условий для ее развития.

Как известно, все сферы общественной жизни - экономическая, культурная, политическая, и пр. - являются естественными структурными элементами общества, так как объективно обусловлены, обеспечивают его жизнеспособность, функциональность и всесторонность. Без любой из перечисленных сфер общество перестанет быть адекватным потребностям человека и потеряет свое предназначение.

В процессе функционирования любого общества в нем складывается определенное организационное пространство, в котором осуществляется взаимодействие различных сфер общественной жизни в целях обеспечения общественного развития. Вместе с тем, в силу ряда объективных

причин, в общественной жизни происходят и процессы дисгармонии, влекущие нарушения от носительной стабильности и позитивного развития социума. Совокупность различных асоциальных явлений составляет аномальную сферу общественной жизни, основным дестабилизирующим фактором и ядром которой выступает преступность. Когда же преступность достигает глобальных масштабов, организационно оформляется, укрепляет внутренние и внешние связи и, в конечном итоге, приобретает в той или иной степени устойчивый характер, во многом определяя характер развития общества, то представляется возможным констатировать формирование криминальной сферы общества.

Криминальная сфера, приобретающая в современном обществе все больший удельный вес, оказывает разрушительное воздействие на иные сферы общественных отношений, стимулируя обострение социальных кризисов, негативно влияя на экономические, политические, культурные и иные процессы в социуме. В целом этот процесс характеризуется постепенным вытеснением легитимных и легальных общественных отношений их криминальными аналогами и разновидностями.

Масштаб распространения криминальной сферы, глубина ее проникновения в социум, усиление влияния на многие стороны жизни страны, позволяют говорить о криминальной сфере современного общества, как о мощной, хорошо организованной социальной структуре. Данная структура, являясь неотъемлемой частью общества, хоть и неизбежно взаимодействует с другими функциональными структурами общества, все же находится с ними в отношении дисбаланса, преследуя совершенно разные цели, имея различную мотивацию, ценностное обеспечение. Если все иные сферы общественной жизни преследуют цель - укрепление общественной системы в целом, поддержания ее как единого организма, воспроизводство общепринятых ценностей, то целью криминальной сферы является укрепление себя самой. Она сохраняет лояльное отношение к социальной среде ровно на столько, на сколько это необходимо для ее собственного существования и жизнеобеспечения в этой среде.

На основании изложенного, представляется возможным представить криминальную сферу современного общества в виде сложноорганизованной деструктивной функциональной структуры общества, включающей в себя деятельность криминального характера, осуществляемой частью социума, условно называемой «преступный мир», взятую в единстве с комплексом характерных для данной деятельности общественных отношений. При этом понятием «преступный мир» охватывается та часть преступников, для которых, во-первых, преступная деятельность является основным видом их деятельности, независимо от того, получают ли они от нее какой-либо доход или нет. Во-вторых, это те преступники, которые поддерживают личные и профессиональные контакты с себе

подобными, причем не только по поводу совершения ими конкретных преступлений, но и в связи с более широкими общими интересами, специфическим образом жизни, определяемыми криминальной деятельностью, создавая и пользуясь совместно с ними нелегальной инфраструктурой (подпольные паспортные столы, гостиницы, казино, пункты скупки краденного и т.д.). И в-третьих, это те преступники, которые без какого-либо воздействия извне признают сложившуюся иерархическую структуру сообщества себе подобных и придерживаются общепринятых в данной социальной общности правил поведения.

Исходя из того, что источником формирования криминальной сферы изначально явилось нарушение установленных в обществе правил, наиболее опасной формой которого выступило криминальное поведение, постепенно приобретающее массовый характер, представляется целесообразным рассмотреть этот феномен более подробно.

Криминальное поведение, являясь сложным и неоднозначным социальным явлением, с древнейших времен осуждалось обществом как опасное и вредное, подрывающее его основы. Практически невозможно представить себе социум, в котором определенные формы поведения не объявлялись бы социально-опасными и наказуемыми. Вместе с тем само понятие «преступление», издавна привлекавшее внимание философов, социологов и правоведов, равно как и критерии криминализации тех или иных деликтов, трактуются ими неоднозначно.

Так, например, с правовой точки зрения, преступлением признается деяние, запрещенное уголовным законом. С позиций этики преступление - это зло, исходящее от человека и направленное против человека. Для социолога, преступление выступает как социально обусловленное следствие неспособности человека найти цивилизованные формы разрешения жизненно важных для него общественных и личных противоречий. Рассмотренное в антропологическом ключе, преступление является превратной формой самореализации, разрушительным способом самообнаружения отдельных свойств и граней человеческой природы.

Г. Кайзер отмечал, что: «Если ориентироваться только на юридическое определение понятия преступления, то невозможно объяснить процессы криминализации или декриминализации тех или иных деяний» [5, с. 94–97]. Сказанное предопределяет необходимость дальнейшего исследования существующих в обществе представлений о сущности преступного поведения.

Следует отметить, что имеется точка зрения, согласно которой существует группа деяний, которые относятся к категории так называемых «вечных» преступлений, т.е. в любом обществе признаваемых общественно опасными и уголовно противоправными в силу очевидной опасности и вредоносности для всех (грабеж, убийство и т. д.). Однако, на наш взгляд, данная позиция весьма спорна, поскольку очевидно, что даже лишение человека жизни само по себе, вне зависимости от социальной оценки данного акта, не

может во всех случаях быть признано преступлением. Эту мысль проводил, в частности, Э.Я. Немировский, писавший, что «...убийство уродливых детей не только не запрещалось в древней Спарте, но было узаконено; убийство в осуществление завета кровной мести еще и недавно рассматривалось как долг» [6, с.51]. В настоящее время также, уголовно-правовой запрет убийства не распространяется на случай войны, необходимой обороны, смертной казни и т. п.

Таким образом, представляется, что преступное поведение - это обычная форма человеческой деятельности. Как отмечал Н. Г. Иванов, «...это точно такая же поведенческая реакция, совершаемая с соблюдением незыблемых законов психофизиологии, как и любое другое действие человека» [4, с. 127]. Оно также социально обусловлено, как и все иные формы человеческой жизнедеятельности. Следовательно, ни один вид человеческого поведения не является преступным только в силу внутренних, изначально присущих поведенческому акту свойств, поскольку один и тот же по содержанию поступок в различные времена в разных обществах и в разном социальном контексте может расцениваться и как антиобщественный, и как социально нейтральный, и как общественно одобряемый. Иными словами, как такового преступления не существует, но есть поведение, которое в условиях того или иного общества признается общественно опасным и потому преступным.

По мнению О. Н. Библика, с позицией которого трудно не согласиться, преступление – есть нарушение норм, созданных искусственно в ходе культурной деятельности человека [1, с.99]. Как видим, деяние характеризуется в качестве преступного с точки зрения культуры. Именно этим объясняются различия круга деяний, признаваемых преступными в разных странах. Объявляя то или иное деяние преступным, уголовный закон формулирует либо дополняет систему социальных (культурных) ценностей, служащих центром объединения большинства членов общества. Сущность преступного поведения в данном случае проявляется в отрицании доминирующих культурных ценностей, т.е. в форме конфликта доминирующей в обществе и пользующейся поддержкой государства культуры и индивидуальной культуры преступника. Поведение признается криминальным от имени государства, стоящего на страже ценностей господствующей официальной культуры. Следовательно, преступление предстает в форме конфликта официальной и неофициальной культуры, лишенной поддержки со стороны государства.

Данный тезис наглядно подтверждают так называемые «политические» преступления. Эти деяния, во все времена признаваемые преступными, тем не менее, по сути, лишены основополагающего признака преступления – общественной опасности. Более того, спустя некоторое время (например, в случае победы революции),

преступники могут стать судьями, а их преступления превратиться в подвиги. Подобными метаморфозами изобилует история, как отечественная, так и мировая. При этом, следует отметить, что в любом случае, поведение, находящееся в конфликте с ценностями господствующей официальной культуры, может повлечь как позитивные для всего общества, так и негативные последствия. Позитивным результатом будет являться изменение политического режима в сторону демократизации, что положительно скажется на перспективах общественного развития, и наоборот, возможен регресс в результате победы представителей социальной группы, насаждающей систему ценностей, ведущих к деградации общества.

Таким образом, криминальное поведение - сложное социальное явление, не имеющее естественных границ и определяемое с помощью двух взаимосвязанных критериев – общественной опасности и противоправности. Однако первый критерий весьма расплывчат и во многом определяется свободой воли законодателя, согласно же второму - понятие криминального поведения носит конвенциональный характер.

Безусловно, свобода законодателя не видна, пока речь идет о таких деяниях как убийство, разбой и т. д., где вековой обычай сформулировал оценку, ставшую неоспоримой правовой традицией, однако она становится очевидной, когда речь заходит о деяниях, которые можно как признать преступными, так и нет.

Вместе с тем, законодатель, в процессе криминализации того или иного поведения не может не ориентироваться на то, как декриминализация или криминализация поведенческих форм будут восприняты общественным сознанием: только как общеобязательные либо, как и общезначимые. Представляется, что в случае несоответствия законодательного решения ожиданиям общества, велика вероятность возникновения массового конфликта интересов государства и общества, которое может не признать ту или иную позицию законодателя в силу самых разных причин: исторических и национальных традиций, уровня развития общественного правосознания и социальной активности населения, экономической ситуации в стране и т.д. и т.п.

Таким образом, признание того или иного поведения криминальным представляет своего рода компромисс между историческими традициями признания тех или иных поведенческих форм нежелательными, общественно-опасными для государства и общества, идеологическими представлениями о недопустимости тех или иных форм поведения, определенной унификацией правовых систем, декларирующих те или иные формы поведения как общественно-опасные. Соответственно криминализация того или иного деяния может получить объяснение только на основе осмысления культурных ценностей общества, в котором существует тот или иной уголовно-правовой запрет, в связи с чем деление

преступлений на деяния, преступные по своей сущности, и деяния, преступные потому, что они запрещены законом, представляется нецелесообразным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бибики О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты. Дис.... докт. юрид. наук / Омск, 2015. - 360 с.

2. Водько, Н.П. Характеристика организован-

ной преступности / Н.П. Водько. М.: Изд-во Московского ин-та МВД России, 2001. С.15-121

3. Деллоу, Д. Организованная преступность / Д. Деллоу // Полис Джорнел. 1987. № 3. С.21-27

4. Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров. - М.: Юрайт, 2014. - 559 с.

5. Кайзер Г. Криминология. Введение в основы / пер. с нем. В. Д. Балакина. М.: Юрид. лит., 1979. - 319 с.

6. Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Одесса, 1925.-363 с.

THE MEDICAL INSURANCE AS PART OF OBLIGATORY STATE INSURANCE

Guliyev F.

senior medical officer of the NIITO Ministry of Health of the Azerbaijan Republic

Kokoyeva L.

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the North-Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)

МЕДИЦИНСКОЕ СТРАХОВАНИЕ КАК ЧАСТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ

Гулиев Ф.Г.

старший медицинский сотрудник НИИТО Минздрава Азербайджанской Республики

Кокоева Л.Т.

д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой предпринимательского и трудового права ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)»

Abstract

The medical insurance as a part of obligatory medical insurance is considered in this article. The analysis of medical insurance as type of insurance is carried out, his features and terminology are defined. The historiography of medical insurance during the different historical periods is studied. Cases when the state undertakes a burden of insurance of certain categories of citizens within obligatory state insurance, subject structure and objects of insurance are considered. Some problems of law enforcement of the legislation on obligatory state insurance are revealed.

Аннотация

В данной статье рассмотрено медицинское страхование как часть обязательного медицинского страхования. Проведен анализ медицинского страхования как вида страхования, определены его особенности и терминология. Изучена историография медицинского страхования в разные исторические периоды. Рассмотрены случаи, когда государство берет на себя бремя страхования определенных категорий граждан в рамках обязательного государственного страхования, субъектный состав и объекты страхования. Выявлены некоторые проблемы правоприменения законодательства об обязательном государственном страховании.

Keywords: the insurance, the state program, the medical care, the hotel categories of citizens, the social protection, the amount of medical care, the problem, the contract of compulsory state insurance.

Ключевые слова: страхование, государственная программа, медицинская помощь, отельные категории граждан, социальная защита, объем медицинской помощи, проблема, договор обязательного государственного страхования.

В России существует две отдельные системы медицинского страхования: обязательное медицинское страхование и добровольное медицинское страхование.

Обязательное медицинское страхование поддерживается государственной программой и служит обязательным условием получения государственной медицинской помощи бесплатно. Обязательное медицинское страхование действует на всей территории Российской Федерации. По своей

сути государство путем обязательного государственного страхования обеспечивает определенный уровень социальной защиты некоторых категорий граждан.

Страхование осуществляется на основе ряда принципов, включая принцип возмещения страховки, вероятность риска, и недорогое, доступное покрытие.

Социальная защита государства состоит из политики и программ, направленных на сокращение

масштабов нищеты и уязвимости путем поощрения эффективных рынков труда, уменьшения подверженности людей рискам и укрепления их потенциала в области управления экономическими и социальными рисками, такими, как безработица, социальное отчуждение, болезни, инвалидность и старость.

Программы социального страхования – это программы, которые защищают бенефициаров от катастрофических расходов в обмен на регулярные выплаты премий. Расходы на здравоохранение могут быть очень высокими, поэтому схемы медицинского страхования являются популярным способом снижения риска в случае наступления страхового события.

Обеспечение обязательного государственного страхования как вид социальной защиты накладывается на государство определенные обязательства, которые несут за собой финансовые расходы.

Добровольное медицинское страхование или приобретенное медицинское страхование приобретает отдельно физическим лицом или его работодателем. Приобретенное медицинское страхование, как правило, предлагает покрытие, которое является гораздо более всеобъемлющим по сравнению с обязательным медицинским страхованием.

Пунктом 3 статьи 927 Гражданского кодекса Российской Федерации определено, что законом могут быть предусмотрены случаи обязательного страхования жизни, здоровья и имущества граждан за счет средств, предоставленных из соответствующего бюджета (обязательное государственное страхование) [1].

Таким образом, фактически можно выделить еще один вид страхования – обязательное государственное страхование.

Следует отметить, что государственным страхованием также принято считать обязательное страхование для всех граждан РФ, которое покрывает страховой защитой приоритетные объекты. Обязательное страхование возмещает материальный ущерб (или оказывает прочую денежную помощь) как конкретному пострадавшему лицу, так и общественным интересам в целом. Существует несколько видов обязательного страхования, каждый из которых помогает организовать определенную сферу социальной жизни граждан РФ. Примерами обязательного страхования служат обязательное социальное страхование, обязательное пенсионное страхование, обязательное медицинское страхование, страхование автогражданской ответственности, страхование пассажиров.

Обязательное медицинское страхование является важной составной частью государственного социального страхования, которое гарантирует каждому гражданину РФ предоставление бесплатного объема медицинской помощи при нарушении здоровья. Затраты по оплате медицинских услуг возлагаются на страховую медицинскую организацию после уплаты застрахованным лицом первого взноса в Фонд обязательного медицинского страхования РФ.

Медицинское страхование по своей сути является видом страхования, который покрывает расходы застрахованного лица на медицинское и хирургическое страхование. В зависимости от вида медицинского страхования, либо застрахованный оплачивает расходы из своего кармана и затем возмещается, или страховщик производит выплаты непосредственно поставщику.

В терминологии медицинского страхования «поставщик» – это клиника, больница, врач, лаборатория, врач или аптека. «Застрахованный» является владельцем полиса медицинского страхования; лицо с медицинским страхованием.

В разные исторические периоды медицинское страхование имело различные характеристики.

Так, формы страхования жизни и инвалидности относятся к древним временам. В Древней Греции, когда доход кормильца был потерян, были созданы благотворительные общества, чтобы заботиться о семьях человека. В Средневековье начали появляться страховые компании, подобные кооперативам, которые принадлежали их членам. Как акционеры, члены будут делить любую прибыль от компании. В девятнадцатом веке раннее медицинское страхование было фактически страхованием инвалидности. Пациенты должны были оплачивать все другие расходы на здравоохранение из своих собственных карманов. В течение двадцатого века традиционное страхование на случай инвалидности превратилось в современные программы медицинского страхования. В настоящее время большинство комплексных частных программ медицинского страхования покрывают расходы на рутинные, профилактические и неотложные медицинские процедуры, а также большинство отпускаемых по рецепту лекарств.

Сегодня государство определяет случаи, когда оно берет на себя бремя страхования определенных категорий граждан.

Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 18 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие и граждане, призванные на военные сборы, подлежат обязательному государственному личному страхованию за счет средств федерального бюджета [2]. Кроме того, также в рамках федерального законодательства подлежат страхованию жизнь и здоровье военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации [3].

Таким образом, жизнь и здоровье военнослужащих и приравненных к ним является объектом обязательного государственного страхования.

В статье 43 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» также определено, что жизнь и здоровье сотрудника полиции подлежат обязательному государственному страхованию за счет

бюджетных ассигнований федерального бюджета на соответствующий год [4].

Жизнь и здоровье прокуроров [5], сотрудников следственного комитета [6], сотрудников и должностных лиц таможенных органов [7], Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий [8], судебных приставов [9], сотрудников органов внешней разведки [10], судьи, арбитражного заседателя, присяжного заседателя, судебного исполнителя, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, сотрудника федерального органа государственной охраны, сотрудника учреждения или органа уголовно-исполнительной системы [11], сотрудников и работников Государственной противопожарной службы [12], сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органов Российской Федерации [13], должностных лиц Счетной палаты [14], работников налоговых органов [15].

Для указанных категорий граждан федеральное законодательство определило, что именно их жизнь и здоровье требует страховой защиты. В случае наступления страхового случая страхование жизни может помочь семье уменьшить финансовое бремя в случае несвоевременной кончины указанных лиц.

Срок страхования жизни обеспечивает защиту бенефициаров на указанный период времени. Поскольку срок страхования жизни не включает в себя никаких других льгот, это наименее дорогая форма страхования жизни.

Все полисы страхования жизни продаются в этих трех формах:

1. Прямое страхование жизни, за которое страхователь должен платить взносы до тех пор, пока застрахованный жив.

2. Лимитированное страхование – выплата страхования жизни, за которую уплачиваются страховые взносы только за количество лет.

3. Одиночный платеж по страхованию жизни, для которых премии выплачиваются единовременно.

Для вышеуказанной категории граждан страхование осуществляется на весь период службы в государственных структурах.

Кроме того, ежегодно правительством Российской Федерации утверждается программа по предоставлению государственных гарантий, предусматривающих в том числе бесплатные медицинские услуги служащим государственных структур определенных категорий, включая судей и их близких (членов семей).

В перечень подлежащих предоставлению услуг отнесены:

медицинская помощь первичная;

высокотехнологичные (включая специализированные) медицинские услуги при диагностировании некоторых видов болезней;

медицинская помощь скорая;

реабилитационное и восстановительные лечебные процедуры;

мероприятия профилактического характера (иммунизация, дополнительная диспансеризация и иные).

Законодательно установлено право на получение лечения и обеспечение лекарственными препаратами за счет бюджетных средств для указанных категорий и после прекращения госслужащим профессиональной деятельности (выхода в отставку, на пенсию) в лечебных организациях, где они обслуживались в период трудовой деятельности.

Указанные виды обязательной страховой защиты осуществляются государственными учреждениями на основании специальных нормативных документов, правовых положений и законов за счет ресурсов государственного бюджета (ст. 927 ГК РФ).

Страховщиком выступает организация, получившая разрешительную лицензию на право осуществления обязательного государственного страхования, включая обязательное страхование судей, и выбранная по итогам специального конкурса.

Страхователь в лице уполномоченного должностного сотрудника информирует застрахованных граждан:

о правилах осуществления процедуры обязательного государственного страхования судей;

о порядке подготовки документов, необходимых при обращении за выплатами в ситуации наступления страхового события;

о способах уплаты и размерах компенсации.

При наступлении страховой ситуации, ставшей причиной кончины (гибели) застрахованного гражданина, выгодоприобретателями становятся граждане, определенные в завещании, а если таковые отсутствуют – наследники, определяемые по закону согласно законодательству Российской Федерации, действующему на момент происшествия.

При наступлении страховой ситуации, ставшей причиной кончины (гибели) застрахованного гражданина, выгодоприобретателями становятся граждане, определенные в завещании, а если таковые отсутствуют – наследники, определяемые по закону согласно законодательству Российской Федерации, действующему на момент происшествия.

Величина выплачиваемых страховых сумм pokrывает:

в случае гибели судьи заработную плату, рассчитанную за 15 лет;

заработок за 3-х летний период при нанесении увечья должностному лицу или тяжкого повреждения его здоровью;

заработок за 1 год при повреждениях здоровья, результатом которых не стала неустраняемая потеря трудоспособности.

Правила по выплате компенсации не подлежат исполнению в ситуациях, когда ущерб, полученный самим судьей или его близкими (членами семьи), не связан с его служебной деятельностью.

Смерть в семье не только эмоционально разрушительна, но и может иметь огромное значение для

будущей финансовой безопасности семьи. Внезапно, без дохода покойного, выплата ипотеки или обеспечение образования ребенка в колледже может стать намного сложнее.

Государство, путем государственного обязательного страхования помогает обеспечить близких застрахованного необходимыми финансовыми ресурсами. По сути, страхование жизни – это обещание страховой компании заплатить тем, кто зависит от застрахованного сумму денег в случае наступления страхового случая. Взамен государство проводит периодические платежи, называемые премиями. Премии могут быть основаны на таких факторах, как возраст, пол, сфера деятельности.

В случае вашей смерти, страхование жизни предоставляет деньги непосредственно лицам, которых вы выбираете, вашим бенефициарам, которые могут использовать деньги, как они считают нужным, в том числе:

- замена потерянного дохода,
- открытие основных расходов на жизнь,
- оплата домашних долгов, налогов на имущество и похоронных расходов,
- финансирование образования ребенка,
- дополнение пенсионных накоплений.

Таким образом, страхование жизни – это договор между физическим лицом со страховым процентом и страховой компанией о передаче страховщику финансового риска преждевременной смерти в обмен на определенную сумму премии. Три основных компонента договора страхования жизни – это пособие в связи со смертью, премиальный взнос и, в случае постоянного страхования жизни, счет денежной стоимости.

Договор обязательного государственного страхования является консенсуальным, возмездным, взаимным [17].

Существуют некоторые сложности в законодательном регулировании некоторых вопросов обязательного государственного страхования, например, в части субъектного состава. Так, в отношении ряда вышеуказанных категорий государственных служащих, действуют сразу два федеральных закона, регламентирующих вопросы осуществления в отношении данных лиц обязательного государственного страхования их жизни и здоровья, положения которых противоречат друг другу [18].

Кроме того, существуют проблемы с однозначной трактовкой и официальным закреплением ряда гарантий в рамках обязательного государственного медицинского страхования, которые по сути ограничивают права и законные интересы сотрудников [16].

Важно в целях создания положительной практики правоприменения развивать законодательство и устранять его правовые пробелы.

Вместе с тем, как уже указывалось выше, обеспечение обязательного государственного страхования как вид социальной защиты накладывает на государство определенные обязательства, которые несут за собой финансовые расходы. Исходя из анализа объема предоставляемого обязательного госу-

дарственного медицинского страхования можно говорить о достаточно высоком уровне социального и экономического развития нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) / Российская газета, № 23, 06.02.1996, № 24, 07.02.1996, № 25, 08.02.1996, № 27, 10.02.1996

2. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 01.07.2017, с изм. от 16.11.2017) / Российская газета, № 104, 02.06.1998

3. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 28.03.1998 N 52-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016 / Электронный ресурс – Режим доступа: <https://giod.consultant.ru/documents/1105579>.

4. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 05.12.2017) / Парламентская газета, № 7, 11-17.02.2011

5. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 31.12.2017) / Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4472

6. О Следственном комитете Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 31.12.2017) / Российская газета, № 296, 30.12.2010

7. О таможенном регулировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ (ред. от 29.12.2017) / Собрание законодательства РФ, 29.11.2010, № 48, ст. 6252

8. О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи: Федеральный закон от 12.02.2001 № 12-ФЗ / Электронный ресурс – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30387/#dst100013

9. О судебных приставах: Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ (ред. от 29.12.2017) / Российская газета, № 149, 05.08.1997

10. О внешней разведке: Федеральный закон от 10.01.1996 № 5-ФЗ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8842/#dst6

11. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6425/#dst7

12. О пожарной безопасности: Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ (ред. от 29.07.2017) / Российская газета, № 3, 05.01.1995

13. О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2012 № 283-ФЗ (ред. от 05.12.2016, с изм. от 19.12.2016) / Российская газета, № 3, 11.01.2013

14. О Счетной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 07.02.2017) / Собрание законодательства РФ, 08.04.2013, № 14, ст. 1649

15. О налоговых органах Российской Федерации: Закон РФ от 21.03.1991 № 943-1 (ред. от 03.07.2016) / Бюллетень нормативных актов, № 1, 1992.

16. Игнатьев, К.М. Понятие обязательного государственного страхования [Текст] / К. М. Игнатьев. //Юрист, 2015. - № 21. - С. 15 - 18

17. Молчанов А.А., Шубников Ю.Б. Обязательное государственное страхование жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та МВД России, 2012, № 2. - С. 86-89.

18. Тордия И.В., Капаров М.М. Особенности обязательного государственного страхования жизни и здоровья государственных служащих: анализ некоторых положений федерального закона № 52-ФЗ // Вопросы современной юриспруденции // Сб. ст. по матер. LIV-LV междунар. науч.-практ. конф. № 10-11. – Новосибирск: СибАК, 2015.

CAUSALITY THEORY AS A SYSTEM OF CONCEPTS

Korma V.

PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Criminalistics at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ТЕОРИЯ ПРИЧИННОСТИ КАК СИСТЕМА ПОНЯТИЙ

Корма В.Д.

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Abstract

The article deals with the theory of causality, which is a system of education in which each concept an element of this system. This approach is justified because there certain links between the elements of the community that are a sign of the system. Substantiates the relationship of causality with the subjects of criminal law, criminal procedure law and criminology, provides definitions of the main concepts of causality, shows trends in the investigating the cognition of causality in the investigation of crimes.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы теории причинности, представляющей собой системное образование, в котором каждое понятие выступает элементом этой системы. Такой подход оправдан, поскольку между элементами данной общности существуют определенные связи, которые выступают признаком системы. Обосновывается взаимосвязь причинности с предметами уголовного права, уголовно процессуального права и криминалистики, даются определения основных понятий причинности, показаны тенденции, характеризующие следственное познание причинно-следственных связей при расследовании преступлений.

Keywords: causality, cause, consequence, subject of criminology, investigative knowledge of causation in the investigation of crimes.

Ключевые слова: причинность, причина, следствие, предмет криминалистики, следственное познание причинно-следственной связи при расследовании преступлений.

Исследование теории причинности в России можно отнести к относительно новому направлению научных изысканий, многие вопросы которого остаются до сих пор не решенными. Справедливо ради следует отметить, что в последнее десятилетие в правовой и криминалистической литературе получили повышенную активность научные исследования проблем в данном направлении. Практически в каждой работе большое внимание уделяется философскому понятию причинности. И это правильно, поскольку философская категория

причинности обладает высокой степенью теоретической абстракции, отражает знание о причинной обусловленности явлений, процессов и представляет форму мыслительной деятельности, посредством которой уясняется эта связь. Однако в последнее время интерес к проблеме причинности в философской литературе в целом снизился. На первое место выходят вопросы синергетики, исследования спонтанно происходящих процессов, детерминированного хаоса и пр. Причинность как фундаментальное понятие высокой абстракции до сих

пор не имеет своего однозначного решения в философии.¹ Это важный момент для изучения причинности в конкретных отраслях знания.

Причинность в философии зачастую определяется как генетическая связь между определенными состояниями отдельных видов и форм материи в процессах ее возникновения, развития, изменения. Философская категория причинности, рассматриваемая в широком смысле слова, аккумулирует следующие понятия: причина, условие, следствие (результат), связь между причиной и следствием (условием и следствием), обратная связь между следствием и причинами (условиями). Возникновение любых объектов и систем, изменение их свойств во времени вызвано предшествующими состояниями материи. Эти состояния называют причинами, а вызванные ими изменения — следствиями. Сущностью причинности является порождение одного другим, производство причиной следствия (последствия), т.е. более или менее сложно протекающий процесс причинения.² При этом одна и та же причина в зависимости от условий зачастую влечет разные следствия и, наоборот, одно следствие при разных условиях может порождаться несколькими причинами.³

Несмотря на то, что причинность, будучи философской категорией, употребляется как форма мышления, философия не предложит учения о причинности, которое можно было использовать в конкретных отраслях знания без дополнительной трансформации, специальной модификации с учетом их целей и потребностей изучения исследуемых явлений, событий, процессов в том аспекте, который диктуется предметом соответствующей науки.⁴

Так, исходя из предмета уголовного права, причинность здесь рассматривается как бинарная связь системной причины, одним из необходимых условий которой выступает деяние лица, а следствия в виде негативных изменений в объекте преступления.⁵

Причинность в криминалистике также определяется предметом данной науки. Видится верным рассматривать понятие предмета криминалистики в качестве логико-гносеологической конструкции, состоящей из трех взаимосвязанных частей:

1) объекты, изучаемые в ходе криминалистических научных исследований. Элементами данной системы являются: а) нормы уголовного материального, процессуального и других отраслей права, регулирующие отношения в сфере уголовно-правовой борьбы с преступностью (основные понятия,

задачи, принципы, правила и т.д.); б) иные носители и источники нормативно-правовой информации, имеющей значение для уголовного производства (в частности, для конкретизации познавательных задач, определения средств и методов их решения); в) криминальная, оперативно-розыскная, следственная, судебно-экспертная, прокурорская, судебная практика по уголовным делам, а в ряде случаев еще и судебная практика по гражданским, арбитражным и административным делам; г) положения, достижения, знания в области философии (в теории отражения, гносеологии, в учении о человеческой деятельности и т.д.), юридической науки, естественных, технических и других наук, а также опыт реализации научных разработок в различных сферах социальной практики не юридического профиля. Иначе говоря, речь идет, во-первых, о носителях и источниках (законах, подзаконных актах, сведущих лицах, документах и т.д.) нормативно-правовой, научно-технической и иной социальной информации, имеющей значение для уголовно-правового противодействия преступности; во-вторых, о фактической (отражательной, следовой) уголовно-релевантной доказательственной и ориентирующей информации;

2) промежуточные результаты изучения указанных объектов. Они подразделяются на две группы: а) знание закономерностей происхождения, движения, поиска, интерпретации, трансформации, адаптации нормативно-правовой, научной и иной социальной информации и использование ее в научно-исследовательских целях и в антикриминальной практике правоохранительных органов; б) знание закономерностей возникновения, собирания, проверки фактической уголовно-релевантной информации, вовлечения этой информации и ее носителей в сферу досудебного уголовного производства и использования их в качестве судебных доказательств;

3) разрабатываемые в рамках конструктивной функции криминалистики на основе знания указанных видов закономерностей принципы, методы и технологии решения задач⁶.

Исследование проблемы причинности в материально-правовом и уголовно-процессуальном аспектах создают необходимые предпосылки для криминалистического изучения категории причины и следствия. Однако цели, которые ставят перед собой эти науки, несколько различаются.

Так, в если в уголовно-процессуальной науке основное внимание уделяется определению подлежащих доказыванию юридически значимых при-

¹ См.: Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы. Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2014. С. 18-19.

² См.: Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М.: Юрид. лит., 1968. С. 23; Кузнецов И.В. Категория причинности и ее познавательное значение // Теория познания и современная наука. М., 1967. С. 3.

³ См.: Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Академия наук СССР, 1955. С. 29.

⁴ См.: Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С. 80.

⁵ Соктоев З.Б. Указ. соч. С. 16.

⁶ Подробней об этом, см.: Корма В.Д., Образцов В.А. О совершенствовании парадигмы криминалистики как теории здравого смысла // Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития: коллект. монография /отв. ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2016. С. 30-43.

знаков причинной связи, то в криминалистике специалисты ставят своей целью исследование ситуационных признаков явлений, позволяющих сделать вывод о наличии или отсутствии причинной связи, раскрыть процесс отражения, позволяющего проследить причинную обусловленность и зависимость результата отражения исследуемого явления от отражаемого объекта (преступления и иного общественно опасного деяния со всеми его внутренними и внешними связями, имеющими значение для процесса доказывания).⁷

Из вышеизложенного видно, что в криминалистическом смысле понятие преступного результата шире по объему объема правового понятия того же явления, поскольку охватывает не только негативные последствия, предусмотренные законом, но и изменения (следы), образующиеся при подготовке, совершении и сокрытии преступного деяния и его последствий, используемые для выявления и расследования преступлений, установления участников и обстоятельств других исследуемых по уголовным делам событий. Специфика криминалистической теории причинности определяется своеобразием ее объекта. Как представляется, это механизм общественно опасного поведения (деятельности), содержащего признаки преступления, и содержательная сторона процесса его отражения и установления. Предмет криминалистической теории причинности можно определить как систему данных о закономерностях действия механизма общественно опасного поведения (деятельности).

Прикладное значение криминалистической науки при исследовании проблемы причинно-следственных связей состоит в разработке адресуемых практике следователей, дознавателей, оперативных сотрудников органов дознания рекомендаций, средств, методов, методик, технологий, применение которых способствует оптимизации процесса практического доказательственного распознавания причин и условий тех событий, которые являются предметом уголовно-процессуального познания. Иначе говоря, проблема лежит в плоскости научного обеспечения практики эффективным инструментарием, способствующим быстрому, результативному обнаружению источников соответствующей доказательственной и ориентирующей информации о причинах исследуемых в уголовном производстве событий, овладению этой информацией, ее анализу, оценке, использованию при выявлении, раскрытии, предупреждении преступлений и других общественно опасных явлений.

Важное по значимости место в круге такого рода явлений занимают общественно опасные деяния (и общественно опасные последствия таких деяний), которые хотя и содержат определенные при-

знаки преступления, но таковыми все же не являются. В первую очередь имеются в виду такие, причинившие вред общественным отношениям общественно опасные деяния, которые совершаются: 1) лицами, признанными невменяемыми; 2) причинителями вреда, которые не достигли установленного законом возраста, позволяющего нести ответственность уголовно-правового характера.

С точки зрения целей научной и практической криминалистики, причины общественно опасных происшествий⁸ могут подразделяться: 1) по характеру воздействия на следствие (результат) - на непосредственные (ближайшие) и основные (опосредствованные); 2) по степени сложности внутренней структуры - на простые, объясняющие единственный интересующий исследователя факт, обстоятельство и сложные причины, объясняющие группу фактов, обстоятельств; 3) по субъективно-объективному фактору - на связанные с лицом, совершившим общественно опасное деяние, и существующие независимо от него; 4) по детерминантному фактору - на существенные и несущественные; 5) по связи со следствием - на необходимые и случайные; 6) в зависимости от ситуационно обусловленных условий их установления - на простые и сложные (прежде всего в условиях противодействия расследованию со стороны виновных и иных лиц); 7) по целевому назначению: пространственно-временные и нормативные; 8) по характеру информации, положенной в основу причин - на конкретные и типичные.⁹

Специального рассмотрения, в силу его большой научной и практической значимости, заслуживает деление причин на внутренние и внешние. Как правильно отмечается в литературе, в структуре поведения (деятельности) конкретного лица взаимодействуют друг с другом внутренние и внешние действия.

Последствия чаще всего, будучи исходным этапом криминалистического исследования, непосредственно порождаются внешними действиями субъекта. Последние, в свою очередь, вызываются системой внутренних действий (установка, мотив, цель) и обусловлены множеством факторов (условий) внешнего порядка. Порождаемый установкой, мотив служит побудительной причиной действий.

Выделение внутренней и внешней фаз развития действия как фаз развития причинной связи имеет важное значение для анализа и разрешения проблемы структуры причинности по уголовным делам. Отсюда вывод об ошибочности и недопустимости подхода к деятельности субъекта, якобы являющейся элементарной, не требующей глубокого анализа ее внутренней структуры и фаз развития причинности. При осуществлении данного анализа должны быть поставлены и разрешаться две

⁷ См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. С. 511.

⁸ Причины общественно опасных происшествий с позиции криминалистики, как представляется, - это совокупность необходимых, закономерно возникающих, юридически значимых, ситуационных признаков явлений, раскрывающие зависимость результата отражения -

«отпечатка» исследуемого явления от отражаемого объекта - происшествия, в процессе наступления общественно опасного последствия.

⁹ Подробней об этом, см., например: Курмансеитова Э.М. Криминалистические основы установления причин общественно опасных происшествий. Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 66-76.

группы вопросов: 1) является ли внутренняя деятельность человека причиной его внешней деятельности и в какой мере согласованы, адекватны внутренняя и внешняя деятельность; 2) является ли внешняя деятельность человека причиной наступивших последствий.¹⁰

Необходимым условием использования принципа причинности для познания механизма исследуемого события становится правильное понимание значения причинно-следственных связей лишь как частицы универсальной связи, ибо причинность не охватывает собой всего многообразия объективных связей действительности. Исследуя особенности проявления диалектических категорий причины и следствия в криминальной и антикриминальной практике, криминалистическая теория причинности способствует разработке системы практических рекомендаций по установлению участников, механизма, причин исследуемого события и других обстоятельств дела. Эти рекомендации опираются на определенные познавательные процедуры и операции, которые, поскольку речь идет о процессе доказывания, направлены на исследование единичных причинных связей. Практика таких исследований служит основой для обобщений разного уровня и формулирования основных положений рассматриваемой криминалистической теории, относящихся уже к общим причинам и к общим следствиям. Однако зависимость между этими общими причинами и общими следствиями носит не абсолютный, безусловно, достоверный, а вероятный характер. Знание общих причин и общих следствий служит исходным пунктом при установлении единичной причинной связи в том или ином случае.

Механизм причинения предполагает движение и отражение материи от причины к следствию, т.е. от явления класса причины к тому явлению, которое обусловлено, вызвано, порождено причиной, является результатом, следствием ее действия. Однако процесс следственного познания¹¹ причинно-следственной цепочки идет в прямо противоположном направлении от известного следствия к неизвестной причине (метод обратного причинного следования). В данном случае в роли причины выступают ненаблюдаемые (отражаемые) объекты, а следствия – наблюдаемые (отражающие) объекты.

В следственной практике механизм получения знания о первой группе объектов и перехода к овладению знанием о второй группе объектов невозможен без включения в этот процесс механизма построения и проверки следственных версий. Как логическая конструкция, следственная версия представляет собой мысленный образ (идеальную

модель), соединяющий в одно целое то, что известно, и то, что неизвестно, что предстоит познать. Поэтому криминалистическая модель процесса развития механизма следственного познания ненаблюдаемых событий, явлений и других объектов включает в себя три этапа.

Первый – этап создания предпосылок (оснований) для построения версий. Он состоит из изучения, анализа, синтеза, оценки, мысленной переработки имеющихся фактических данных, определения характера и круга объектов, являющихся предметом распознавания.

Второй – этап построения, изучения версий по поводу сущности, структуры, содержания ненаблюдаемых объектов и выведения адекватных ситуаций следствий, вытекающих из версий, разработки программы проверки следствий.

Третий – этап реализации программы проверки следствий путем производства намеченных процессуальных предметно-практических следственных действий.

Оптимальной формой следственного познания чувственно не воспринимаемых признаков наблюдаемого объекта является тактическая операция, или, иначе, тактический комплекс связанных внутренним единством следственных и иных действий. Проиллюстрировать это можно на примере расследования преступлений, повлекших массовые пищевые отравления. Тактические операции, проводимые по данной категории дел, можно разделить на три группы.

Первая группа операций нацелена на получение знания о характеристике обнаруженных заболеваний как явлений класса последствий (следствий), обусловленных действием устанавливаемых по делу причин.

Во вторую группу входят операции, направленные на следственное познание непосредственных причин отравлений, т.е. причин в биологическом смысле. (Иначе говоря, факторов, непосредственное воздействие которых на организм потерпевших обусловило возникновение заболевания). Роль данного вида причин играют недоброкачественные пищевые продукты, употребленные потерпевшими, а также содержащийся в пище возбудитель (поражающий агент) заболеваний.

Третья группа операций производится для следственного познания основной, с правовой точки зрения, причины, т.е. действий или бездействия нарушителей санитарно-эпидемиологических и иных норм и правил, что, в конечном счете, и привело к вспышке отравлений.

¹⁰ См., например: Вещественные доказательства. Информационные технологии процессуального доказывания / под общ. ред. В.Я. Колдина. М.: НОРМА, 2002. С. 59-60.

¹¹ Следственное познание – это, осуществляемая в режиме уголовно-процессуального доказывания поисково-познавательная деятельность следователя, направленная на мысленное реконструирование (воссоздание) юридически значимых обстоятельств и участников подготавли-

ваемого, совершаемого или совершённого деяния с признаками преступления путем обнаружения, фиксации и исследования материальных носителей уголовно-релевантной информации, получения, анализа, проверки, оценки данной информации, преобразования ее в доказательства и использования их в целях установления истины и принятия законных, обоснованных, справедливых правовых и организационно-тактических решений в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования

Раскрытию содержания исследуемой причинно-следственной цепочки способствует построение и проверка типичных версий, характерных для рассматриваемой категории дел. Оптимизации этих процедур способствуют научно обобщенные данные о закономерных связях между отдельными видами отравлений и характерными для них проявлениями (симптомами); а также между непосредственными и основными причинами отравлений. (Знания об отмеченных закономерностях содержатся в специальных медицинских и криминалистических источниках).¹²

Таким образом, осуществляемая по делам указанной категории мыслительная и предметно-практическая деятельность следователей развивается от собранных фактических данных об обстоятельствах возникших отравлений к распознаванию непосредственной причины произошедшего, а от нее к распознаванию основной его причины.

Необходимым элементом системы средств распознавания основной причины отравлений является информация, содержащаяся в законах и ведомственных нормативных актах, регулирующих отношения в сфере производства, хранения, переработки, транспортировки и выпуска пищевой продукции (в частности, Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О качестве и безопасности пищевых продуктов»). Полученные при изучении этих источников знания о том, каким образом должна осуществляться соответствующая профессиональная деятельность, позволяют (на основе сравнения их с тем, какая и каким образом такая работа выполнялась в действительности) выявить допущенные отступления от нормативных требований, установить круг и распознать виновных нарушителей соответствующих правил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001.

УДК 343.9:343.35

THE ROLE OF INSTITUTIONS OF CIVIL SOCIETY IN PREVENTION OF CORRUPTION

Golovkin B.

*Doctor of Juridical Science, professor,
Head of department of criminology and penitentiary law,
Yaroslav Mudryi National Law University
Kharkov, Ukraine*

Novikov O.

*Candidate of Juridical Science,
Assistant of department of criminology and penitentiary law,
Yaroslav Mudryi National Law University
Kharkov, Ukraine*

¹² См., например: Будагян Ф.Е. Пищевые токсины, токсикоинфекции и их профилактика. М.: Медицина, 1972; Богоявленский В.Ф., Богоявленский И.Ф. Острые отравления. Диагностика и доврачебная помощь. СПб.: Гиппократ, 1999; Кротков Е.А. Философско-методологические

2. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.

3. Богоявленский В.Ф., Богоявленский И.Ф. Острые отравления. Диагностика и доврачебная помощь. СПб.: Гиппократ, 1999.

4. Будагян Ф.Е. Пищевые токсины, токсикоинфекции и их профилактика. М.: Медицина, 1972.

5. Вещественные доказательства. Информационные технологии процессуального доказывания /под общ. ред. В.Я. Колдина. М.: НОРМА, 2002.

6. Корма В.Д., Образцов В.А. О совершенствовании парадигмы криминалистики как теории здравого смысла //Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития: коллект. монография /отв. ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2016. С. 30-43.

7. Кротков Е.А. Философско-методологические и логические основания общей теории врачебной диагностики. Автореферат дис. ...д-ра философ. наук. М., 1993.

8. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М.: Юридическая литература, 1968.

9. Кузнецов И.В. Категории причинности и её познавательное значение //Теория познания и современная наука. М., 1967. С. 2-7.

10. Куранова Э.Д., Образцов В.А. Расследование преступлений, повлекших пищевые отравления. М., 1976.

11. Курмансеитова Э.М. Криминалистические основы установления причин общественно опасных происшествий. Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2008.

12. Образцов В.А. Безопасность пищевой продукции. Руководство для следователей. М.: Экзамен, 2005.

13. Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы. Автореферат дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2014.

14. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Академия наук СССР, 1955.

и логические основания общей теории врачебной диагностики. Автореферат дис. ...д-ра философ. наук. М., 1993; Куранова Э.Д., Образцов В.А. Расследование преступлений, повлекших пищевые отравления. М., 1976.; Образцов В.А. Безопасность пищевой продукции. Руководство для следователей. М.: Экзамен, 2005.

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ КОРРУПЦИИ

Головкин Б. Н.

*Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
криминологии и уголовно-исполнительного права,
Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого
г. Харьков, Украина*

Новиков О. В.

*Кандидат юридических наук, ассистент кафедры
криминологии и уголовно-исполнительного права,
Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого
г. Харьков, Украина*

Abstract

This article considers the main aspects of the anti-corruption activity of the civil society organizations. The author indicates the directions and prospects for further development of the participation of civil society institutions in the prevention of corruption.

Аннотация

В статье рассматриваются основные положения антикоррупционной деятельности институтов гражданского общества. Автором указываются направления и перспективы дальнейшего развития участия институтов гражданского общества в предотвращении коррупции.

Keywords: civil society institutions; corruption; prevention of corruption.

Ключевые слова: институты гражданского общества; коррупция; предотвращение коррупции.

Постановка проблемы. В современном мире укоренилась практика участия институтов гражданского общества в различных сферах жизнедеятельности: экономической, духовной, социальной и политической. Особенно это касается последней. На сегодняшний день гражданское общество активно принимает участие в проведении и реализации различных реформ. Одним из ключевых направлений такого участия является сфера предотвращения коррупции. Про обязательность участия гражданского общества в предотвращении коррупции говорится и в таком ключевом международном акте как Конвенция ООН против коррупции. Стоит отметить, что лишь в немногих странах из числа бывших советских республик применяется практика привлечения гражданского общества в процесс реформ. Вопрос об участии институтов гражданского общества в предотвращении коррупции рассматривался в работах различных отечественных и зарубежных ученых. Все они отмечали важность такого участия, но никем четко не была сформулирована конкретная роль институтов гражданского общества в предотвращении коррупции. Вышеописанные аспекты свидетельствуют об актуализации данного вопроса, что, в свою очередь, способствовало выбору тематики данной статьи.

Анализ последних исследований и публикаций. Данные исследований международных неправительственных организаций свидетельствуют о том, что коррупция продолжает оставаться одной из основных угроз национальной безопасности и политической стабильности, утверждению верховенства права в различных странах мира. Об этом же свидетельствуют и мировые форумы, посвященные проблеме коррупции (например, 13-й Конгресс ООН по предупреждению преступности, который,

в частности, касался проблемы предотвращения коррупции). Как видим, проблематика коррупции является широко распространенной для всего мира.

Целью статьи является выяснение роли институтов гражданского общества в предотвращении коррупции.

Изложение основного материала. Обратим внимание, что под институтами гражданского общества мы будем понимать организованные так или иначе объединения граждан, действия которых направлены на реализацию каких-либо целей и задач, на разрешение собственных, общих для групп проблем (в нашем случае – предотвращение коррупции). Чаще всего сегодня это общественные движения, неправительственные организации, еще неорганизованные, но уже объединившиеся неформально для консолидированных коллективных действий граждане – такие группы называют гражданскими инициативами, а также структуры, их объединяющие, например, сетевые общенациональные или региональные неправительственные организации, общественные палаты, комитеты и т.п. [1].

Благополучие любой страны мира зависит от устойчивости темпов экономического развития. Поэтому стремление к стабильности связано с постоянным мониторингом рисков, которые наносят ущерб и препятствуют достижению поставленной цели. В этом отношении, одним из основных негативных факторов является мошенничество и коррупция. Борьба с коррупцией является системным процессом, в который вовлечены государство, его органы управления, бизнес-сообщество, общественные организации, юридические и физические лица. Причем институтам гражданского общества в этом отношении отводится особая роль [2].

Как указывалось ранее, Конвенция ООН против коррупции от 31 ноября 2003 года вобрала в себя все имеющиеся к тому времени подходы к предотвращению коррупции. Целями Конвенции, согласно ст. 1, являются: содействие принятию и усилению мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней; поощрение, содействие и поддержка международного сотрудничества и технической помощи в предотвращении коррупции и в борьбе с ней, в частности, в возвращении активов; поощрение честности, ответственности и надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом [3]. Наиболее интересной для нас является ст. 13 Конвенции, где предусмотрено участие гражданского общества в предотвращении коррупции. В ней говорится, что каждое государство принимает надлежащие меры, в пределах своих возможностей и в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства, для содействия активному участию отдельных лиц и групп за пределами государственного сектора таких, как гражданское общество, неправительственные организации и организации, функционирующие на базе общин, в предупреждении коррупции и борьбе с ней и для углубления понимания обществом факта существования, причине опасного характера коррупции, а также угроз, создаваемых ею. Такое участие следует укреплять с помощью:

- усиления прозрачности и содействия вовлечению населения в процессы принятия решений;
- обеспечения населения эффективным доступа к информации;
- принятия мер по информированию населения, способствующих созданию атмосферы неприятия коррупции, а также реализация программ государственного образования, в том числе учебных программ в школах и университетах;
- уважения, поощрения и защиты свободы поиска, получения, опубликования и распространения информации о коррупции. Могут устанавливаться определенные ограничения этой свободы, но только предусмотренные законом и которые необходимы: а) для уважения прав или репутации других лиц; б) для защиты национальной безопасности, или публичного порядка, или охраны здоровья или нравственности населения [3].

Каждое государство должно принимать надлежащие меры для обеспечения того, чтобы соответствующие органы по предупреждению коррупции были известны населению, и обеспечивать доступ к таким органам для предоставления им сообщений, в том числе анонимно, о любых случаях, которые могут рассматриваться как коррупционные преступления.

Также следует обратить внимание на ст. 39 Конвенции ООН против коррупции, где подчеркивается необходимость сотрудничества между национальными органами и частным сектором: каждое государство-участник принимает такие меры, которые могут потребоваться для поощрения, в соответствии с его внутренним законодательством, сотрудничества между национальными следственными

органами и органами прокуратуры и организациями частного сектора, в частности финансовыми учреждениями, по вопросам совершения коррупционных преступлений, а также своих граждан и других лиц, обычно проживающих на ее территории, сообщать национальным следственным органам и органам прокуратуры о совершении какого-либо коррупционного преступления [3]. В соответствии с этими положениями, многие страны закрепили в своем национальном законодательстве нормы об участии гражданского общества в предупреждении коррупции.

Учитывая указанные положения Конвенции ООН против коррупции, потенциал институтов гражданского общества может быть реализован в следующих направлениях: 1) формирование и реализация антикоррупционной политики государства; 2) общественный контроль над выполнением законодательных норм о предотвращении коррупции; 3) проведение различного рода научных исследований в сфере предотвращения коррупции; 4) осуществление просветительской работы среди населения страны.

Направление *формирования и реализации антикоррупционной политики* государства является приоритетным для всех участников этого процесса: различных государственных органов (парламент, правительство, публичный сектор, органы судебной власти, правоохранительные органы и т.д.), политических партий, гражданского общества, СМИ и бизнеса. Если эти субъекты будут функционировать должным образом, они образуют здоровую и устойчивую национальную систему, которая будет направлена на эффективное преодоление коррупции в рамках более широкой борьбы против злоупотребления властью, должностных преступлений и незаконного присвоения во всех его формах. Однако если эти субъекты будут действовать хаотично, без должного взаимодействия и взаимопонимания, коррупция будет распространяться и оказывать свое негативное влияние на сферы общественной жизни [4].

Привлечение институтов гражданского общества в процесс формирования и реализации антикоррупционной политики государства является необходимой мерой для необратимости антикоррупционной реформы. Давление со стороны гражданского общества обеспечит необходимый темп реформ. Стоит отметить, что при отсутствии у власти аналитических центров (так называемых «think tanks»), институты гражданского общества могут производить независимые и взвешенные аналитические материалы, идеи, концепции для надлежащей имплементации реформ и решения повседневных задач.

Как правило, участие институтов гражданского общества в разработке антикоррупционных стратегий и/или государственных стратегий в сфере предотвращения коррупции реализуется путем проведения следующих мероприятий:

- обнародования проектов актов для обсуждения;

- проведение консультаций с гражданским обществом и бизнесом;
- создание рабочих групп с участием экспертов от гражданского общества и бизнеса;
- анализ результатов обращений граждан и сообщений, которые направляются в государственные органы / органов местного самоуправления, в частности через «горячие линии», электронную почту;
- учет исследований, отчетов, рекомендаций институтов гражданского общества и бизнеса;
- мониторинга имплементации антикоррупционной стратегии и государственной программы / плана мероприятий;
- разработки, участия в реализации и мониторинга выполнения секторальных/ведомственных антикоррупционных программ [5].

Отдельно следует сказать про так называемые «адвокационные кампании» институтов гражданского общества. В сравнении с прошлыми годами, сегодня их эффективность значительно выросла. В частности, увеличилась активность в медиа пространстве, взаимодействие отдельных общественных антикоррупционных организаций с финансовыми донорами. Именно с помощью давления со стороны международных финансовых учреждений, неправительственным организациям удается достигать позитивных результатов в антикоррупционных реформах.

Гражданское общество активно привлекается к принятию решений в сфере предотвращения коррупции, однако успехи такого привлечения могут ограничиваться из-за неэффективности нормативного регулирования процессов общественных консультаций, необязательности рассмотрения обращений, рекомендаций и докладов институтов гражданского общества. Правительственные механизмы консультаций с общественностью остаются формальными и не выполняются в должной мере представителями власти. Также отмечается, что органы власти не заинтересованы во взаимодействии с гражданским сектором. Различные исследования подтверждают наличие таких препятствий на пути эффективного участия гражданского общества в формировании и реализации антикоррупционной политики: недостаточность финансирования, отсутствие должной политической культуры, политическая (или коммерческая) ангажированность представителей власти и их неумение работать с ответственностью [5].

Следующим направлением деятельности институтов гражданского общества является *общественный контроль над выполнением законодательных норм о предотвращении коррупции*. Данное направление преимущественно реализуется с помощью мониторинга информации, разоблачения случаев коррупционных правонарушений среди представителей власти. Особую роль в этом контексте играют так называемые «разоблачители» (whistleblowers). Экспертами неправительственных организаций указывается, что изобличать корруп-

цию – полезно и необходимо. В мире есть много ситуаций, когда сотрудники или должностные лица знали о проблемах или нарушениях, но не сообщали о них, потому что боялись за свою жизнь, здоровье, должность, ведь не было никаких гарантий безопасности для них [6].

Для современной юриспруденции защита разоблачителей является новеллой, которая преимущественно обсуждается именно в контексте проведения антикоррупционных реформ. Под разоблачением преимущественно понимают уведомления со стороны работников государственного сектора и частных корпораций незаконных или аморальных действий, которые происходят в их организациях, лицам или организациям, которые могут это остановить. Но следует заметить, что отношение к таким разоблачителям в странах бывших советских республик часто является уголовно субкультурным – любое информирование и контакты с правоохранительными органами не одобряются.

Можно утверждать, что сегодня разоблачители получили широкое признание со стороны гражданского общества. На сегодняшний день уже накоплен опыт, инструменты и процедуры их защиты, которые можно назвать лучшими. В частности, среди надежных гарантий защиты разоблачителей являются:

- обеспечение анонимности лицам, которые сообщают о правонарушениях в учреждении, организации;
- создание надежных каналов, через которые разоблачители могут делать раскрытия;
- создание специального досудебного механизма по защите прав разоблачителей;
- обеспечение защиты от репрессий на рабочем месте;
- освобождение от юридической ответственности за раскрытие информации;
- установление права сообщать общественно-необходимую информацию в СМИ, неправительственным организациям, парламентские комитеты или комиссии и др.;
- установление социальных гарантий при увольнении;
- материальное вознаграждение и др.

Последним временем, большое количество исследований в сфере предотвращения коррупции проводится именно институтами гражданского общества. Так, например, существует Международная сеть антикоррупционных исследований (Anti-Corruption Research Network), которая является крупнейшим в мире неформальным объединением экспертов, социологов, юристов и культурологов, занимающихся исследованием коррупции. Среди авторов этой сети – признанные эксперты в своих областях из различных стран мира, сотрудники крупнейших международных исследовательских центров и университетов [7].

Стоит также отметить и ежегодное исследование неправительственной организации Transparency International «Индекс восприятия кор-

рупции» – показатель, который составляется с целью отражения оценки уровня восприятия коррупции аналитиками и предпринимателями по стабильной шкале. В рамках индекса коррупция определяется как любые злоупотребления служебным положением в целях личной выгоды. Ориентацию на экспертные опросы инициаторы проекта объясняют тем, что при измерении коррупции статистические данные, например, число уголовных дел или судебных приговоров по фактам коррупции, как правило, «не работают». Эти данные, во-первых, не всегда доступны, а во-вторых, отражают не столько реальный уровень коррупции, сколько эффективность работы правоохранительных органов по выявлению и пресечению фактов коррупции. В этой ситуации единственным надёжным источником информации, по мнению исследователей, выступают мнения и свидетельства тех, кто непосредственно сталкивается с коррупцией (предприниматели) или профессионально занимается её изучением (аналитики, учёные и др.) [8]. Таким образом, только комплексное использование прямых и непрямых методов оценки состояния коррупции может показать наиболее достоверный уровень коррупции в стране [9, с. 225].

Последним, но не менее важным направлением является *просветительская работа среди населения*. Данное направление реализуется путем инициирования на разных уровнях кампаний по повышению осведомленности общества и проведение образовательных программ, касающихся негативных последствий коррупции. Сейчас информирования населения по вопросам предотвращения коррупции осуществляется: через веб-сайты общественных антикоррупционных организаций, путем проведения информационных мероприятий («круглых столов», пресс-конференций и т.д.), путем наружной агитации. Институты гражданского общества успешно реализуют свои антикоррупционные кампании, направленные на рост осведомленности населения о негативных последствиях коррупции, что подтверждается уровнем восприятия и отношением к коррупции. Это направление является важным, поскольку главным достоянием демократических государств является укоренение в сознании граждан недопустимости коррупционных действий как личных, так и со стороны других лиц. В результате этого было сформировано традиционно негативное отношение общества к коррупционным проявлениям. Истоками такого состояния являются исторические, правовые, моральные и этические нормы жизни европейских стран, а правовые нормы не столько служат для наказания, сколько для предотвращения и предупреждения подобных преступлений. Главными факторами этого являются прозрачность общества, всестороннее правовое регулирование практически всех сторон жизни, высокий статус, правовая и материальная защищенность государственных служащих. Это и положено в основу системы предотвращения коррупции в демократических странах мира [10].

Выводы. Таким образом, сущность вышеизложенного сводится к следующему: институты гражданского общества играют особую роль в предотвращении коррупции в государстве. Они входят в так называемый «золотой треугольник партнёрства» вместе с органами власти и бизнес-ассоциациями. Конечно, формальный законодательный подход к допуску институтов гражданского общества к предотвращению коррупции, нежелание власти взаимодействовать с ними показывают незрелость взаимоотношений между правительственным и неправительственным секторами. Однако важно отметить, что на практике неправительственные организации, наряду с государственными органами, являются основной движущей силой антикоррупционных реформ. Поэтому, можем говорить о постепенной эволюции роли институтов гражданского общества в предотвращении коррупции. В дальнейшем следует рассмотреть возможность законодательного усиления позиции гражданского общества, преобразования ее в реальный субъект предотвращения коррупции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Халий И. А. Институты гражданского общества в современной России. К методологии изучения. URL : <https://www.civisbook.ru/files/File/Khaliyy.pdf>.
2. Чалдаева Л. А., Киячков А. А. Общественные организации в борьбе с коррупцией: инициативы и направления противодействия. URL : <https://goo.gl/H7sMHS>.
3. Конвенция ООН против коррупции. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml.
4. Исследование. Национальная система добропорядочности Украина – 2015. URL : <https://ti-ukraine.org/research/doslidzhennya-natsionalna-systema-dobrochesnosti-ukrajina-2015>.
5. Альтернативный отчет по оценке эффективности внедрения государственной антикоррупционной политики / [Н. И. Хавронюк, И. Б. Колиушко, В. П. Тимошук и др.]; под общ. ред. Н.И. Хавронюка. – Киев, 2017. – 445 с.
6. О защите обличителей коррупции. URL : <https://biz.nv.ua/experts/kalytenko/o-zashchite-oblichitelej-korruptsii-300233.html>.
7. 22 лучших исследования о природе коррупции на сайте Anti-Corruption Research Network (ACRN). URL : <https://goo.gl/8rukTx>.
8. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. URL : <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info>.
9. Головкин Б. М. Тіньова зовнішня торгівля і корупція на митницях. *Проблеми законності*. 2017. Вип. 139. С. 218–230. URL : <http://plaw.nlu.edu.ua/article/viewFile/115105/112370>.
10. Формирование негативного отношения общества к коррупции. URL : <http://anticorruption.com.ua/formuvannya-negativnogo-stavlennya-susplstva-do-korupcynih-proyavv.html>.

POLITICAL SCIENCES**THE POTENTIAL OF THE KOREAN GAS MARKET IN THE NEW ENERGY POLICY FROM A LONG-TERM PERSPECTIVE****Krapivskiy E.***Professor, Doctor of Geology and Mineralogy, Academician of RAEN,
Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg***Lee Donghee***Engineer, Master of engineering, Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg***Volkova A.***Engineer, Master of engineering, Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg***ПОТЕНЦИАЛ КОРЕЙСКОГО ГАЗОВОГО РЫНКА В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ В НОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ****Крапивский Е.И.***Профессор, доктор геолого-минералогических наук, академик РАЕН,
Санкт-Петербургский горный университет, г. Санкт-Петербург***Ли Донхи***Инженер, магистр, Санкт-Петербургский горный университет, г. Санкт-Петербург***Волкова А. В.***Инженер, магистр, Санкт-Петербургский горный университет, г. Санкт-Петербург***Abstract**

The Republic of Korea is one of the largest importers of natural gas, ranking second in the world in this indicator.

About 85% of all energy used in the Republic of Korea is fossil energy sources-natural gas, oil and coal.

Government The Government of the Republic of Korea announced its intention to replace all coal and nuclear power engineering with renewable and gas energy. This fact demonstrates the need for the development of the gas industry in the Republic of Korea. What is not less than 2.7 times.

Аннотация

Республика Корея является одним из крупнейших импортёров природного газа, занимая 18 место в мире по этому показателю.

Около 63% всей используемой энергии в Республике Корея приходится на ископаемые источники энергии-природный газ, нефть и уголь.

Правительство Республики Кореи объявило о намерении заменить существующие угольные и атомные источники энергии на возобновляемые и газовые ресурсы. Этот факт демонстрирует необходимость развития газовой отрасли в Республике Корея. Прогнозируется, что объем импорта природного газа Республики Корея увеличится не менее чем в 2,7 раза.

Keywords: Liquefied natural gas, Republic of Korea, new energy policy, potential of the natural gas market

Ключевые слова: Сжиженный природный газ (СПГ), Республика Корея, новая энергетическая политика, потенциал газового рынка природного газа.

По состоянию на 2016 год, Республика Корея являлась 18-м крупнейшим потребителем природного газа в мире. В этот год, Республика Корея потребляла около 45 млрд. м³ природного газа. Корея

импортирует газ в виде сжиженного состояния. Республика Корея являлась 2-ым крупнейшим импортером СПГ.

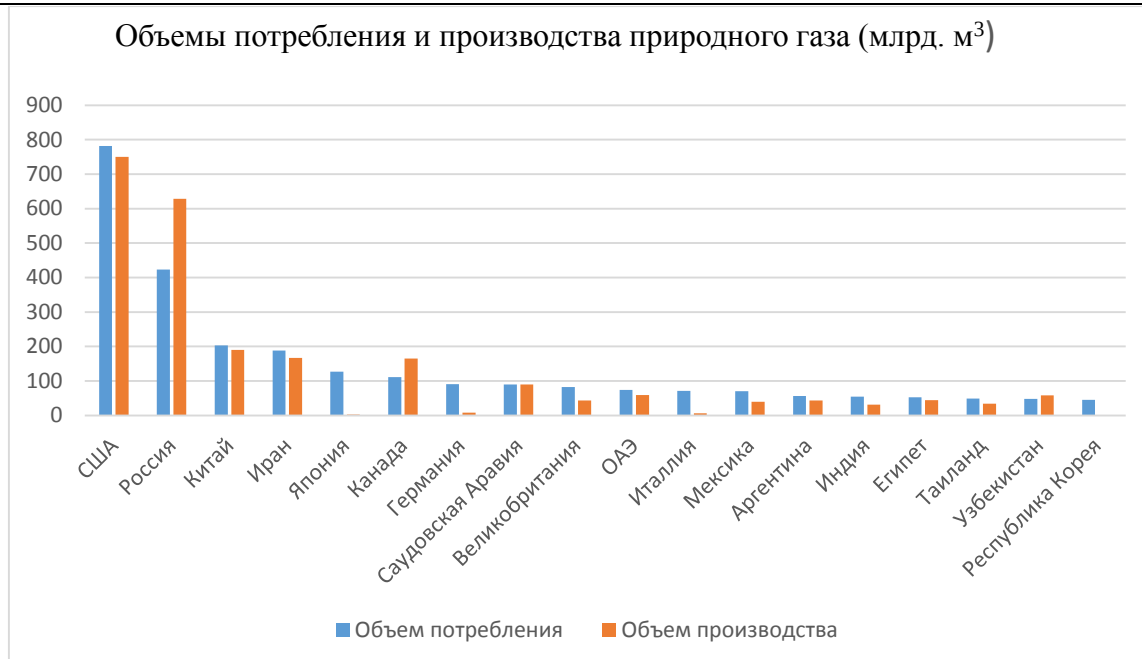


График 1. Объемы потребления и производства природного газа по странам в 2016 г. [1].

Вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что газовый рынок Республики Корея не так привлекателен для экспортеров, как другие страны. Однако, газовый рынок Республики Кореи обладает большими потенциальными возможностями.

График 1 демонстрирует чрезвычайно низкие показатели производства природного газа по отношению к потреблению. В акватории Японского моря, принадлежащей Республике Корея, расположены газовые месторождения Тонхэ-1 и Тонхэ-2. В период с 2004 по 2016 гг. объем добытого природного газа на месторождении Тонхэ-1 составил 4,78 млрд. м³. Работы на месторождении Тонхэ-2 нача-

лись в 2016 году. Запасы природного газа на месторождении Тонхэ-2 составляют всего лишь 2 млрд. Объемы добычи в 2016 году составили 0,15 млрд., что всего лишь 0,3% от объема потребления корейского природного газа. Более того, в ближайшее время добыча газа на этих месторождениях будет завершена. Планируется, что месторождение Тонхэ-1 будет закрыто в декабре 2018 года, а работу на месторождении Тонхэ-2 остановят в июне 2019 года [2]. Корейское Министерство торговли, промышленности и энергетики запустило разведочные работы, однако, перспектива нахождения новых месторождений маловероятна.



График 2. Соотношение объемов потребления и производства в 2016 г. [3].

В ближайшее время, Республика Корея планирует обеспечить себя необходимым объемом природного газа за счет импорта в полном объеме. Объем закупок природного газа Республики не меньше, чем в других странах.

Также, объем импорта природного газа в Республику Корею будет увеличен минимум в 2 раза. Правительство Республики Корея объявило о намерении заменить существующие угольные и атомные электростанции на газовые. Сегодня, загрязнение воздуха в Республике Корея достигло серьезного уровня. В связи с этим, в стране обострилось беспокойство населения об экологической и социальной обстановке. Существуют различные версии о причинах загрязнения воздуха, однако нынешнее правительство считает основным источником загрязнения воздуха-старевшие угольные электростанции.

11 марта 2011 года в результате сильнейшего в истории Японии землетрясения и последовавшего

за ним цунами, произошла крупная радиационная авария на Атомной Электростанции (АЭС) Фукусима-1. Это бедствие вызвало приступы страха и паники не только у японского народа, но и у корейского населения. Это беспокойство было вызвано тем, что участились землетрясения, которые никогда не происходили на Корейском полуострове. С 2016 по 2017 гг. в корейском регионе Кёнсан зарегистрировано 6 случаев землетрясений с магнитудой 5 баллов. В этом районе располагаются 18 действующих АЭС. 12 из них является стареющими с малым оставшимся сроком службы. Учитывая необходимость обеспечить безопасность населения, президент Республики Кореи решительно ведет политику «Уход из атомной энергии» [4].

Угольные и атомные электростанции вырабатывают около 62,9% электричества Республики Кореи.

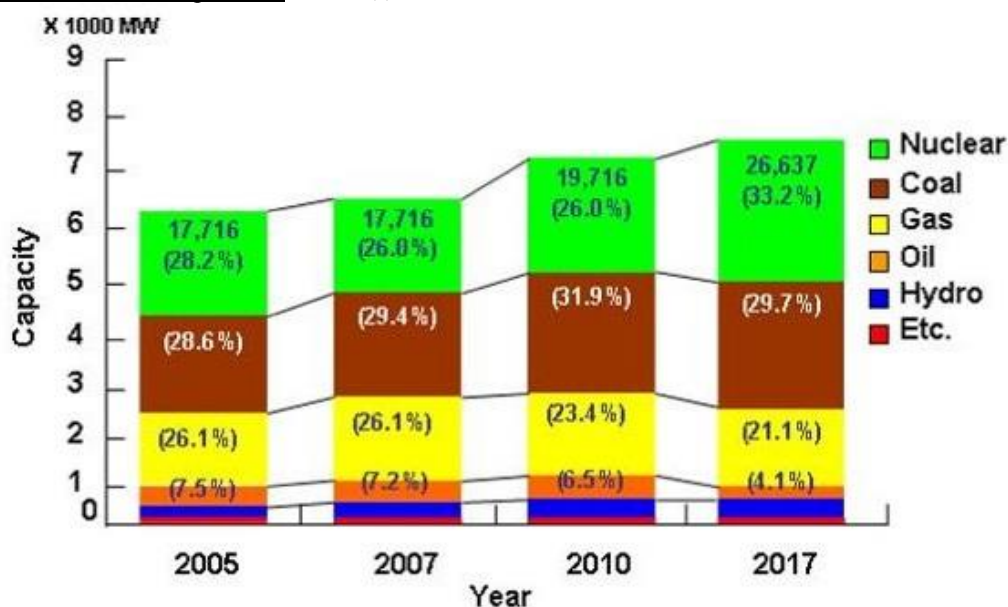


График 3. Состав источников электроэнергии в Республике Корея. [5].

Правительство Республики Корея объявило о намерении заменить существующие угольные и атомные источники энергии на возобновляемые и газовые ресурсы. Корейское правительство проводит энергетическую политику, уделяя особое внимание солнечной и ветровой энергии. Однако, стране придется заменить существующие угольные и атомные электростанции на газовые, так как корейский климат и география не подходят для ветросиловых и солнечных электростанций, к тому же коэффициент полезного действия (КПД) возобновляемых источников энергии очень низок. Даже Германия, один из наиболее успешных примеров развития возобновляемых источников энергии, производит все лишь 11% своей энергии по расчету МЭА. Стабильность производства электроэнергии от возобновляемых ресурсов также низка, поэтому Германия прибегает к импорту электроэнергии из Франции. Несмотря на сопротивление со стороны

США и других государств-членов Европейского Союза, Германия продолжает реализацию проекта «Северный поток» с Россией для импорта природного газа. Все эти факты доказывают, что нетрадиционные возобновляемые энергетические ресурсы не могут сделать серьезного прорыва в экономике. Возобновляемые источники энергии могут лишь дополнять традиционные сырьевые ресурсы, но не в коем случае не смогут их заменить. Этот факт демонстрирует необходимость развития газовой отрасли в Республике Корея. Следовательно, объем импорта природного газа Республики Корея увеличится не менее чем в 2,7 раза.

Предполагается, что все угольные и атомные электростанции в Республике Корея будут заменены газовые, тогда требуемый объем газа составит около 134,7 млрд. м³. Данный объем потребления займет четвертое место по величине потребления газа в мире в 2017 году.

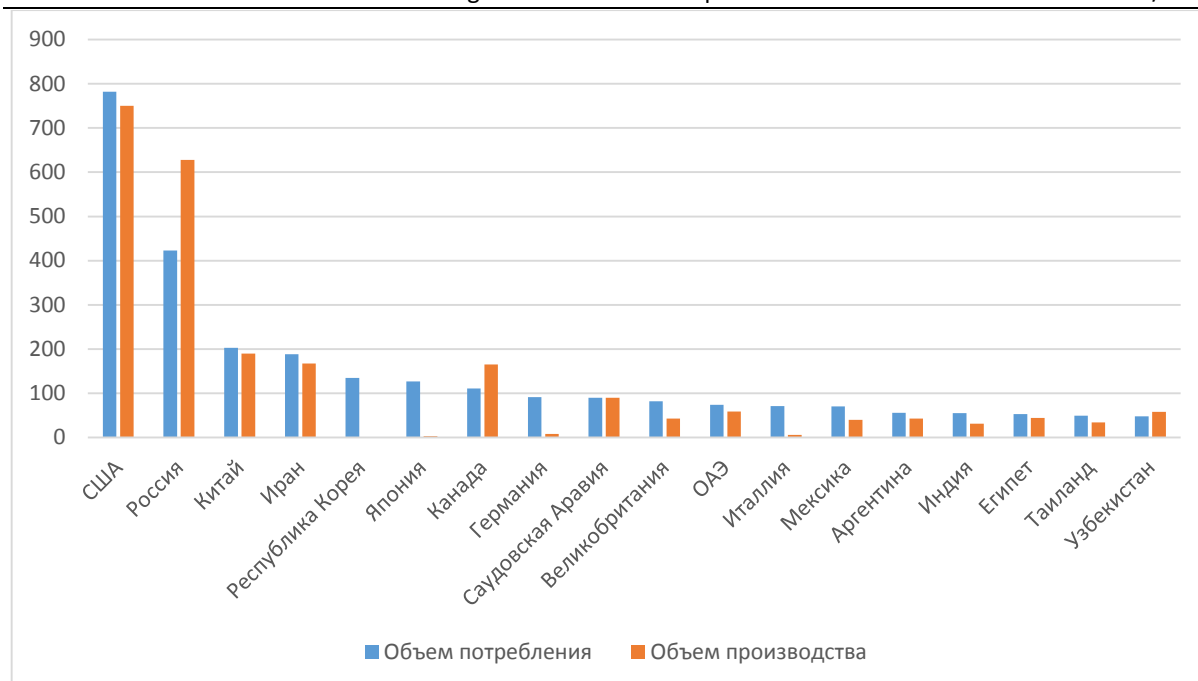


График 4. Объемы потребления и производства природного газа при замене АЭС и УЭС на ГЭС [5].

Таблица 1

Контракты внедрения СПГ «Kogas». [6].

Страна	Проект	Срок контракта	Средний объем ввода (тонн/год)
Индонезия	Bontang	1998-2017	1 000 000
	Donggi Senoro	2015-2028	700 000
Бруней	Brunei LNG	2013-2018	1 000 000
Малайзия	MLNG3	2008-2028	2 000 000
Австралия	North West Shelf	2003-2016	500 000
	GLNG	2015-2035	3 500 000
	Pluto LNG	2014-2017	2 200 000
Катар	RasGas (Train 1,2)	1999-2024	4 920 000
	RasGas (Train 3)	2007-2026	2 100 000
		2013-2033	1 750 000
		2012-2016	1 750 000
Оман	Oman LNG	2000-2024	4 000 000
Йемен	Yemen LNG	2008-2028	2 000 000
Россия	Sakhalin 2	2008-2028	1 500 000
Египет	Egyptian LNG (Train 2)	2008-2016	1 560 000
США	Sabine Pass LNG (Train 3)	2017-2037	3 500 000
Другие поставщики	Shell Eastern Trading	2013-2039	3 640 000
	Shell	2008-2016	1 560 000
	Total	2014-2031	2 000 000
	ENI	2013-2017	1 700 000
Общий счет	-	-	42 880 000

(Красный: Истекший контракт)

В 2018 году заканчивается срок 8 контрактов поставки СПГ в Республику Корею. Поэтому в 2016 году США подписали 20-летний долгосрочный контракт с «Kogas» на поставку СПГ в объеме 3,5 млн. тонн в год, с правом регулирования мест назначения природного газа. Это право позволило «Kogas» перепродать 0,7 млн. тонн СПГ компании «Total». Республика Корея импортирует СПГ из США в объеме 2,8 млн. тонн. Это составляет около 8,84% от общего объема внедрения природного газа Республики Корея в 2017 году. Новая

энергетическая политика Республики Кореи вынуждает дополнительно внедрить около 61,724 млрд природного газа. Следовательно, корейский газовый рынок является перспективным в долгосрочном заключении контрактов.

Корейское министерство индустрии и ресурсов опубликовало документ «Долгосрочный план по спросу и предложению природного газа» [7]. В данном документе были утверждены главные условия для заключения договора поставок природного газа, такие как:

- 1) Стабильная поставка природного газа;

2)Право регулирования объемов поставки природного газа;

3)Возможность регулирования мест назначения природного газа (destination clause).

Кроме того, Корейское правительство сосредоточено на диверсификации маршрутов поставок газа. Начав сотрудничество с Республикой Корея с небольшого объема экспорта газа и гибкими условиями контракта и постепенно увеличивая объемы поставок, можно обеспечить себя большими объемами поставок природного газа на корейский рынок в будущем времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. <https://yearbook.enerdata.net/natural-gas/gas-consumption-data.html> – Мировая энергетическая

статистика. Global Energy Statistical Yearbook. 2017 Enerdata. [1, с. 3], [3, с. 3], [6, с. 7].

2. <http://www.gnetimes.co.kr/news/articleView.html?idxno=39825>. GnE Times. [2, с. 3]

3. The compilation of 18th Korean presidential election pledge: Commitment to the people (p264). Democratic party of Korea. [4, с. 5]

4. Министерство торговли, промышленности и энергетики Республики Корея. [5, с. 5]

5. Sung-hyun Hwang. Analysis report of KOGAS. Eugene Investment Co. Ltd. [6, с. 7]

6. The 12th long-term natural gas supply and demand plan (2015 - 2029). Ministry of Commerce Industry and Energy. [7 с. 8]

7. <http://www.lngplants.com/conversiontables.html>. – LNG vapor conversion tables.

POLITICAL AND LEGAL PROBLEMS OF PARTICIPATION OF THE RUSSIAN YOUTH IN THE COMMUNICATIVE SPHERES OF THE STATE

Ryaboshapko O.

adjunct of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Tishenko N.

adjunct of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Chapurko T.

doctor of political science, candidate of jurisprudence, professor

ПОЛИТИКО – ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОММУНИКАЦИОННЫХ СФЕРАХ ГОСУДАРСТВА

Рябошапко О.Н.

адъюнкт Краснодарского университета МВД России

Тищенко Н.Ю.

адъюнкт Краснодарского университета МВД России

Чапурко Т.М.

доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор

Abstract

The authors of the article suggest that modern political and legal forms of participation of Russian youth in the affairs of society and the state from the standpoint of showing their interest in the realization of their interests be considered.

Аннотация

Авторы статьи предлагают к осмыслению современные политико-правовые формы участия российской молодежи в делах общества и государства с позиций проявления своей заинтересованности в реализации их интересов.

Keywords: youth, society, state, communications

Ключевые слова: молодежь, общество, государство, коммуникации

В современных демократических условиях среди множества инструментов участия граждан в управлении делами общества и государства весьма важное место занимают общественные комментарии по проектам разрабатываемых законов и многих других нормативных актов, так как привлечение граждан к процессам нормотворчества рассматривается как инструмент делиберативной (англ. - *сoвещательной*) демократии [1].

В рамках осуществления современной «цифровизации» страны необходим публичный разговор власти и населения об объективно существующих вызовах развития и о необходимости сотрудничества в создании определенных политик, отвечающих требованиям времени законодательства. Предлагаемый высшим руководством страны пакет «радикальных реформ» станет ответом на

востребованность в общественном сознании новых возможностей трансформации политико – правового и психологического климата в стране в рамках установки молодых россиян на лозунг «Да, мы можем жить в цифровом обществе». Электронно-технически-социальные инновации последних десятилетий позволили придать новое качество существующей технологии прямых взаимодействий граждан с государством, получившей на русский язык трудно переводимое название «электронное нормотворчество граждан» (англ. – *e-Rulemaking*). Такое расширение общественного участия граждан позволяет не только повлиять на качество законопроектов, затрагивающих интересы социальных населения, но и повысить в обществе уровень политико-правовой культуры молодежи и подрастающих поколений, придав им уверенность в их значимости для власти.

В настоящее время список коммуникативных каналов расширяется и включает в себя электронную почту, блоги, листы рассылки и многие иные сетевые сервисы. Используя возможности интерактивной коммуникации, пользователи могут не только предлагать для обсуждения те или иные поправки в проекты нормативных актов, но и перед внесением предложений знакомиться с уже зафиксированными комментариями, а также представлять свое видение релевантности ранее предложенных текстов. Вместе с тем, основные современные молодежные протестные настроения связаны с непосредственными проблемами, а именно, поиском работы и реализацией своих профессиональных способностей, с повышением цен на образование и недостатком материальных средств, а также ростом цен на жилье и услуги ЖКХ. В результате для молодого гражданина России участие в общественном нормотворчестве становится рефлексивной политико-правовой практикой, развивающей реактивное коммуникативное действие, возникающее как ответ на интересующую его проблему. Так происходит формирование не только политической культуры, но и косвенным образом осуществляется правовое просвещение российской молодежи. И это одни из немногих форм интерактивного общественного участия, которые материализуются в форме конкретных предложений на регулярной основе - муниципальным, региональным и федеральным властям.

Особо подчеркнем, что молодые граждане на добровольной основе и безвозмездно участвуют в указанной деятельности, но ориентируясь на достижение общественного блага, поскольку результатом обсуждения становится законопроект или нормативный акт, затрагивающий именно их интересы. Тем не менее, именно когнитивные и мотивационные проблемы являются основными препятствиями на пути расширения участия молодежи в процессах общественного нормотворчества. В результате такого участия молодежи мы имеем дело со сложным переплетением мотивационных, интеллектуальных и эмоциональных барьеров в сфере коллективного действия. И в истории современной России этому множество подтверждений, например, низкая эффективность функционирования Общественной палаты Российской Федерации, а также созданных при министерствах и ведомствах общественно-консультативных советов, недостаточная востребованность общественной экспертизы отдельных нормативных актов на уровне регионов и игнорирование экспертного потенциала формирующегося гражданского общества в структурах местного самоуправления. В итоге, участию российской молодежи в нормотворчестве препятствуют не только бюрократы, но и значительная часть депутатского корпуса, представляющая политические партии, так как новая для страны политическая технология подрывает их монополию на представление в различных инстанциях так называемого «мнения народа». Достаточно вспомнить материальные потери, которая понесла страна в результате применения плохо разработанного законодательства о монетизации льгот, конфликтах возникающих вокруг решений связанных с проблемами экологии, образования, медицины, социального обслуживания. Десятки тысяч коррупционных лазеек в

принятых только за последнее десятилетие нормативных актах – свидетельствуют о существовании дисфункций в политико-правовой системе.

Вместе с тем, наличие указанных дисфункций и необходимость обязательной общественной экспертизы правовых актов признаны высшим руководством страны – действующим Постановлением Правительства Российской Федерации № 195 «Об утверждении Правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции»[2]. Для проведения независимой экспертизы на коррупционность федеральный орган исполнительной власти - разработчик проектов документов размещает их на своем официальном сайте в сети Интернет, при этом соответствующие отзывы и заключения имеют право представлять независимые эксперты. Данная позиция получила дальнейшее правовое регулирование в Федеральном законе № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»[3]. В итоге 1 марта 2018 года Президент РФ подтвердил тем, что «в цифровую форму нужно перевести документооборот между госструктурами, что важно и для самих госструктур, и для граждан. ... и, что цифровизация всей системы государственного управления, повышение ее прозрачности – это и мощный фактор противодействия коррупции»[4].

Вместе с тем, применительно к феномену «цифровизации» взаимовлияние институтов современного общества, важнейшую роль в развитии страны и мобилизации активной части общества на осуществление качественного скачка в развитии. И важным элементом современной картины страны является социально-экономический фон, который характеризуется принципиально другими аспектами. Это затянувшаяся стагнация – долгое «выползание» из кризиса. И здесь важно то, что власть на произошедший кризис всячески убеждала людей, что он будет недолгим и что страна быстро из него выйдет. Тогда это способствовало сохранению популярности власти. Но сейчас это причина нарастающего раздражения в отношении власти, как отложенная реакция на кризис. Власть, даже используя все резервы для того, чтобы продолжать популистскую социальную политику, все равно вызывает у молодежи раздражение. Это раздражение накапливается, и, не имея нормального выхода, прорывается всякий раз, когда власть вольно или невольно совершает ошибку или просто делает неловкий жест. Плюс ко всему из-за того, что власть больше не может свои внутренние конфликты решать непублично, происходит ее самодискредитация в глазах граждан. Это и показали результаты выборов 18 сентября 2016 года. И стали явным показателем итоги выборов Президента РФ 18 марта 2018 года.

Молодые граждане видят, что власть недостаточно адекватна, что она не в состоянии справляться с возникающими проблемами – и внутренними, и внешними, а это убедительно им показывает, что разруха в головах у принимающих решения и что имеют место системные сбои. Экономисты, стремящиеся понять, почему одни страны

оказываются благополучнее других, уверены, что дело в характере институтов — действующих правил. Если действующие законы и правила защищают права собственности только для меньшинства, если множество молодых людей вынуждены браться за работу, которая им не по душе, а начать собственное дело очень трудно, то такие институты называются экстрактивными (*extractive — добывающие, извлекающие*). По сути, государство становится в этом случае не союзником общества, а инструментом защиты привилегий для элиты-власти. И, как показывают ученые, механизм этот способен воспроизводить себя долго, что мы хорошо знаем на примере собственной истории. Экстрактивные политические институты порождают экономические институты, позволяющие небольшой группе населения извлекать максимум дохода за счет всех остальных. Те, кто получает все преимущества, получают и все ресурсы для сохранения власти [5]. В остальной части общества политико-правовое недовольство появляется там, где скапливается «критическая масса» социального. Когда эта «масса» требует своих законов функционирования, когда она предъявляет свои требования к власти, она порой и становится властью. Никогда еще возможности формирования этих новых законов не были так доступны [6]. Однако данный тезис не в полной мере применим к России, находящейся на иной стадии политико-правового развития, в рамках которой активные политические процессы маловероятны. Добавим здесь, что через растущее благосостояние должен был появиться «человек действующий», чего на практике как раз и не произошло, в силу незаинтересованности элиты-власти в конкурентной политической среде. Этому и уделил внимание В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию — «Смысл всей нашей политики — это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России. Поэтому наши усилия направлены на поддержку традиционных ценностей и семьи, а демографические программы, улучшение экологии, здоровья людей, развитие образования и культуры»[4]. Так, по итогу избирательной компании 18 марта 2018 года в крупных городах отмечен рост молодежной гражданской активности, и вместе с тем возникают новые формы самоорганизации в различных сферах: - обустройство территории, - досуговые объединения, - различные общества помощи, - формы территориального самоуправления, - борьба с уплотнительной застройкой, - родительские советы, - экологические группы и др.

Многие активисты задумываются о создании коалиций для объединения усилий по различным вопросам, однако в целом общественная сфера остается разрозненной. Правозащитные организации отмечают медленный рост правовой грамотности населения, готовности защищать свои права, если они оказались нарушены. Это позволяет говорить о формировании потенциального спроса на деятельность организаций, которые способны оказать гражданам юридическую и консультационную помощь по защите их интересов и во взаимодействии по этому поводу с государственными органами. Однако возникающие общественные группы часто не

знают, куда и к кому им обращаться, а состоявшиеся организации не всегда воспринимают их как своих потенциальных клиентов [7]. При этом важно учитывать, что социально-политические институты по определению предназначены не для развития, но для воспроизводства норм, обеспечивающих порядок и стабильность в обществе. Видимо поэтому Президентом Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации - 2018 год объявлен в России «Годом Добровольца» и указано, что «сегодня деятельные, неравнодушные граждане, социально ориентированные НКО активно участвуют в решении важнейших задач. Именно вовлеченность людей в дела страны и гражданская активность, как и культурные, нравственные, духовные ценности, делают нас единым народом, способным к достижению больших целей. Российская молодежь уже доказывает свое лидерство и в науке, и в других сферах»[4]. Учитывая особенности реформирования современной России, можно прогнозировать, что уже в обозримой перспективе аналогичные модели общественного молодежного участия будут внедряться как на региональном, так и муниципальном уровнях. Но сегодня итогом все таки являются потери не только молодых граждан России, как участников общественно-политических мероприятий, но главное потери перспективных идеи молодых поколений в своей нужности для российского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. теоретические основы которой сформулировали Юрген Хабермас (Jurgen Habermas), Роберт Даль (Robert Dahl), Дэвид Труман (David Truman), Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. Dahl R. Who Governs? New Haven: Yale University Press, 1961. Truman D. The Governmental Process: Political Interests and Public Opinion. New York: Knopf, 1960.
2. Об утверждении Правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции: Постановление Правительства Российской Федерации от 5 марта 2009г. № 195 // Российская газета. 2009. 7.03.
3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17 июля 2009г. № 172-ФЗ (с изм и доп. 2017г.) // Российская газета. 2009. 22 июля.
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018г. // Российская газета. 2018. 1.03.
5. Трудюлюбов М. Я и моя страна: колониальные будни России // Ведомости, 2011, № 77 (2843), 29.04.2011.
6. Колозарики П. Сетевая Россия, которой не было // Русский журнал, 2011, 4 мая.
7. Волков Д. Перспективы гражданского общества в России. Результаты отчета // Пресс-релиз Левада-Центра, 2014, 04.04.

№17/2018

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.5

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
 - Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
 - Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
 - Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
 - Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
 - Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
 - Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
 - Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
 - Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
 - Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
 - Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
 - Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
 - Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
 - Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
 - Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
 - Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
 - Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
 - Chan Jiang (Peking University, China)
- and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>